

Последние главы из книги Ник. Жевахова “Воспоминания”

о Церкви и Государстве в период 1918 — 1923 гг.

- ГЛАВА 44. Послание Патриаршего Синода
ГЛАВА 45. Отповедь митрополита Антония на послание Московского Синода
ГЛАВА 46. Причины
ГЛАВА 47. Церковь и государство
ГЛАВА 48. Природа Русского Самодержавия
ГЛАВА 49. Происхождение власти
ГЛАВА 50. Православная Церковь в России до революции
ГЛАВА 51. Отношение Русских Царей к Церкви
ГЛАВА 52. Церковно-государственное значение синодальной оберпрокуратуры
ГЛАВА 53. Государственные задачи Церкви
ГЛАВА 54. Трагедия детской души
ГЛАВА 55. Душевная драма обывателей
ГЛАВА 56. Пастыри и паства
ГЛАВА 57. Епископы и монахи
ГЛАВА 58. Православие и Католицизм
ГЛАВА 59. Дурман
ГЛАВА 60. Уроки революции
ГЛАВА 61. Свыше указанный путь ко спасению России
БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Н.Д.ЖЕВАХОВА (Библиографию составил Александр СТРИЖЕВ)
КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ДАВИДОВИЧ ЖЕВАХОВ (краткий биографический очерк) Александр СТРИЖЕВ 1993 г.

ГЛАВА 44

Послание Патриаршего Синода

“Божиею милостию смиренный Сергей, митрополит Нижегородский, заместитель Патриаршего Местоблюстителя, и Временный Патриарший Священный Синод — Преосвященным архипастырям, Боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Святой Всероссийской Православной Церкви о Господе радоваться.

Одной из забот почившего Святейшем отца нашего Патриарха Тихона пред его кончиной было поставить нашу Православную Русскую Церковь в правильные отношения к советскому правительству и тем дать Церкви возможность вполне законного и мирного существования. Умирая, Святейший говорил: “Нужно бы пожить еще годика три”. И, конечно, если

бы неожиданная кончина не прекратила его святительских трудов, он довел бы дело до конца. К сожалению, разные обстоятельства, а главным образом, выступления зарубежных врагов советского государства, среди которых были не только рядовые верующие нашей Церкви, но и водители их, возбуждая естественное и справедливое недоверие правительства к церковным деятелям вообще, мешали усилиям Святейшего, и ему не суждено было при жизни видеть своих усилий увенчанными успехом.

Ныне жребий быть временным заместителем Первосвятителя нашей Церкви опять пал на меня, недостойного митрополита Сергия, а вместе со жребием пал на меня и долг продолжать дело почившего и всемерно стремиться к мирному устроению наших церковных дел.

Усилия мои в этом направлении, разделяемые со мною и православными архипастырями, как будто не остаются бесплодными: с учреждением при мне Временного Патриаршего Священного Синода укрепляется надежда на приведение всего нашего церковного управления в должный строй и порядок, возрастает и уверенность в возможность мирной жизни и деятельности нашей в пределах закона.

Теперь, когда мы почти у цели наших стремлений, выступления зарубежных врагов не прекращаются: убийства, поджоги, налеты, взрывы и им подобные явления подпольной борьбы у нас у всех на глазах. Все это нарушает мирное течение жизни, созидая атмосферу взаимного недоверия и всяческих подозрений. Тем нужнее для нашей Церкви и тем обязательнее для нас всех, кому дороги ее интересы, кто желает вывести ее на путь легального и мирного существования, тем обязательнее для нас теперь показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством.

Засвидетельствовать это и является целью настоящего нашего (моего и синодального) послания. Затем извещаем вас, что в мае текущего года по моему приглашению и с разрешения власти организован временный при заместителе Патриарший Священный Синод в составе нижеподписавшихся. Отсутствуют Преосвященные Новгородский митрополит Арсений, еще не прибывший, и Костромской архиепископ Севастиан по болезни. Ходатайство наше о разрешении Синоду начать деятельность по управлению Православной Всероссийской Церковью увенчалось успехом. Теперь наша православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление; а мы надеемся, что легализация постепенно распространится и на низшее наше церковное управление: епархиальное, уездное и т.д. Едва ли нужно объяснять значение и все последствия перемены, совершающейся, таким образом, в положении нашей православной Церкви, ее духовенства, всех церковных деятелей и учреждений...

Вознесем же наши благодарственные молитвы к Господу, тако благоволившему о святой нашей Церкви! Выразим всенародно нашу благодарность и советскому правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения, а вместе с тем заверим правительство, что мы не употребим во зло оказанного нам доверия.

Приступив с благословения Божия к нашей синодальной работе, мы ясно сознаем всю величину задачи, предстоящей как нам, так и всем вообще представителям Церкви. Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к советской власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное варшавскому, сознается нами как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза “не только из страха, но и по совести”, как учил нас апостол (Рим. XIII, 5). И мы надеемся, что с помощью Божией, при вашем общем содействии и поддержке, эта задача будет нами разрешена. Мешать нам может лишь то, что мешало и в первые годы советской власти устройению церковной жизни на началах лояльности. Это — недостаточное сознание всей серьезности совершившегося в нашей стране. Утверждение советской власти многим представлялось каким-то недоразумением, случайным и потому недолговечным. Забывали люди, что случайностей для христианина нет и что в совершающемся у нас, как везде и всегда, действует также десница Божия, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели.

Таким людям, не желающим понять “знамения времени”, и может казаться, что нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с православием. Такое настроение известных церковных кругах, выражавшееся, конечно, и в словах, и в делах и навлекавшее подозрения советской власти, тормозило и усилия Святейшего Патриарха установить мирные отношения Церкви с советским правительством. Недаром ведь апостол внушает нам, что “тихо и безмятежно жить” по своему благочестию мы можем, лишь повинувшись законной власти (1 Тим. 11, 2), или должны уйти из общества. Только кабинетные мечтатели могут думать, что такое огромное общество, как наша православная Церковь со всею ее организацией, может существовать в государстве спокойно, закрывшись от власти. Теперь, когда наша Патриархия, исполняя волю почившего Патриарха, решительно и бесповоротно становится на путь лояльности,

людям указанного настроения придется или переломить себя и, оставив свои политические симпатии дома, приносить в церковь только веру и работать с нами только во имя веры; или, если переломить себя они сразу не смогут, по крайней мере не мешать нам, устранившись временно от дела. Мы уверены, что они опять и очень скоро возвратятся работать с нами, убедившись, что изменилось лишь отношение к власти, а вера и православно-христианская жизнь остаются неизблемы.

Особенную остроту при данной обстановке получает вопрос о духовенстве, ушедшем с эмигрантами за границу. Ярko противосоветские выступления некоторых наших архипастырей и пастырей, как известно, заставили почившего Патриарха упразднить заграничный Синод (5 мая — 22 апреля 1922 г.). Но Синод и до сих пор продолжает существовать, политически не меняясь, а в последнее время своими притязаниями на власть даже расколол заграничное церковное общество на два лагеря. Чтобы положить этому конец, мы потребовали от заграничного духовенства дать письменное обязательство в полной лояльности к советскому правительству во всей своей общественной деятельности. Не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из состава клира, подведомственного Московской Патриархии. Думаем, что, размежевавшись так, мы будем обеспечены от всяких неожиданностей из-за границы. С другой стороны, наше постановление, может быть, заставит многих задуматься, не пора ли и им пересмотреть вопрос о своих отношениях к советской власти, чтобы не порывать со своей родной Церковью и родиной.

Не менее важной своей задачей мы считаем и приготовление к созыву и самый созыв нашем втором Поместного Собора, который изберет нам уже не временное, а постоянное центральное церковное управление, а также вынесет решение и о всех “похитителях власти” церковной, раздирающих хитон Христов. Порядок и время созыва, предметы занятий Собора и пр. подробности будут выработаны потом. Теперь же мы выразим лишь наше твердое убеждение, что наш будущий Собор, разрешив многие наболевшие вопросы нашей внутренней церковной жизни, в то же время своим соборным разумом и голосом даст окончательное одобрение и предпринятому нами делу установления правильных отношений нашей Церкви к советскому правительству.

В заключение усердно просим всех вас, Преосвященные архипастыри, пастыри, братие и сестры: помогите нам каждый в своем чину вашим чувством и содействием нашему труду, вашим усердием к делу Божию, вашей преданностью и послушанием святой Церкви, в особенности же вашими за нас молитвами ко Господу, да даст Он нам успешно и богоугодно совершить возложенное на нас дело к славе Его святого имени, к пользе святой православной Церкви и к нашему общему спасению.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и причастие Святого Духа буди со всеми вами. Аминь. 16/29 июля 1927 г., Москва.

За Патриаршего Местоблюстителя Сергей, митрополит Нижегородский Члены

Временного Патриаршего Священном Синода: Серафим, митрополит Тверской, Сильвестр, архиепископ Вологодский, Алексей, архиепископ Хутынский, управляющий Новгородской епархией, Анатолий, архиепископ Самарский, Павел, архиепископ Вятский, Филипп, архиепископ Звенигородский, управляющий Московской епархией, Константин, епископ Сумский, управляющий Харьковской епархией.”

Рижский корреспондент “Таймса” сообщает: “Сов. правительство освободило из заключения митрополита Сергея, заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола и еще нескольких иерархов, долго содержавшихся в тюрьме.

Освобождение иерархов последовало в результате переговоров, начавшихся еще весной.

На каких условиях состоялось соглашение между сов. правительством и иерархами “временного синода”, видно из напечатанного выше послания.” (Новое Время, 15/28 августа, 1927 г., № 1896.)

Как ни тягостно впечатление, вызываемое этим беспримерным в истории Церкви “посланием”, этим приказом служить сатане, а не Богу, однако же было бы несправедливо возлагать единоличную ответственность за такой приказ на подписавших его иерархов Церкви. Они ответственны не за содержание “послания”, несомненно исторгнутого у них силой и угрозами расстрела, а за маловерие и малодушие, заставившее их уступить этой силе и этим угрозам.

“Спаситель учил, — пишет мне один из моих друзей, — что никакой слуга не может служить двум господам, ибо одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадет. Не можете служить Богу и маммоне (Лук. 16, 13).

Митрополит Сергей, очевидно, совершенно не отдает себе отчета в том, что большевичество, или, правильнее, ленинизм — это религия, но только без Бога и нравственного идеала, каким для христиан является личность Иисуса Христа; это мрачная и подлая религия сатаны, скрытого от глаз людских, ибо в ленинизме нет культа сатаны, как и вообще нет никакого культа. Подчиняясь распоряжениям ленинской власти, митрополит Сергей тем самым порывает связь с Христом и приглашает к тому свою паству.

Большого издевательства над душами христианами я не могу себе представить. Одно из двух: или нужно любить Христа с Его дивным Божественным учением и всем существом ненавидеть ленинизм, добываясь

возможно скорого и полного искоренения этой духовной чумы, или, наоборот, нужно сделаться ленинцем, поклоняться его мумии в мавзолее на Красной площади и преследовать христианскую религию, считая ее опиумом для народа; или нужно распластываться перед советской властью, ничком лежать под ее пятою, а о Христе не радеть, или, наоборот, нужно служить Христу, проводить в жизнь Его учение, призывая всех и каждого к свержению сатанинской власти. Христос говорит: “Не можете служить Богу и маммоне”, а митрополит Сергей, мнящий себя христианским пастырем, утверждает: “Можем служить и Богу и сатане”. В моем сознании такая мерзость не вмещается. Неужели в самом деле митрополит Сергей не понимает, что признание советской власти “нормальной” есть прямое и бесповоротное отречение от Христа. Вероятно, в нынешней России, под гнетом непрерывного террора, все понятия у людей поставлены вверх ногами. Иначе нельзя себе объяснить выступления митрополита Сергея. Или, может быть, это мистификация со стороны советской власти, выпустившей нужное послание ей, только вынудив силой принуждения у митрополита Сергея и семи епископов их подписи?!

Я убежден, что обращение написано кем-либо из членов советском правительства, и если подписано митрополитом Сергием и другими семью епископами, то только разве под дулами револьверов. Не может быть, чтобы православные епископы решили произнести такие слова:

“Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное варшавскому, сознается нами, как удар направленный в нас.”

В отвлечении это выходило бы так, что всякий успех сатаны мил и приятен служителям истинного Бога. Обращение лягает и монархию будто бы за то, что она под видом покровительства Церкви использовала ее в своих целях. Не верю, чтобы так думал митрополит Сергей.

Прямо кощунственная ссылка на 1-е послание ап. Павла к Тимофею (1 Тим. II, 1), словами которой митрополит Сергей приглашает православных “совершать молитвы, прошения, моления и благодарения” за сатанинскую жидовскую власть. Неужели подтвердится подлинность обращения?!” (Из частного письма от 26 августа 1927 г.)

Не скрываю, что лично я переживаю менее остро впечатления, рожденные посланием Патриаршем Синода. Несомненно, что и митрополит Сергей, и подписавшие послание иерархи так же гнушаются общения с сатанинской властью, как и все прочие христиане, что содержание послания ни в малейшей степени не отражает убеждений подписавших его, а знаменует собой лишь самое заурядное свидетельство того малодушия и маловерия, которые обычно утверждаются на вере в человеческую силу,

когда не хватает веры в силу Божескую. С точки зрения земных расчетов и преobraжений, патриаршее послание может быть если и не оправдано, то найти свое объяснение. Оно было продиктовано надеждой на облегчение положения Соловецких узников, надеждой на возможность получения хотя бы минимальных льгот, обеспечивших бы возрождение церковной жизни и пр. Однако же все эти надежды, разумеется, были необоснованных и могли явиться следствием того же маловерия. С дьяволом немислимы никакие соглашения, и там, где недостаточны для борьбы с ним силы человеческие, там нужна только помощь Божия и прежде всего вера в силу этой помощи. Этой-то веры и не оказалось... Отсутствие ее тонко подчеркнута и “Отповедью” митрополита Антония, составляющей содержание следующей главы.

ГЛАВА 45

Отповедь митрополита Антония на послание Московского Синода

“В послании моего бывшем ученика и исконного друга митрополита Сергия есть одна бесспорная мысль: “Только кабинетные мечтатели могут думать, будто такое огромное общество, как наша Православная Церковь со всею ее организацией, может существовать спокойно, закрывшись от власти”.

Однако и к этой бесспорной мысли надо сделать дополнение: “Мечтатели или обманщики, ни во что не верующие, а желающие свести церковную жизнь на полное уничтожение и под предлогом аполитичности ведущие республиканскую еврейскую политику”. Так было в 1905 году в России, а теперь по всей Европе, особенно же в Париже.

Там были мечтатели или обманщики, но к числу последних, конечно, нельзя отнести благородного мечтателя митрополита Сергия, который еще в 1917 году задался мечтой совместить православную церковную жизнь с подчинением Русской земли советской власти, — хотя последняя продолжает срывать кресты с наиболее дорогих православному сердцу храмов, умерщвлять десятками ни в чем не повинных архиереев, а священников и монахов — тысячами; хотя она убила отравой Патриарха Тихона два года тому назад, а теперь держит в тюрьмах и в ссылке сто пятьдесят архиереев только за то, что они архиереи.

Не довольствуясь этим, она учредила из подонков духовенства и всяких проходимцев два обновленческих Синода: один — в Москве, а другой — в Харькове; она закрыла и запечатала величайшую народную и церковную святыню — Московский Успенский собор, Соловецкий монастырь, Оптину и Саровскую пустыни и многие другие, а святые Лавры Московскую и Киево-Печерскую отдала в руки обновленцев и большинство

храмов в них обратила в музеи. Она разрушила все наши духовные школы, начиная с Академий, и сожгла склады духовных книг в магазинах.

Такое-то, с позволения сказать, правительство нас приглашают признавать как законную власть и вдобавок ссылаются на слова Апостола Павла о подчинении власти не токмо за страх, но и за совесть, как будто не зная, что те слова относятся к почитанию власти царской и начальников от нее посылаемых (Рим. 13, 1 — 7; 1 Пет. 2, 13 — 14), а не к разбойникам, открыто глумящимся над всякой верой в Бога и поработившим русский народ евреям.

Нерон, Декий, Диоклитиан и Юлиан Отступник были менее враждебны Христовой Церкви, чем эти звери, это дьяволы во образе человеческом.

В послании Синода, неизвестно откуда появившегося, говорится: “Мы не с врагами нашего советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством”.

Русский народ с этим “правительством” ничего общего на имеет: народ — христианин, а правительство — враги Христовы; народ умирает за святую веру, а правительство — убивает верующих; “безумные интриги” затевают не враги правительства, а руководители последнем — евреи, которые кроме интриг и уголовных преступлений ничем не занимаются. И вот к послушанию такому правительству нас призывает Московский Синод.

А как относились к врагам Христовым святые отцы? Укажем на одного из

последних между ними, на святителя Патриарха Ермогена. Он из темницы, умирая с голоду, ободрял своими грамотами восставший против засевшего в Кремле правительства русский народ, а правителям-насилыникам посылал проклятия.

Обратимся ли к глубокой древности и там увидим св. Василия Великого, пламенно молящегося пред иконой Божией Матери и св. великомученика Меркурия о погублении Юлиана Отступника; на мгновение с иконы исчезло изображение св. Меркурия, а затем оно появилось вновь, но уже с окровавленным копием.

В это время в далекой Персии на поле брани против Юлиана появился таинственный всадник и бросил в нем копие; умирая, Юлиан воскликнул: “Ты победил меня, Галилеянин”.

Не только храбрые мужи, но и преданные Богу женщины и словом и делом боролись против безбожных носителей власти.

Так поступила праведная Соломония, убедив своих семерых сыновей на отступать от веры, но поругаться мучителю-язычнику, а великомученица Параскева плюнула в лицо императору, похулившему Христа.

Так поступал и целый сонм мучеников и преподобных, а наш русский угодник Божий св. Иосиф Волоколамский з своей книге “Просветитель” пишет приблизительно так: “Повиноваться подобает Царем верным, а не

врагам Христовым, их же Господь не нарицает Цари, глаголя сице: “Идите и рцйте лису тому (Ироду). Убо несть той беззаконник Царь, но лис.”

Еще худшем отношения заслуживает от Церкви и от христиан советское правительство, ибо прежние гонители веры хоть в своих-то богов верили, а эти открыто объявляют себя врагами небес; поэтому приходится краснеть за Московский Синод, читая его призыв “выразить всенародно нашу благодарность советскому правительству за такое внимание к нуждам православного населения”.

Какое внимание? Легализация Синода? Но ведь в этом оно отказала Преосвященному Сергию по его ходатайству в прошлом году и до последнего времени, пока Братья Русской Правды не стали систематически истреблять его представителей как бешенных собак и пока, увы, Преосвященный Сергей не начал подкреплять своего прежнего ходатайства призывами паствы к верности этим разбойникам.

Мы не теряем уверенности в том, что Владыка Сергей находится в добросовестном заблуждении, как в этом общем, так и в другом, частном, своем заявлении, которое он теперь повторил снова. Разумею его вторичное неправильное заявление о том, будто “Святейший Патриарх Тихон 22 апреля 1922 года упразднил Заграничный Синод, но Синод и до сих пор продолжает существовать” и т. д.

Ответим. 22 апреля 1922 года Заграничного Синода вовсе не было, а было Высшее Церковное Управление, которое и было немедленно закрыто нами, согласно распоряжению Патриарха: оно состояло из выборных епископов, клириков и мирян.

По своем упразднении оно было заменено постановлением Всезаграничного Архиерейского Собора — Архиерейским Синодом, состоявшим только из 4-6 архиереев, подчиненных Собору, под покровительством Сербском Патриарха, которому представляются протоколы Соборных заседаний, открываемых каждый раз с его же Святительского разрешения.

Кратко говоря, тут была проявлена высшая степень послушания двум Патриархам, хотя упомянутый указ Патриарха Тихона обнаруживал полную неосведомленность своих составителей в положении дела, если не намеренное затуманивание последнем. Именно там значится, что с назначением митрополита Евлогия (согласно представлению том же Высшему Управлению) Управляющим западно-европейскими церквями “самоу Высшему Заграничному Церковному Управлению не остается никакой сферы деятельности”, — тогда как оно получило от Собора Архиереев в свое управление церкви не только Западной, но и Восточной Европы, а также на Дальнем Востоке, Китае, Японии, в обеих Америках, в Африке и в Палестине.

Послание говорит, что русские клирики, которые не дадут письменного обязательства повиноваться советскому правительству, будут исключены из состава Московского Патриаршего клира (а досужие Ракитины в Западной Европе подменили это выражение так: будут отлучены от Церкви).

Тщетная угроза! Мы сами постановили еще в заседании Собора 1924 года не исполнять распоряжений Московского Синода, идущих во вред Церкви, каковое постановление подписано и митрополитами Платоном и Евлогием. А в прошлом году, по получении послания митрополита Сергия, от 28 мая-10 июня, каковым посланием он отгораживается от управления Заграничной Церковью, Архиерейский Синод твердо решил держаться на позиции этого послания, не принимая могущих быть изменений.

Мы желаем подражать великому учителю Церкви Максиму Исповеднику, который на приглашение восстановить общение с монофелитами, как это сделали тогда три Патриарха, причастившиеся с последними, ответил: “Аще и вся вселенная с ними причастится, аз един не причащуся”.

Да сподобит Господь и нас всех такого мужества и да откроет глаза нашим поколебавшимся московским собратиям их заблуждение.” (Новое Время, 4 сентября 1927 г., № 1902.)

Самым ценным местом в этой отповеди маститого иерарха является указание на молитву св. Василия Великого к Матери Божией, повелевшей св. великомученику Меркурию исполнить просьбу св. Василия.

Свв. отцы Церкви учат, что молитва является самым главным делом жизни, а история христианской Церкви на земле свидетельствует целым рядом доказательств, что молитва к Богу является ничем не победимым орудием в борьбе человека с диаволом и его кознями. Бесчисленные сонмы немощных телом, но сильных духом подвижников Церкви вели борьбу не только с сатанинскими кознями, но и с самим диаволом и побеждали его своею верою в всемогущество Божие, верою в чудо. Вне этой веры нет жизни, нет духовных опор, которые бы осмысливали земное существование человека. Вера в чудо есть синтез всего христианского вероучения, она является той лестницей, которая соединяет небо и землю и по которой человек может восходить до наивысших горних высот, до Самого Бога, претворяя свои мистические ощущения в нечто реальное, осязаемое, дающее реальные плоды. Объемом веры измеряется и объем чуда. Там, где нет веры, там нет и чуда. Сначала вера, потом чудо. Чудо неотделимо от веры и является самым нормальным явлением, самым реальным фактом жизни духа, и приобщенные еще здесь, на земле, к духовной жизни являются не только свидетелями чуда, но и живут в сфере чудес, точнее в той сфере, которая только кажется “чудесной” духовно слепым людям, а на самом деле является реальнее видимого преходящего мира.

Но где и как найти веру, если ее нет, если она утрачена, если исчезла?!

“Просите, и дано будет вам” (Матф. 7, 7), — отвечает Спаситель. “Имейте веру Божию. Ибо истинно говорю вам: если кто скажет горе сей: “поднимись и ввергнись в море”, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, — будет ему, что ни скажет. Потому говорю вам: все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите и будет вам” (Марк. 11, 23 — 24).

“Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит...” (Иоан. 14, 12).

Неужели эти прописные истины, ставшие уже азбучным, были неизвестны митрополиту Сергию или иерархам, подписавшим “послание”, и кто из нас может сказать, что эти истины были забыты и что иерархи, томящиеся в ужасных оковах сатанинской власти, не взывали к Милосердному Господу о помощи и спасении, просили и молили?!

Кто может бросить подобный упрек и Зарубежной Церкви, какую никто не гонит и не преследует, над которой никто не глумится, которая имеет в своем составе выдающихся иерархов и пастырей Церкви, и непрерывно возносит свои молитвы к Богу о спасении погибающей России, порабощенной жидами?! А между тем 10 лет возносятся эти молитвы и здесь, и за рубежом, а Бог точно не слышит их и не отзывается на них...

А наряду с этим, чудеса Божии не прекращаются, и в России их еще больше, чем в иных местах: то обновление древних икон в храмах, сопровождаемое рядом чудесных, мгновенных исцелений страждущих, то обновление куполов на глазах сатанистов, не имевших возможности отрицать чуда, то исцеление слепых (Нов. Вр., 27 июля 1927 г., № 9 1868), то целый ряд чудес, явленных среди красноармейцев и обративших на себя внимание, дававшее и дающее повод говорить о нарастании религиозного чувства и пробуждении веры даже у большевиков. И в иностранных газетах стали попадаться сообщения о необычных явлениях чудесного порядка, особенно в местах, пострадавших от землетрясений и наводнений и небывалых раньше стихийных бедствий. Конечно, этими чудесами принято лишь восторгаться, но мало кто думает о том, чтобы собрать их и запечатлеть в памяти изданием специально посвященной им книги... Их в лучшем случае отмечают на страницах газет как интересный материал для чтения, с тем, чтобы выбросить потом газету и забыть о них.

Привожу одно из разительных чудес, случайно попавшее на страницы “Нового Времени” (1 сент. 1923 г., № 704):

“Шестого июля в четверг мы все — жители Киева были свидетелями величайшего чуда, записанного когда-либо в летописях России. С быстротой молнии по городу распространилась весть о том, что в церкви Всех Скорбящих Радосте, что на Сенном базаре, чудесно обновился купол над колокольней, а также икона Казанской Божией Матери при входе в церковь. Я об этом узнал перед вечером и, конечно, мгновенно отправился

туда. Вся площадь перед церковью и все прилегающие к ней улицы были усыпаны многотысячной толпой. Солнце заходило, наступал вечер, и обновленный купол сиял белым золотистым светом. Этот купол я знал прекрасно. Он всегда поражал меня своей потускневшей позолотой, местами совсем сошедшей. Весь он был какого-то смутно-песочного неопределенного цвета. Блеску не было на нем никакого. И вдруг он теперь не только покрывался совершенно новой, блестящей позолотой, но даже светился каким-то таинственным светом. С самого утра 6-го июля, как только стало известным дивное обновление купола и Казанской иконы Божией Матери, десятки тысяч народа хлынули туда, чтобы созерцать дивное проявление Божественной силы. На глазах всех собравшихся происходило чудесное знамение Божие: одна за другой постепенно таинственно обновлялись иконы св. Серафима, Елены, Константина и Феодосия Черниговского, писанные на купольном барабане колокольни. Все с замиранием сердца следили за тем, как с минуты на минуту появлялась позолота, светлели лики и выступали краски на потускневших и обветшалых иконах. Теперь они стоят как новые, как только что написанные.

После долгих усилий к вечеру мне удалось протиснуться в церковь. В самой церкви обновилась трехсотлетняя плащаница, Распятие и две хоругви. Плащаница была совсем старая и потускневшая. Теперь плащаница вся сияет в золоте и серебре и поражает всех своей красотой и художественностью. То же самое и хоругви. Материя как была, так и осталась — порванная, местами зачиненная, а краски и золото блестят и производят впечатление совершенно новых. Но никогда в жизни я не забуду чудесного обновления образа св. Николая Чудотворца, которое происходило на моих глазах. Надо заметить, что с первого же момента, когда выяснилось обновление, “наши власти” поспешили послать в церковь комиссию для выяснения обстоятельств дела. Комиссия прибыла в церковь часа в 2 дня и приступила к осмотру плащаницы. Было, конечно, решено, что все это обман, что попросту вместо старой плащаницы повесили новую. Но в это время одна из женщин воскликнула: “Смотрите, на этой иконе появилось светлое пятно”. И действительно, все находившиеся тогда в храме обратили свой взор на совершенно темную икону, висевшую на стене. На ней было светлое сияние, в виде пятна, которое начало разрастаться все более и более. Не прошло и получаса, как перед потрясенным народом, просял лик Святителя и Чудотворца Николая. После этого комиссия моментально ушла из храма и больше туда не показывалась. Когда я пришел в церковь, обновилась уже вся средняя часть образа Св. Николая, но кругом была совершенная чернота. И вот на моих глазах и на глазах бывших тогда (6-го июля 1923 г.) в церкви свет, исходящий от лика Святителя Николая, проникал все дальше и дальше,

поглощая еще необновившуюся часть иконы и, наконец, выступило во всей своей красе все изображение Святителя Николая.

Наступил уже вечер. В храме было темно. Электричество не горело. Но лик Святителя сиял каким-то особенным сверхъестественным внутренним светом. Это была потрясающая картина. В первый раз в жизни я увидел всю силу и все очарование религиозном порыва толпы. Святитель Николай сиял среди нас как живой, и все чувствовали его присутствие.

Обновленный образ изображает Св. Николая в его историческом виде: в древней фелони с омофором, правой рукой он благословляет, а левой держит Евангелие. Все, кто видел теперь эту икону, в один голос говорят, что подобного изображения Св. Николая по красоте и по величию никто из нас в жизни не встречал. Я, потрясенный, вышел из храма. Спустилась ночь. Толпа стояла и не расходилась. Все потрясены. Некоторые из евреев пытаются доказать, что это “влияние атмосферы”. Их никто не слушает. У большинства одна лишь мысль — молитва к Богу.

На следующий день, 7 июля, началось обновление второго купола той же церкви и икон, расположенных над куполом. Надо сказать, что нашлись какие-то эксперты, которые взяли два куска — от обновленного купола и от втором купола для обследования. Но результатов обследования не опубликовали. Второй купол начал понемногу обновляться. В течение трех дней совершенно обновилась все иконы, находящиеся нщ куполами — св. Владимира, Ольги, Николая, Александра Невского, Алексия, Петра и других. Но самый купол совершенно не обновился. В тот же день началось обновление Георгиевской церкви. Особенно замечательно обновление в ней иконы, изображающей “Моление о чаше”, а также обновление иконы Покрова и изображения Христа Спасителя с Крестом, идущим на Голгофу. Кроме того обновился еще купол на церкви Рождества на Подоле. Одно из самых замечательных обновлений произошло над колокольной Софийского собора. Там с давних пор, чуть ли не со времени Петра Могилы, висит изображение чуда Св. Николая (Мокром) с ребенком, утонувшим в Днепре в 1072 г. На ней кроме двух-трех темных фигур ничего нельзя было разобрать. Теперь древняя икона представляет собою картину дивной красоты. Перед сияющим в золоте образом Св. Николая лежит ребенок, вытщенный из воды и стоят родители, священник и монахи-старика, а вдали виднеется Днепр, нарисованный с величайшим искусством. Все художники поражены этим дивным образом.

В духовных кругах Киева придают огромное значение тому обстоятельству, что обновилась икона Казанской Божией Матери при входе в церковь Всех Скорбящих Радосте. Казанская икона считается величайшей святыней России и покровительницей русской государственности. Отмечают также, что обновление началось с колокольни (благая весть для всех скорбящих) и произошло в четверг, т. е. в день, посвященный

Православной Церковью памяти величайшего из всех святых Святителя и Чудотворца Николая Мирликийского, особенно чтимого у нас в России.” Н. Р.

И каждый по-своему объяснял эти чудеса, толкуя их то как предзнаменование близкой победы христианства нщ безбожием (Нов. Вр., 5 сентября 1923 г., № 707), то как знамение, что русские люди на пути к обновлению (там же, № 709), то как уступку Бога нашей нечувствительности к мистике мира (там же, № 727) и т. д., тогда как достаточно было осмыслить совершающееся и увидеть, где, когда и при каких условиях происходили эти чудеса, чтобы сказать, что они являли собою только грозное свидетельство бытия Бога, отрицаемого людским безумием, потерявшим веру в Бога и распинавшим Бога, глумящимся нщ Ним и Его законом, но не содержали никаких обетований Божиих, никаких обещаний или указаний на скорое падение жидовской власти в России и спасение нашей измученной, истерзанной России... Наоборот, эти чудеса еще более ярко подчеркивали, что Бог не только существует, но и видит все, и слышит возносимые к Нему мольбы о спасении, но не желает внимать им и отвергает их...

И, изнывая от тоски по Родине, всеми помыслами своими сливаясь с ее жестокими страдания, я мучительно искал ответа на вопрос, почему Милосердный Господь не принимает возносимых к Нему молитв и не спешит с помощью, почему даже Матерь Божия не могла в течение 10 лет замолить людских грехов и умиловить Своего Сына и Бога... и спасти Россию?!

Почему, вопреки обетованиям Спасителя, мы просим и ничего не получаем, ищем и не находим, стучим и никто не отворяет нам?!

Почему Господь милует Европу, гораздо более грешную и далекую от Нем, и губит самую христианскую страну в мире, смиренную и кроткую Россию, почему попускает такое неслыханное в истории глумление над православною Церковью и даже над Своими Угодниками, почему являет Себя красноармейцам и не внимает мольбам пастырей Церкви?! И Сам Господь словами Своего Апостола Иоанна ответил мне на мои недоуменные вопросы.

Да, говорит Апостол Иоанн, Господь и точно сказал, что исполнит все, чего мы попросим у Нею, и даже подтвердил Свое обещание словами: “Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут” (Лк. 21, 33), но при каких условиях дано такое обещание?

“...Если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу, и, чего ни попросим, получим от Него... Ибо если сердце наше осуждает нас, то кольми паче Бог, потому что Бог больше сердца нашего и знает все” (1 Посл. Иоанна 3, 21 — 22, 20).

“...Из сердца человеческого исходят злые помыслы, прелюбодения, любодения, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство” (Марк. 7, 21 — 22).

Вот при каких условиях, вот почему ваши молитвы бесплодны, говорит как бы Апостол Иоанн, вот почему вы уже 10 лет топчетесь на одном месте и, верно, еще долго будете топтаться и никогда не увидите вашей Родины... Только чудо Божие может победить большевиков, а дарует вам Господь это чудо тогда, когда ваши молитвы получают дерзновение к Богу, а получают они такое дерзновение тогда, когда ваше сердце перестанет осуждать вас.

И у меня опустились руки... Соглашательство и компромиссы с большевиками в самой России, церковные и политические распри за рубежом ее, зависимость от “общественном” мнения и страх иудейский и там и здесь, нежелание считаться с единым непогрешимым мнением сердца, которое резко осуждает и мысли и действия наши и на осуждения которого не обращается ни малейшего внимания потому, что они никому не видны и не слышны, — разве это не ответ на вопрос о том, почему Господь отвергает наши молитвы и не внимает им?!

“Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей” (Псал. 50, 12).

ГЛАВА 46 **Причины**

Почему же Русская Православная Церковь попала в такое ужасающее положение? Причин много, и на них я остановлюсь ниже, а пока укажу только на ближайšie: общую и частную.

Первая причина заключалась в общем сдвиге христианского сознания в сторону рационализма, что понизило качество веры, ослабило ее интенсивность и разорвало мистическую связь с небом. Человек не только стал больше бояться человека, чем Бога, но и верить в человеческую силу больше, чем во всемогущество Божие. Отсюда и все, совершающееся вокруг него, стало оцениваться с земных, а не с духовных точек зрения, и самое явление большевизма объяснялось не выражением Новозаветных пророчеств Господа Иисуса Христа, а бытовым явлением, с которым и надлежало бороться обычными человеческими способами. Ни Церковь в лице своих представителей, ни рядовые миряне не угадали природы большевизма, а потому и не знали, как бороться с ним. Большевизм явилось выражением той суммы зла, которая перевесила чашу Добра на весах Божеского Правосудия.

Следовательно, все усилия человека должны были бы направляться к увеличению суммы Добра и уменьшению суммы зла, именно к тому, на что указывал Апостол Иоанн, когда говорил об условиях, низводящих благодать Божию и требовал предварительном очищения сердца нашего от

всего, что преграждало путь к Богу, причем с нашей стороны нужны были бы только усилия, только сознательное желание стремиться к такому очищению сердца, только воля к Добру, а остальное уже сделал бы Сам Господь, увенчивая наши усилия победою, Но таких усилий не наблюдалось... Наоборот, наблюдалось упорное и настойчивое стремление к еще большему увеличению суммы зла и... что же удивительного, если сроки спасения России отдаляются и не видны даже в перспективе?! И совершенно прав митрополит Антоний, когда, касаясь чуда обновления икон, говорит: “...Если покаетесь и будете с верою призывать Божию помощь, то близко твое избавление, русский народ! А если не обратитесь к Богу, явление чудесное окончится ничем или чем-либо еще худшим” (Новое Время, № 707).

Очень интересную статью по этому поводу написал покойный А. Столыпин, развивающий ту мысль, что всякое вольное или невольное накопление зла не проходит бесследно, а, наоборот, удлинит сроки возрождения России. Мне хотелось бы привести некоторые выдержки из этой статьи, не сказавшей ничем нового, но характерной и показательной, как выражение точек зрения образованного мирянина на события нашего времени.

Усматривая в явлении большевизма выражение мессианических пророчеств, А. Столыпин говорит:

“Многие из нас в изгнании и еще большее количество страдальцев в России это знают и чувствуют, но все-таки поражает количество непостижимо слепых людей, которые продолжают приписывать все бедствия ничтожным причинам и ничтожным действиям людей, партий и правительств. Как будто те или иные поступки отдельных карликов соизмеримы с кипением чаши Господнего гнева!

Наступление ясно предсказанных и с малых лет известных нам из Писания исключительных событий должны бы, кажется вызвать в совести людей тревожный вопрос, какими исключительными и всенародными грехами, какую непостижимую изменой высшим и духовным задачам человечества вызваны эти кары?

Ведь и с точки зрения нехристианской и даже совсем нерелигиозной понятно, что такое явление природы, как бешеный волк, подлежит уничтожению, а такое историческое явление, как народ, угрожающий совершенствованию человечества, обречен на историческую неудачу. Но с такой, чисто практической точки зрения русский народ не угрожал никому: миролюбие его было вне сомнения, экономически и научно он быстрыми шагами стремился к тем целям, которые принято называть “целями прогресса”. Наоборот, роль “бешеного волка” приписывалась, — и не без основания, милитаристической Германии. Но сейчас народы Европы стоят лицом к лицу с бешеным волком по преимуществу, с большевистским

волком, и он их менее тревожит, чем даже намек на возрождение былой России.

В силу большевистского волка не верят, потому что он голоден и беден, в силу Германии верили, потому что она располагала невиданной военной мощью, в силу бывшей России тоже верили, потому что она могла поднять и вооружить несметное количество людей. Мы познали цену этим силам на горьком опыте, но весь мир продолжает верить подобным силам, а силы безусловного зла не боятся только потому, что безусловное зло вооружено такими мало осязаемыми средствами, как способность разлагать и растлевать слабую человеческую природу.

Большевизм — это отвратительная религия зла — обладает такую же притягательной силой, как и добро притягательно для ревнителей добра. Считать большевизм местным русским явлением было бы так же ошибочно, как считать католицизм итальянской религией потому, что глава католической церкви пребывает в Ватикане. Большевизм — это религия всемирная и воинствующая, пытающаяся выделить злое начало в человечестве и доставить ему торжество. Такого явного, таком бесстыдного утверждения зла человечество еще никогда не видело. Злое начало уживалось с добрым, как плевелы с пшеницей, и потому все страстные обвинения, направленные против сословий, против народов, против того или другого политического строя, всегда грешили несправедливостью. Зло переплеталось с добром и у аристократов, и у пролетариев, и у эллинов, в самодержавных государствах и в свободных республиках. Отделить резко эти два начала представлялось нашему мышлению действием невозможным и противным человеческой природе. Для этого требовалось бы вмешательство чуда. И чудо это проявилось со всеми признаками чудесности для тех, кто желает его осмыслить, и со всеми признаками бессмысленной катастрофы для упорствующих в слепоте.

Когда Ленин заявлял, что “чудом” он достиг власти, что “чудом” победил врагов и “чудом” продержался, несмотря на страшное разорение России, он не подозревал, какой верный и глубокий смысл он вкладывал в это слово. Являясь тем роковым человеком, через которого должны придти соблазны, он одновременно явился и тем орудием, которое отделяет плевелы от пшеницы. Он создал те условия, при которых нельзя служить злу, лицемерно прикрываясь добром, потому что, принимая большевизм, нельзя не принять и ответственности за ненасытное человекоубийство, за бездну предательства и зла. Но стать при этих условиях на сторону добра, значит сознательно выбрать тесный путь и узкие врата подвиги, значит быть готовым на крестную муку. Здесь нет места ни для равнодушного зрителя, ни для высокомерного Пилата, умывающего руки. Поэтому не может и не должно быть, чтобы большевизм ограничился географическими пределами России. Та сила злой мистики одушевления, которая в нем заложена, достаточна, чтобы распознать ее духовный первоисточник.

Решительный и беспощадный бой против религиозной связи человека с Творцом, одной из степеней которой является христианство. Большевистские плакаты, на которых начертано: “Религия — это яд”, являются с их стороны обычным приемом лжи. Потому что своя, очень крепкая и ужасная религия у них есть, во имя ее они борются, и, если еще не провозглашают ее явно, то потому, что не пришло время открыть ее тайны непосвященным. Впрочем, они выдают себя некоторыми внешними знаками, вроде магических начертаний и эмблем, украшающих их обмундировку. От людей, посвятивших себя изучению и борьбе с этими мерзостями, я слышал о невероятном распространении всяких “черных” культов, вроде люцифериан и сатанистов, с главными центрами их распространения в очень неожиданных государствах: в Испании и в Китае. К большевизму это не имеет отношения, это только характерно как явление времени. Большевикам не до забавы нелепыми ритуалами; жертвенная кровь людей проливается ими на обширном алтаре нашей оскверненной родины, пока не откроется для них новое, еще более широкое поприще. Нам неизвестно, куда ведет их таинственная власть третьего интернационала, но и для них загадка, насколько их возвысит и когда их сокрушит всемогущая рука Провидения.

Поэтому праздны споры о том, какой способ борьбы против них необходим, что лучше: вооруженное вмешательство или революция на месте; бороться ли с ними во имя демократии или монархии? Всякая борьба со злом является святым начинанием, всякое противодействие зачтется, но большевизм будет побежден не падением Ленина и Троцкого, но объединением той части человечества, которая не согласится даже за цену жизни осквернить свою бессмертную душу. Распри между противниками большевизма — это такое же “порождение дьявола”, как и сам большевизм. Это — одно из невесомых и невидимых орудий злого начала, которого люди не страшатся, потому что оно не олицетворяется ни в виде стреляющих орудий, ни в виде наступающих войск. Но оно сильнее армий всего света, и оно завоеует еще много стран и народов. Когда не останется больше прибежища для колеблющихся, когда перед всяким предстанет грозная необходимость выбора: быть злодеем или праведником, тогда наступит конец. Потому что перед оружием праведников, которое называется: мир в единении духа, не устоит зло. Я верю именно в такой конец большевизма: неожиданный, мирный и нравственно для него постыдный.” (Новое Время, 22 апреля 1921 г., № 1.)

Тот же А. Столыпин, останавливаясь на знаменях Божиих, явленных обновлением икон и куполов храмов в России, писал:

“Еще недавно противники веры объединились под знаменем точной науки, но эти времена прошли. С одной стороны, столько научных незыблемых утверждений потерпели крушение, что наука уподобилась царству, разделившемуся и погибающему, а с другой стороны, многие

светила точной науки, пораженные обилием сверхъестественных фактов, прежде просто отрицавшихся, теперь увлечены их исследованием. Назовем хотя бы метапсихический институт Шарля Рише, существующий на французские правительственные средства.

Многие исследователи утверждают и доказывают, что т.н. оккультные науки дают возможность воспитать человеческую волю и довести ее до сверхъестественного могущества, и представляется почти несомненным, что возглавители древних теократий — первосвященники и жрецы — были одновременно и хранителями древней тайной науки, недаром они заслужили упрек Господень в том, что, владея ключами Царствия Божия, они сами не входят и других не пускают. И великим откровением Нового Завета было то, что все, доступное раньше только редким избранным, стало достоянием всех простых, немудрых и детей, при одном условии — веры. Потому, что одно состояние человеческой души — вера, соединенная с одним действием человеческой воли — молитвой дает безгранично больше, чем даже достижения тайной науки, делающей человека повелителем стихий, вводящей его в общение с существами потустороннего мира и иерархией духов...” (Новое Время, 1923 г., № 710.)

Итак, и Церковь в лице своих представителей, и миряне, короче сказать — вся Россия, просмотрела и Новозаветные пророчества Спасителя о наступлении событий, разыгрывающихся пред нашими глазами, просмотрела и истинную природу большевизма как религии дьявола, не нашла и не находит даже до сих пор, спустя 10 лет, того единственном орудия в борьбе с сатанинской властью, которое бы победило и сокрушило эту власть, если бы держалось чистыми руками и чистым сердцем. “Мира в единении духа” — нет, а без него нет и не будет угодной и приемлемой Богом молитвы, а без молитвы не будет и чуда, не будет и России.

Вторая, частная, причина развала Православной Церкви вытекала из вышеуказанной общей причины и выяснена на страницах предыдущего изложения устами не только православных, но и католиков.

“Без православного монарха наша Церковь рассыпется”, — читаем мы в одном письме.

“Политика губит Церковь с тех пор, как она лишилась опоры в самодержавии православного Царя”, — значится в другом письме.

“О Боже, Боже Великий, что же это делается, наконец, в православной Церкви, когда не стало Царя и синода”, — говорится в донесениях одного из ксендзов.

“Не стало Царя, не стало и единства”, — восклицает другой.

Правда, стороны официальной Церкви мы такую признания еще не услышали, но это нисколько не ослабляет том вывода, который мы делаем, говоря, что как государство не может существовать без Церкви, ибо погибнет духовно, так и Церковь не может существовать без государства, ибо ей не на чем будет держаться. Ссылки на сравнительно большую

устойчивость римской Церкви, существующей якобы вне какой-либо связи с государством, доказывают лишь наивность тех, кто так думает. Русская официальная Церковь очень любит эту ссылку, но делает ее только потому, что наши иерархи, никогда раньше не бывшие за границей, даже не представляют себе природы отношения западной Церкви к государству. Римская Церковь, как я уже указывал, держится не на своей обособленности от государства, не на папстве, как таковом, а на государственном правопорядке, как реальной силе, и на тех внешних устоях, которые очень глубоко скрыты в самом механизме католического церковного аппарата и превращают Ватикан в могущественную государственную организацию. События последнего времени особенно резко подчеркнули факт теснейшего единения между католической Церковью и государством. Так, в целях поддержать правительство Муссолини на происходивших в 1924 году выборах, в них впервые после 1870 года участвовали прелаты, голосуя все без исключения за правительственный “фашистский” список. Монахи тоже отдали свои голоса Муссолини.

Таково отношение между Церковью и государством там, где торжествует парламентаризм, где они не связаны ни мистическими связями, ни взаимными обязательствами, где на обеих сторонах стоят только практики, учитывающие значение связи между Церковью и государством и опасющиеся нарушить эту связь”.

В России же, где природа отношения между Церковью и государством совершенно иная, где в лице самодержавного Царя православные русские люди видят прежде всего помазанника Божия, Ктитора Церкви, коему Сам Господь вручил охрану и защиту Церкви, официальные представители св. иерархи, находились, за немногими исключениями, в оппозиции к престолу Царя, создавая иллюзию того “гнета”, который, в действительности, был их опорой.

“Как наши миряне были ослеплены свободами гражданскими и вследствие этого попали в революционное рабство интернациональной тирании, — пишет “Еженедельник”, 16 — 29 июля 1923 г., № 99, — так и многие из русского духовенства и церковников, увлекаемые фантастическим зрелищем христианской Церкви, свободной от христианского государства, по сей день не замечают, что ныне христианская Церковь попала в порабощение антихристианской власти. Вся русская православная Церковь — в ее земном естестве — находится не только в гонении и пленении, но и в послушании у врагов Христа.

Да, в послушании! Это страшно, но это так! Все иерархи, которые не хотели слушаться слуг антихристовых, либо мученически погибли, либо томятся в тюрьмах, ожидая мученической гибели. Томился в тюрьме и ожидал мученической гибели и Патриарх Тихон, пока не заявил своего послушания вражеской власти.”

Словом, имеется и Патриарх, имеются и десятки митрополитов, но Церкви — нет, и без Царя ее не будет.

ГЛАВА 47

Церковь и государство

В чем же причина, что Церковь, в лице своих иерархов, не дала организованного отпора революции и оказалась неспособной устоять под натиском большевиков, и притом в тот именно момент, когда, освобожденная от прежних “оков рабства”, получила наконец столь долгожданную всепобеждающую свободу духа?

Забыли ли иерархи о той мистической силе, которая заключается в Церкви как Божественном установлении и которая пребывает с нею вечно, являясь тою бессмертною твердынею, которую не одолеют, т. е. не пропустят пройти сквозь себя и ворота жилища мертвых — “врата адавы”?

Каким образом могло случиться, что Церковь, отличаясь от государства и своим происхождением и своими основами, очутилась после революции в положении еще худшем, чем государство?

Подобно тому, как государство, вступившее на путь “самоопределения народов”, рассыпалось на массу отдельных государственных образований и мелких единиц, не связанных между собою единством политических программ, целей и задач, подобно этому и Церковь стала постепенно раскалываться на бесчисленное количество “церквей”; появились национальные церкви, взаимно отрицающие друг друга и враждующие между собою.

Отчего, пребывая раньше в “оковах”, изнемогая якобы под гнетом всемогущей обер-прокуратуры, угнетаемая государством, Церковь не только успешно и планомерно осуществляла свои земные задачи, но и выдвинула за синодальный период своего существования целый сонм величайших подвижников, причтенных даже к лику святых?

На эти вопросы может дать ответ только история, которую мы и спросим. Однако, прежде чем перелистать ее страницы, я хотел бы сделать оговорку и сказать, что именно я понимаю под словом “Церковь”. Тогда не будет ни недоумений, ни недоразумений.

Под этим словом я разумею не мистическую Церковь, как Божественное учреждение, которую действительно не одолеют никакие силы смерти, которая вечна и несокрушима так же, как вечно и несокрушимо Святейшее Слово Божие, а Церковь, как земную организацию, живущую в условиях пространства и времени и призванную осуществлять на земле свои специальные задачи, или, как удачно выразился митрополит Антоний, “как лестницу Иакова, вершиною своею уходящую в небеса, а основанием своим утверждающуюся все-таки на земле, низводя благодатное благословение на все стороны человеческого бытия”. Только в этом смысле

и можно рассматривать Церковь при сопоставлении ее с государством и оценки ее деятельности на земле.

В глубоких недрах истории кроются причины, то сближавшие Церковь и государство на почве общих задач и стремлений, то разделявшие их друг от друга. До пришествия Христа Спасителя на землю, Церкви, в нашем понимании, не существовало вовсе. Был только языческий культ, который поощрялся языческой властью, как один из устоев, на которых она держалась, и между этим культом и государством царил не только единение, но и полное единомыслие, несмотря даже на крайнее многообразие особенностей этого культа. Вполне вероятно, что в момент своего основания Господом Иисусом Христом, Церковь не могла находиться в союзе с языческим государством. Противоположность задач и целей, преследуемых Церковью и государством, не могла родить церковно-государственного единения. Однако, создавал Свою Церковь на земле, Спаситель не только не отрицал возможности такого единения, а, наоборот, старался его вызвать. И как бы красноречивы ни были указания на то, что в Евангелии нет политики, что из евангельского учения нельзя выкроить никаких политических программ, ибо Христос имел в виду царство “не от мира сего”, все же они будут бессильны доказать, что, возвещая свое учение, Господь Иисус Христос ограничивался лишь передачей отвлеченных истин, без мысли воплотить их в толщу жизни.

Наоборот, в низведении небесных истин на землю, во внедрении их в сознание человечества, с целью его духовного перерождения, в переустройстве законов общежития на новых, возвещенных Христом началах, в пересоздании самых форм такого общежития и, следовательно, в коренном изменении языческой государственности и заключалась одна из задач Иисуса Христа.

Такие задачи предопределяли и то место, которое должна была занять Церковь в отношении к государству. Это — не место противника из враждебного лагеря, не место враждующей, хотя, может быть, и справедливо враждующей стороны, а место Пастыря в отношении к пастве, место любящего Отца в отношении к заблуждающимся детям. Даже в те моменты, когда между Церковью и государством не было и не могло быть ни единомыслия, ни единения, Христос Спаситель запрещал Церкви стоять в стороне от государства, а тем более рвать связь с ним, сказав: “Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу” (Лк. 20, 25). Хотя эти слова и не решали общего вопроса об отношении Церкви к государству во все времена, а относились к римской власти над иудеями, предупреждали против восстания, имели целью отвлечь умы от революции к Богу, были произнесены “к случаю” и имели временный характер, однако же в них нельзя видеть компромисса между Церковью и государством как таковым, а совершенно определенное признание государственной власти, поскольку она направлена на благо людям, указание на возможность единения даже с

языческим государством в области чисто государственной, уважение принципа государственности. Не забудем, что эти слова были сказаны Христом в ответ на запрос книжников и фарисеев по поводу того, насколько вообще допустимо, с точки зрения учения Христова, вносить подати кесарю и тем поддерживать один из главнейших устоев языческого государства, и притом государства, под игом которого якобы томились иудеи, мечтавшие о свержении римского владычества. Христос, таким образом, не только не отрицал государства, а, наоборот, оберегал государственность, являя Собою пример уважения к государственным законам, повиновения и послушания.

Такого же отношения к государству требовал Господь Иисус Христос и от Своих учеников. Свв. Апостолы впервые создали христианские основы государственного права, а Апостол Павел в своем послании к Римлянам (13, 1-8) указал даже на конкретные обязанности, вытекающие из этих основ. Насколько глубоко уважал Ап. Павел римскую государственность, несмотря даже на то, что она была языческой, свидетельствуют Деяния Апостолов (гл. 25, 10-12). Апостол Павел гордился своим званием римского гражданина и до того верил в справедливость власти римского императора, что, будучи арестован иудеями, не пожелал идти на суд в Иерусалим, а, сославшись на свое звание, потребовал над собою суда кесаря, чем подчеркнул самодовлеющее значение государственности, которая сама по себе, даже не будучи связана союзом с Церковью, а являясь лишь наиболее совершенной формой общежития, способна обеспечить правопорядок и законность.

С основанием Христовой Церкви на земле началась деятельная христианизация сначала нравов и обычаев населения, а затем законов страны. Христианское учение стало постепенно вливаться в толщу государственной жизни, и, озаренные светом учения Христова, языческие государства — превращаться в христианские.

В каких же формах протекал процесс христианизации?

В какие отношения ставила себя Церковь к государству и что такое представляла собой Церковь в момент своего возникновения?

На эти вопросы отвечает Апостол Лука, автор “Деяний Свв. Апостолов”, самим заглавием своей книги. “Деяния святых Апостолов” — это не “деяния” Соборов или Св. Синода, не журнальные постановления иерархов, написанные высоким стилем и в торжественной форме, а личные подвиги и страдания Апостолов, их личная, активная, непосредственная борьба не с государством, как таковым, а с государственным злом, разбивавшим государственность и подрывавшим ее устои, смелое и самоотверженное исповедание Христовых истин личным примером, проповедь Евангелия личной жизнью.

Гонения и преследования, аресты, заключение в тюрьму, избивание камнями, мучения, пытки и казни — вот путь, которым шли Апостолы и их

последователи, христианизируя жизнь. И это тогда, когда Апостолы находились не только в положении изменников ветхозаветной веры, но и в положении контрреволюционеров, преследуемых жидовским фанатизмом и шовинизмом, когда еще не существовало христианской государственности и проповедь Евангелия встречала всеобщее противодействие, когда Церковь еще не была организована и в распоряжении Апостолов, кроме личной веры и горения духа, не было иных способов влиять на окружающих. Свв. Апостолами были не нынешние папы, патриархи, митрополиты и епископы, а нынешние босоногие странники и юродивые, нынешние “старцы” и Божии люди, эти истинные строители духа жизни, каких всегда гнал мир, как тнит и до сих пор. Однако у них — и только у них — полнота откровения Духа Святого, они — держатели Вечной Истины, и вне их и без них немыслимы ни религиозное пробуждение человечества, ни творческий процесс религиозной мысли.

Не изменились методы и приемы христианизации и после того, как Церковь получила свою внешнюю организацию и вылилась в форму церковного организма. Они и не могли измениться, ибо перестраивается дух жизни не словами, а делами, личным примером, подвигами и страданиями, опытом, а не теорией. Процесс организации Церкви совершился не сразу, а постепенно.

Единовластие Христа Спасителя заменилось Единодушием Апостолов.

Но как в первом, так и в последнем случае идея личного подвига, освященная Голгофской Жертвой, лежала в основании программ Апостольской деятельности, христианство побеждало не натиском и силою, а смирением и любовью. Как прежде, так и теперь позиция Церкви в отношении государства оставалась неизменной. Ограничивая свою задачу духовным просвещением народа, внедряя в понятия народа высокие начала христианского долга, пробуждая его религиозное сознание, Церковь не только не стремилась к власти и могуществу, а, наоборот, сосредоточивала свое исключительное внимание на культуре духа, требуя не только отречения от земных благ, но даже бегства из мира.

Проникая в самую толщу мирской жизни, Церковь потому и не заражалась мирскими настроениями, что не соблазнялась никакими мирскими приманками, а бережно хранила свою чистоту, источник силы и влияния. Но так продолжалось не всегда и, по мере проникновения христианских начал в языческий мир и превращения языческих государств в христианские, грань между Церковью и государством постепенно сглаживалась, становилась менее резкой, и в ограду церковную стали просачиваться мирские элементы и настроения. В результате изменились и отношения между Церковью и государством. Церковь перестала казаться в глазах государства Пастырем Добрым, государство перестало казаться Церкви паствою. Линии церковной и государственной жизни стали все более резко расходиться в разные стороны, возникли нестроения в самой

Церкви, какие продолжались до полного разделения Церквей, вызванного расхождением их представителей даже в области догматической, и какие продолжаются и доныне. Церковь и государство заняли положение враждующих сторон, и возник вопрос даже об отделении Церкви от государства, иначе — о сложении с себя Церковью той миссии, которая была возложена на нее ее Основателем, Господом Иисусом Христом,

Западная Европа уже давно провела, если не везде юридически, то повсюду фактически, этот принцип, и только в одной России связь между Церковью и государством зиждилась на христианской основе.

Эпоха Царя Алексея Михайловича являла собой наиболее яркое отражение взаимодействия между Церковью и государством, однако с течением времени эта связь постепенно ослабевала, и идея совершенного отделения Церкви от государства стала встречать сочувствие даже среди некоторых иерархов, мечтавших о восстановлении патриаршества в целях освобождения Церкви от воображаемого гнета со стороны государства и ссылавшихся на эпоху Царя Алексея Михайловича как на время наибольшего расцвета церковно — государственной жизни России. Царствование “тишайшего” Царя было действительно историческим феноменом, опрокинувшим все доводы о различии земных задач Церкви и государства и, следовательно, о невозможности единения между ними, однако же наличность такого единения вовсе не зависела от самого факта патриаршества как такового, а объяснялась тем, что между Царем и Патриархом существовало полное единомыслие в церковной и государственной области, что официальная Церковь, учитывая религиозную сущность Самодержавия, исповедывала в лице Царя — Помазанника Божия, Ктитора Церкви, коему Сам Господь вручил охрану и защиту Церкви, что, наконец, был строго выдержан принцип “*nullum regnum sine patriarcha stare*”, отводивший Патриарху роль советника Царя, а не самодовлеющее место в сфере церковно-государственном управлении. И в царствование Царя Алексея Михайловича этот принцип нашел свое наилучшее выражение, Власть Патриарха не противопоставлялась и даже не сливалась с властью Царя, а была властью любящего Отца, бережно охранявшего прерогативы Помазанника Божия для блага Церкви и государства.

Когда в царствование Императора Петра Великого этот принцип был нарушен, тогда исчезло и патриаршество, ибо последнее, само по себе, не составляло русского явления, и идея патриаршества была не только чужда, но и враждебна русскому церковному правосознанию. Русскому православному народу чуждо понятие [“архн”], с коим связано представление о власти восточных деспотов, и идея патриаршества, особенно в понимании современных иерархов, будет всегда встречать противников со стороны тех, кто полагает силу Православия в его

смирении и чистоте, а ктиорство над Церковью признает неотъемлемым правом Помазанников Божиих, русских православных Царей.

Западная Европа, которой непонятна природа отношений между Церковью и государством в России, отождествляет ктиорство с главенством Русского Царя над Церковью. Католики, например, говорят, что Государю Императору принадлежит высшая правительственная власть в православной Церкви, т. е. право издавать обязательные церковные законы, замещать епископские кафедры, увольнять епископов и производить суд по всем отраслям церковного управления, что Царь является церковным законодателем и источником церковного права и церковных полномочий, управляет Церковью в силу Своего Божественного назначения, как Помазанник Божий, о чем свидетельствуют и Основные Законы, указывающие, что “в управлении церковном Самодержавная Власть действует посредством Св. Прав. Синода, Ею учрежденного”, а постановление последнего составляется “по Указу Его Императорского Величества”.

Из этого католики выводят, что в России видимым Главою Церкви был Самодержавный Монарх, что государственная власть узурпировала права православной Церкви, лишила ее свободы и держала два столетия в плену. Такое предположение позволяет католикам быть вполне искренними в своих убеждениях, по силе которых они доказывают, что Русская Православная Церковь не была истинной Церковью, коль скоро попала в такое унижительное, зависимое от государства положение, что в России, кроме Арсения Мацеевича, не было иерархов, способных предпочесть лишение епархии, ссылку и заточение в тюрьму признанию прав государства над Церковью, что, наконец, и нынешний развал Церкви, вызванный революцией, был возможен только потому, что в самой конструкции православной Церкви были элементы разложения.

Такие убеждения понятны и неувидительны со стороны Запада, вообще незнакомого с Россией. Но они являлись странными и малопонятными со стороны тех русских иерархов, которые не только разделяли их, но даже основывались на них, когда говорили об отделении Церкви от государства, или о восстановлении патриаршества в России.

Русские Цари никогда не именовали Себя Главою Церкви и таковыми никогда не были. Связь же Русских Самодержцев с Церковью обуславливалась не узурпацией государством прав Церкви, а вытекала из природы Русского Государства как единственного в мире государства феократического.

ГЛАВА 48

Природа Русского Самодержавия

Русское Самодержавие есть не политическая, а религиозная идея.

В то время, как в Западной Европе восторжествовал принцип парламентаризма, и республиканская власть, как результат бездушного арифметического большинства, по природе своей не имеющая совести и потому не могущая подлежать воздействию Церкви, постепенно вытесняла христианские начала из государственной жизни, — только в одной России христианская государственность сохранялась свято и нерушимо.

Христианский Монарх — это не только самая совершенная, но и единственная форма Божеской власти на земле. Это — Боговластие, не имеющее никаких точек соприкосновения ни с народовластием, ни с иными формами и видами многообразной земной власти и существовавшее до революции только в России.

Вот что мы читаем в превосходной статье г. Н. Дивеева (ТМ) “Помазанник Божий”, напечатанной в “Еженедельнике” от 13/26 августа 1923 года, № 102:

“...Только на Руси, как в древней Византии, Царское венчание сопровождается таинством Миропомазания; на западе лишь в Англии совершается миропомазание королей, но Английская Церковь ни признает за миропомазанием таинства Богоустановленного — там это только обряд. Миропомазание наших Государей не есть восьмое или какое-либо новое таинство, но высшая степень Миропомазания. Совершается Царское венчание и Миропомазание так.

При вступлении Их Величеств в Успенский собор певчие поют умилительный псалом: “Милость и суд воспою Тебе, Господи...” Государь и Государыня прикладываются к местным иконам, а потом, взойдя на трон, садятся. Тогда первоприсутствующий митрополит, по древнему обычаю, приглашает Его Величество вслух всех подданных исповедать православнокафолическую веру: “Како веруеши?” Государь встает и громко произносит Символ веры. “Благодать Пресвятаго Духа да будет с Тобой”, — говорит ему митрополит. Следует великая ектения, в которой св. Церковь от лица всех верноподданных испрашивает у Царя царствующих благословения небесном на главу Царя земного и всех даров Духа Божия, необходимых ему в предстоящем великом служении; св. Церковь просит Царю премудрости и силы, благопоспешения во всем и долгоденствия, чтобы услышал Его Господь в день печали и защитил Его, чтобы ниспослал Ему помощь Свою и заступил Его, чтобы неподкупны были суды Его, чтобы грозно было оружие Его врагам отечества и пали под ноги Его все враги и супостаты... После ектении поется тропарь: “Спаси, Господи, люди Твоя...” и читается паремия из книги пророка Исаии. После паремии возглашается прокимен: “Господи, силою Твоею возвеселится Царь...” и читается Апостол, в котором св. Павел учит о повинновении властям предержавшим, о том, что царская власть происходит от Бога и потому всякий противящийся царской власти сопротивляется повелению Самого Бога. За Апостолом следует чтение Евангелия, в котором из уст Самого

Господа Иисуса слышится заповедь: “Воздадите кесарево Кесареви...” После Евангелия митрополиты подносят Государю Императору царскую порфиру, и Государь возлагает ее на себя при их содействии, причем первенствующий митрополит произносит: “Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь”. Его Величество преклоняет главу, а первенствующий митрополит, осенив ее крестным знамением, возлагает на нее крестообразно руки и читает молитву, в которой просит Господа, чтобы удостоил Своего верного раба, Государя, священного Миропомазания подобно Давиду, который приял помазание от Самуила пророка, чтобы облек Его Своею силою Божественною для великого подвига царствования, чтобы явился Он твердым хранителем догматов веры православной и, совершив свое царское служение на земле, удостоился быть наследником небесного царства. Вслед за тем митрополит подает Государю Императору корону, и Он возлагает ее на Свою главу, а митрополит произносит: “Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь...” Потом первосвященник говорит Его Величеству: “Благочестивейший, Самодержавнейший, Великий Государь Император Всероссийский, видимое сие и вещественное главы Твоя украшение явный образ есть, яко Тебе, Главу Всероссийского народа, венчает невидимо Царь славы Христос благословением Своим благостным, утверждая Тебе владычественную и верховную власть над людьми Своими”. Подобным же образом митрополит подает Его Величеству в десницу скипетр, а в шуйцу державу, говоря, что они служат видимым знаком данной Ему от Бога власти самодержавной. Облеченный во все знаки царского достоинства Государь садится на своем Царском престоле. Вскоре потом Он приглашает к Себе Свою Августейшую Супругу. Она подходит и становится пред Ним на колена. Государь снимает с Себя корону, касается ею главы Государыни и снова возлагает ее на Свою главу. В это время подносят меньшую корону, которую Государь и возлагает на главу Императрицы. Подают Ему порфиру и бриллиантовую цепь: Он ту и другую возлагает на Свою Августейшую Супругу, после чего Императрица встает и отходит на свой престол. Следует провозглашение многолетия. Богом венчанный Государь отдает скипетр и державу ближайшим сановникам и один за всех преклоняет колена пред Господом и вслух всех читает молитву... Как трогательна эта молитва Царская, в которой Он смиренно благодарит Господа за Его неизреченные к Нему милости и подобно древнему Царю Соломону взывает: “Да будет со мною приседящая престолу Твоему премудрость. Посли ю с небес святых Твоих, да разумею, что есть угодно пред очима Твоима и что есть право в заповедях Твоих!.. Буди сердце мое в руку Твою, еже вся устроить к пользе врученных мне людей и к славе Твоей, яко да и в день суда Твоего непостыдно воздам Тебе слово...” По окончании молитвы Государь встает, а вся церковь, все верные его подданные в свою очередь становятся на колена и первосвященник от лица всех произносит молитву — ту самую,

которая ежегодно потом повторяется на молебном пении в день восшествия на престол и в день воспоминания коронации Государя. Так утверждается союз Царя с Его верными подданными, утверждается молитвою Царя за подданных и подданных за Царя. Так еще более скрепляются узы любви пред лицом Божиим обетом царского служения благу народа и послушания подданных своему Богом данному Государю... Остается Богом избранному Самодержцу облечься силою Духа Божия в священном Миропомазании и соединиться с Самим Господом в таинстве св. Причащения, и это совершается на Божественной литургии. Во время причастного стиха два архиепископа идут к трону Государя и приглашают Его приблизиться к Царским вратам. Государь идет в порфире. Тогда первенствующий митрополит берет сосуд, помазывает Его Величество св. Миром на челе, очах, ноздрях, устах, ушах, персях и руках, произнося: “Печать дара Духа Святаго”, а второй митрополит оттирает места помазания. В это время происходит звон и 101 выстрел. Государь отходит к иконе Спасителя. Приближается Государыня и митрополит помазует Ее только на челе. Она отходит к иконе Богоматери. Тогда Первосвятытель вводит Помазанника Божия чрез Царские врата во св. алтарь: здесь Государь делает поклонение св. Престолу и приемлет от руки митрополита св. Причащение: особо Тело, и особо Кровь Христову, кик приобщаются священнослужители. Государыня Императрица причащается в Царских вратах по обычаю...

В этом таинственном обряде сказывалась вся особливость Православной Монархии. Восточные деспоты правили во имя собственного произвола; государи Запада — во имя мнимой народной воли; наш Самодержец — во имя Христа, как послушный раб Его и исполнитель Его Божественных велений, кик руководимый Духом Божиим в силу благодатного таинства Миропомазания при венчании на Царство.

Вот основа и опора нашего государственного бытия, Забыли мы о значении великою таинства Помазания на Царство, стали увлекаться примерами впавшего в материализм Запада, утратили отечественную самобытность и оказались в бездне...”

Что можно прибавить к этим прекрасным словам? Разве лишь указать на то, что забыли об этом не только “мы”, под каковым словом автор, вероятно, понимает русскую интеллигенцию, но и вожди ее, пастыри и архипастыри Церкви. Еще совсем недавно один из иерархов писал мне, что “Господь покарал Государя и Государыню как некогда праведнейшего Моисея, и отнял у них царство, что они противились Его воле ясно выраженной Вселенскими Соборами касательно Церкви”, причем такой упрек был брошен Монарху в связи с отношением Государя к вопросу о восстановлении патриаршества.

Нет, не Царя покарал Господь, а покарал Россию, отняв у нее Своего Помазанника, покарал и официальную Церковь в лице иерархов, дождавшихся Патриарха и очутившихся пред дилеммою: подчиниться ли

его указам и велениям как выражениям воли Божией, или не подчиняться, усматривая в них выражение воли сатанинской.

Нет нужды доказывать, насколько брошенный упрек несправедлив в отношении Праведного Царя Николая Александровича, Который не только ни в чем не обнаруживал склонности к цезаропапизму, но даже тяготился короной и мечтал о принятии монашества. Однако упрек характерен в том отношении, что говорит о том, как в действительности относились к таинству Миропомазания Царя даже те иерархи, которые принимали участие в священном короновании Государя. Не только иерархи, но даже священники говорили мне, правда, только после революции, что они все помазанные Божии, а на мои возражения отвечали оскорбительными ссылками на подхалимство и заискивание пред “мирской” властью, какую дружно высмеивали, с тем чтобы теперь плакать и каяться в собственной гордости и неразумии.

ГЛАВА 49

Происхождение власти

На чем же основана вера русского народа в ктиторство Царя?

На этот вопрос дает ответ один из русских ученых в своем письме ко мне от 3/16 августа 1923 года.

“В душах человеческих, — пишет он, — искони было заложено сознание, что править людьми на благо им может только Бог, чрез избранных Им мудрых и вдохновенных мужей. Это сознание мы находим у всех языческих народов, как бы различны ни были их верования и какие бы имена ни носили их божества. Отсюда произошла та форма земной власти, которая называется боговластием, или феократией. Носителем верховной власти является Бог, на земле Его власть осуществляют слуги Божии — жрецы или священники. Такая форма власти существовала и у древних евреев до призвания на царство Саула. Но параллельно, с древнейших времен, появлялись многие другие формы власти, как бы независимые от Бога и Его служителей. Аристотель перечисляет и характеризует с необыкновенной обстоятельностью и точностью различные типы государственной власти. Его определения так хороши, что и теперь их нельзя заменить какими-нибудь лучшими. До появления христианского учения различие между боговластием и иными типами власти в точке их происхождения было смутно и неясно. Евангелие принесло ключ разума. Основным евангельским текстом по этому вопросу является рассказ евангелиста Луки о втором искушении Христа Спасителя сатаною: “И, возведши Его на высокую мру, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени. И сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее. Итак, если Ты поклонись мне, то все будет Твое. Иисус сказал ему в

ответ: отойди от Меня, сатана; написано: “Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи” (Лук. 4, 5 — 8; Второзак. 6, 13).

Перед лицом Господа нашего Иисуса Христа диавол смело и открыто утверждает, что власть над земными царствами отдана в его распоряжение и что он, по своему усмотрению, передает ее тому, кто ему поклоняется. Христос не отрицает утверждения диавола и этим как бы признает права диавола на распоряжение земною властью, однако, будучи в этот момент человеком, тем не менее не соблазняется блеском и славою царского величия, отказывается поклониться диаволу и, очевидно, в поучение самому диаволу повторяет ветхозаветную заповедь о нераздельном служении Богу, исключаяющем всякое иное поклонение. Христос как будто хочет напомнить диаволу, что он, диавол, — тварь, что предмирное происхождение его известно Христу (“Я видел сатану, спадшаго с неба, как молния” — Лук. 10, 18) и что он по временам обязан предстать пред Господом (“Был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана предстать пред Господа” — кн. Иова 2, 1). Христос мог бы еще пространнее сказать диаволу: “Ведь ты знаешь, что Я — Сын Божий; на Моих глазах ты был низвергнут с неба за гордость и противление Богу; как же ты осмеливаешься только потому, что видишь Меня в человеческом образе, предлагать Мне поклониться тебе, соблазняя Меня привлекательностью земной власти”. Христу не нужно было тратить столько слов, потому что Он одним взором мог дать понять диаволу всю Свою мысль.

С другой стороны, в евангелиях немало имеется указаний на властность Иисуса Христа: “Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи” (Матф. 7, 29). “Слово Его было со властью” (Лук. 4, 32). “Кто это, что и ветры и море повинуются Ему?” (Матф. 8, 27). “Сын человеческий имеет власть на земле прощать грехи” (Матф. 9, 6). “Создав же двенадцать, дал им силу и власть над всеми бесами и врачевать от болезней” (Лук. 9, 1). Можно было бы продолжать цитаты, но и приведенных достаточно. Христу принадлежала власть над людьми, направленная всецело к их благу. Сатане предоставлено было облекать властью отдельных лиц на гибель их самих и на горе управляемых ими народов. Вот точка происхождения власти, освещенная светом Христовым, по словам Христа: “Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет во тьме, но будет иметь свет жизни” (Иоан. 8, 12). После крестной смерти Христос передал Свою власть Церкви (Матф. 10, 1; 16, 18 — 19; 18, 18; Лук. 22, 31 — 32; Иоан. 21, 15 — 17).

Из различного понимания указанных евангельских текстов возникли две формы христианской феократии: западное папство и восточная соборность. Вся древняя и средневековая история Европы и прилегающих к Средиземному морю частей Азии и Африки со времени появления христианства прошла в том, что последователи Христа стремились христианизировать лиц, облеченных от диавола земной властью. Вот в чем

смысл крещения Константина и разных средневековых варварских королей. Помните слова Иоанна Богослова: “Для сем-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола” (Иоан. 3, 8).

Папы трудились над торжеством западной феократии, пока она не дошла до зенита в лице Иннокентия III, а Соборы устраивали по христианскому идеалу власть византийских императоров... Сiju я теперь без библиотеки, а то я выбрал бы Вам факты из великолепной книги В. Герье: “Расцвет западной феократии”, из книг Ю. Кулаковского о Византии и других.

Со времени Владимира Святого русская Церковь стремилась охристианить власть сначала русских князей, а потом московских царей. Сатанинское начало власти обезвреживается и уничтожается, если над носителем власти совершается священное миропомазание. Тогда власть обращается на служение Богу и должна подчиняться велениям Церкви. Поэтому в христианском государстве главою его может быть только человек, исповедывающий Христа и от полноты сердца исполняющий заповеди Христовы. Как живой член Церкви, он должен жить ее жизнью, следовать ее заветам, чтить служителей Божиих и заботиться о земном благополучии Церкви. Таким образом, наилучшее определение задач христианской власти в названии ее ктиторов. Носитель власти (князь, король, царь, император, вообще монарх, а не безвластный президент республики — *une machine a souscrire*) — ктитор Церкви. Поведение его направляется уставами Церкви, а попечение о земных нуждах Церкви лежит на его обязанности. Государство, не верующее во Христа, без помазанного носителя власти, внецерковное, — непременно, по самой природе своей, явится сатанинским. Оно будет бороться с Церковью (как боролись со времен французской революции все западные демократии) и вообще будет руководиться не началами любви, а началами злобы, ненависти, зависти, лжи. По своей сатанинской природе оно и не может поступать иначе. Вся деятельность его будет проникнута сатанизмом. “Дети Божии и дети диавола узнаются так: всякий, не делающий правды, не есть от Бога, равно и не любящий брата своего” (1 Иоан. 3, 10). Царь Алексей Михайлович “тишайший” является законченным типом восточного православного царя (в Малороссии в 1654 г. говорили: “Волим под царя восточнаго православнаго”). Власть русского императора, в ее теоретическом построении, как доказал одесский профессор Казанский в своей огромной книге “Власть русского императора” — идеальное внешнее выражение христианской власти.

Но сатана сохранял свои права и работал в своем направлении. Орудием его работы были его дети — жида, о которых Христос сказал: “Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца [В 1-м послании Иоанна Богослова поясняется: “Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца” (3, 15)] от начала, и не

остоял в истине; ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, творит свое; ибо он лжец и отец лжи” (Иоан. 8, 44). Сатана, окончив искушение Христа, отошел от Него до благоприятного времени (во французском переводе: jusqu'a un moment favorable; в немецком: bis zu einer gunstiger Gelegenheit). Вскорости через жидов он начал отвоевывать завоевания христиан. В борьбе германских императоров с папами, несмотря на Каноссу, уже рисуются перспективы будущего. Потом пришли: протестантство, деятельность Кромвеля, развитие масонства, французская революция. И на Западе, и на Востоке — боговластие (феократия) рушится, сатанинские начала берут верх, из всех щелей лезут революционно настроенные жидаы. Явно дух Христа слабеет, а дух сатаны — усиливается; опять пришло его время. Наконец мы переживаем полный расцвет сатанинской государственности, свергнувшей государственность христианскую. В России устроилось настоящее жидовско-сатанинское государство и полная осязаемость и непреложность этого факта все более и более входит в общее сознание.

Кажется, только сами русские недостаточно еще презрели и продолжают доверять тем разнообразным вывескам, которыми прикрыли себя жидаы: “большевики”, “третий интернационал”, “российская коммунистическая партия”, “рабоче-крестьянская власть”, “советы”, “эресефесер” и т. д. Находятся даже русские, которые учреждают в Париже “Лигу борьбы с антисемитизмом в России”. Лучше других поняли сущность дела наши ближайшие соседи на западе — поляки.

Недавно польский публицист Антоний Холоневский напечатал в газете “Rzecz Posloluta” (№ 159 от 13 июня с. г.) отличную статью о жидовском государстве, построенном на развалинах России. Охарактеризовав нынешний фазис жизни русского народа как колоссальный процесс гниения, автор подчеркивает, что начало этому процессу положили не какие-нибудь ходящие на двух ногах бестелесные доктрины, а люди с костями и кровью — жидаы. Над достижением этого гниения работали жидовские мозги, одни из самых старых мозгов на свете. “Из выдающихся деятелей большевизма, — привожу слова Холоневского, — только Ульянов (Ленин) да еще два или три человека — по происхождению кик-будто арийцы. В составе советского правительства заседают преимущественно жидаы. Все это вещи общеизвестные. Европейские газеты неоднократно перечисляли Бронштейнов, Нахамкесов, Собельзонов и иных им подобных жидов, надевших русские маски. Советскими комиссарами, тучи которых шныряли и свирепствовали в Польше во время нашествия в 1920 г., были в огромном большинстве случаев жидаы. Одним словом, мозг большевизма — это мозг жидовский.” Антоний Холоневский не упомянул еще о преобладании жидов в “советской” дипломатии. За спиной старого, больного неврастеника Чичерина руководят в комиссариате иностранных дел Финкельштейн (Литвинов) и Вайнштейн. Последний, между прочим,

написал дерзкую ноту Англии, впечатление которой сглаживал недавно перед лордом Керзоном вездесущий Красин. Жид Иоффе (Крымский) подвизается в Азии. Он подготовил раскрытый в начале июня с. г. грандиозный коммунистический заговор в Японии, а сейчас суетится и старается разводить смуту в Китае.

Далее Холоневский перечисляет, чем обязана Россия жидам: своими нелепыми декретами о землепользовании и продуктивном налоге они подорвали производительность русском сельского хозяйства и довели население до людоедства и голодной смерти; запрещением работать свыше дозволенной нормы они уничтожили русскую промышленность; для ста миллионов людей они устроили публичный дом вместо семьи; преследуя христианство, они искореняют в населении всякое нравственное чувство и приводят его в скотское состояние. Все эти преступления обязательно должны быть записаны иго счет жидовства. Все человечество должно знать, что жидаы, захватившие власть над одной его частью, заразили ее гангреной и грозят остальным его частям таким же заражением и если не физической смертью, то задержанием роста, вырождением и моральным упадком. Позорные лавры жидовства не должны быть скрыты в тумане лживых слов. Каждый грамотный человек на свете должен знать и понимать, до чего безгранично преступная жидовская власть в России.

“Как же могло образоваться в наши демократические времена жидовское государство, не имея под собой широких нижних слоев жидовского населения?” — спрашивает А. Холоневский. — Для творчества жидовского духа в этом нет ничего нового.

Четыре тысячи лет тому назад приблизительно таким же образом, как теперь в России, устроили себе жидаы государство в “земле обетованной” — в Палестине, подчинив своей власти иноплеменных туземцев. В древнееврейском государстве, о котором обыкновенно мы получаем в школе совершенно ложное представление, жидаы была только правящим сословием, работали же на них аморреи, хеттеи, фарезеи, хананеи, евеи, иевусеи и гергесеи, бывшие до появления жидов исконными обладателями своих стран и управлявшиеся своими национальными царями и своей народной аристократией. Библейские тексты рисуют нам ход событий, почти совпадающий с русскою действительностью.

1. Из повествований книги Иисуса Навина видно, что, овладевая постепенно Палестиной не столько открытой военной силой, сколько обманными способами (напр., с помощью блудницы Раав и труб Иерихонских и, наверное, но без лозунгов коммуны), жидаы истребляли местных царей и те группы людей среди живших там племен, которые могли давать им отпор, т. е., главным образом, правящую и военную интеллигенцию, “людей сильных” — умственно и имущественно (Иис. Нав. 6, 1), “буржуев”, “мозг народа”. Жесточайшей иступленной кровожадностью звучат слова упомянутой книги: “И убил их (пять царей), и повесил их ни

пяти деревьях; и висели они на деревьях до вечера” (Иис. Нав. 10, 26); — “И поразил их мечем, и предали закланию их и все дышащее, что находилось в нем (в г. Давире); никого не осталось, кто уцелел бы” (Иис. Нав. 10, 39); — “И побили все дышащее, что было в нем (в г. Асоре), мечем, все предав закланию; не осталось ни одной души” (Иис. Нав. 11, 11), — “Людей же всех перебили (в городах) мечем, так что истребили всех их; не оставили из них ни одной души (Иис. Нав. 11, 14).

2. Имуущество истребляемых “сильных людей” жиды присваивали себе: “А всю добычу городов их и весь скот разграбили сыны Израилевы себе” (Иис. Нав. 11, 14). Иисус Навин говорил жидам от имени Бога Израилева: “Дал я вам землю, над которою ты не трудился, и города, которых вы не строили, и вы живете в них; из виноградных и масличных садов, которых вы не насаждали, вы едите плоды” (Иис. Нав. 24, 13).

3. Людей, обнищавших после ограбления, и людей ремесленного и земледельческого труда жиды не истребляли, а обратили их в своих данников и оброчных работников. Об этом говорится так в книге Судей Израилевых: “Когда Израиль пришел в силу, тогда сделал он Хананеев данниками, но изгнать не изгнал их. И Ефрем не изгнал Хананеев... и они платили им дань. И Завулон не изгнал жителей Китрона... и они платили им дань. И Ассир не изгнал жителей Акко, которые платили ему дань. И Неффалим не изгнал жителей... земли той; жители же Вефсамиса и Бефанафа были его данниками... Рука сынов Иосифовых одолела Амореев, и сделались они данниками им” (Суд. Изр. 1, 28 — 35).

О Соломоне повествуется: “Весь народ, оставшийся от Амореев, Хеттеев, Ферезеев, Хананеев, Евсеев, Иевусеев и Гергесеев, которые были не из сынов израилевых, детей их, оставшихся после них на земле, которых сыны Израилевы не могли истребить, Соломон сделал оброчными работниками до сего дня. Сынов же Израилевых Соломон не делал работниками; но они были его воинами, его слугами, его вельможами, его военачальниками и вождами его колесниц и его всадников” (3 Цар. 9, 20 — 22).

Вот картина древности, которая получает особенную яркость и жизненность при сравнении ее с тем, что наблюдается сейчас в России: тут жиды истребили не менее двух миллионов служилой интеллигенции, офицерства, земельного дворянства и зажиточного крестьянства подлинно русской крови (“людей сильных” — умственно и имущественно) с Императорской семьей во главе. Десятки тысяч жидов живут не только в домах, но даже во дворцах, которых не строили, и если не едят поголовно плодов из виноградных и масличных садов, то только потому, что климат России не позволяет таким садам произрастать; зато они по горло сыты тем, что дает русская земля, в то время как не менее сорока миллионов русских погибло от голода; весь русский народ жиды обратили в крепостное состояние, гоня всех обывателей на принудительные работы (“всеобщая

трудовая повинность”) и облагая их данью в виде непомерных и бесконтрольных налогов.

История не знает подробностей сожительства жидов с туземцами Палестины: аморреями, хеттеями и пр., но по аналогии с Россией, можно о них догадываться. Наверное, были чрезвычайки, исполкомы, совнархозы и иные измышления жидовском ума, но только под другими названиями. В результате исторического процесса оказалось, что все палестинские туземные племена исчезли, а жиды живут и нашли себе новую “землю обетованную” — Россию. За сорок веков не изменились ни стильные жидовские физиономии, ни способы их политических действий. Русскому народу, если он не решится быстро сбросить с себя жидовское им, грозит судьба палестинских племен, т. е. полное исчезновение.

“Народных Комиссаров” можно сравнить с судьями Израилевыми”, но жиды подумывают уже о новом Соломоне. В Совдепии усиленно распространяется легенда, будто Лейба Давидович Бронштейн самим Богом предназначен в русские цари.

Таково жидовско-сатанинское государство, создавшееся на месте бывшей России. В Германии, во Франции, в Англии, в Северной Америке — к тому идет. Я только что закончил чтение американской книжки, переведенной с английского на польский язык: “Международный Жид” (2 тома). Ужас охватывает при ознакомлении с теми фактами антихристианской деятельности жидов в Америке и Европе, которые там изображаются. Книга написана очень спокойно “холодным” христианином, но факты говорят сами за себя. Между прочим, в ней есть несколько глав, посвященных проверке “Протоколов” совершившимися фактами. Впечатление получается неотразимое. Это прямо чудо, что С. А. Нилусу удалось опубликовать документы столь мировой важности.

Каким же образом, ссылаясь на сатанинское происхождение власти и указывая на господство сатанизма в наше время, сочетать слова Апостола Павла: “Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены” (Рим. 13, 1)?

Еще Апостол Петр заметил, что в посланиях Ап. Павла, несмотря на всю его премудрость, “есть нечто неудобовразумительное”, или, как лучше сказано во французском переводе: “il y a des points difficiles a comprendre” (2 Петр. 3, 16). Таким местом, трудным для понимания, является вышеприведенное наставление относительно власти, столь любимое ленивыми умами наших иерархов, начиная с Филарета Московского. Патриарх Тихон тоже имел его в виду, примиряясь с московскими жидками. Христианская совесть никак не может согласиться с мнением Ап. Павла, ибо в Евангелии от Луки, в рассказе об искушении Христа сатанюю, о происхождении власти говорится совершенно иное. Из заявления диавола совершенно ясно, что власть над людьми есть собственно прерогатива диавола (ему передана, вручена, с соизволения Бога-Творца... видимым же

всем и невидимым). Ап. Павел очень ошибался, когда писал: “Начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее” (Рим. 13, 3). Таким образом, Ап. Павел смотрел односторонне, предполагая, что власть стоит всегда на стороне добра, охраняет благо. Ап. Павел в эту минуту упустил из виду, что всеобщее человеческое согласие на зло так же возможно, как и согласие всех на добро. По замыслу сатаны, который дает власть кому он хочет (Лк. 4, 6), власть может быть организована на зло. Начальствующие, как сейчас жида в России, могут быть страшны не для злых дел, а для добрых. Власть, как жидовско-большевическая, может требовать: делай зло и получишь похвалу от меня; нарушай Божеские заповеди — убивай, кради, прелюбодействуй (отвержение церковного брака), лжесвидетельствуй (в отношении контрреволюционеров), желай чужом (“в борьбе обретишь ты право свое”, “мир хижинам, война дворцам”) — этим ты заслужишь благоволение власти. Буквально такая власть теперь в России. Очевидно, в сознании Ап. Павла в то время, когда он писал свое послание к Римлянам, не явилось представления о возможности такой власти, Ап. Павел, как большинство его современников, высоко ценил римскую власть и советовал новым христианам беспрекословно ей подчиняться, благодаря за нее Бога. Сам Ап. Павел в других посланиях выражает иные мнения: “Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности с беззаконием?” (2 Кор., 6, 14). “Их бог — чрево, и слава их — в сраме, они мыслят о земном” (социалисты всех толков). Начальники такой власти — не Божии слуги, а, напротив, слуги сатаны. Такая власть, будучи воплощением сатанинских начал, “ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить” (1 Петр. 5, 8). Живя в Одессе под большевиками, я именно испытывал такое чувство, как будто по улицам города мечется “рыкающий лев”, глотающий кого попало. Рычание автомобилей, усаженных вооруженными чекистами, наводило панический страх, как рев льва где-нибудь в пустыне. Подчиняться такой власти не довлеет христианину, и он должен стремиться устранить ее. В этом смысле и величие средневековых “крестовых” походов.

Как половое сожитие только после благословения Церковью становится браком, так и власть делается приемлемой для христианина только после помазания ее носителя. Венчание монархи с обязательством его следовать велениям Церкви снимает с власти ее сатанинское происхождение, освящает ее и дает верующим уверенность, что власть будет действовать на добро. О таком носителе власти можно сказать словами Ап. Павла: “Начальник — Божий слуга, тебе на добро” (Рим. 13, 4).

Отчего же у Ап. Павла мог вылиться из-под пера такой неправильный взгляд на власть, тем более что христианской правительственной власти во время еще нигде не было. Я объясняю себе это так.

Ап. Павел писал к Римлянам, т. е. к немногим жителям г. Рима, обращенным уже в христианство. Под “властью” он подразумевал римскую власть, власть римского императора, о которой, как увидим, был самым высоким мнения. Действительно, римская власть, хотя и языческая, была организована, вопреки намерениям сатаны, на добро и приветствуема всеми странами тогдашнего культурного мира (рах готана), как высшее благо. Отражение всеобщей радости установления императорской власти Августа мы находим даже в рождественских песнопениях.

Счастье римских граждан было в том, что императорская власть Августа и Тиберия, хотя и не помазанная Богом, все-таки служила добру, водворяла везде законность и справедливость. Римское право — это величайшее создание арийского гения, как и христианская религия, с которой оно впоследствии сочеталось. Сам Ап. Павел гордился своим званием римского гражданина и так верил в справедливость власти римского императора, что для себя потребовал от Феста суда Кесарева: “Требую суда Кесарева!” И Фест должен был ответить: “Ты потребовал суда Кесарева, к Кесарю и отправишься” (Деян. 25, 11- 12). Поэтому христианин должен понять слова Апостола Павла к Римлянам не как вечный его завет на все времена, а как временное наставление именно Римлянам, т. е. жителям того великого города, где тогдашняя мирская языческая власть была направлена на добро. Наверное, Ап. Павел иначе выразился бы о власти Ирода, который поднял руки на некоторых из принадлежащих к Церкви, чтобы сделать им зло (Деян. 12, 1). Власть Ирода была злая, и начальники, ею поставленные, были, конечно, слугами сатанинскими, а отнюдь не Божьими. Сам Ирод был заживо съеден червями (Деян. 12, 23).

Тем более большевики являются исчадиями сатаны, с которыми у христиан не может быть никакого общения. Вот почему меня так возмущают такие архиереи, как Антонин, Евдоким, Владимир Путята, Тихон (кажется, Курский), которые или не отдают себе отчета в том, что они делают, или умышленно идут на компромиссы с большевиками из-за личных интересов.

Россию, — заканчивает автор этот интересный письма, — исцелила бы только христианская государственность, но дождемся ли мы ее когда-нибудь при той страшной силе, какой обладает в настоящее время “международный жид”?!”

ГЛАВА 50

Православная Церковь в России до революции

В России православная Церковь занимала не только совершенно отличное от Западной Европы, но и единственно соответствующее ей, как Божественному Установлению, положение, вытекавшее из христианских

основ русской государственности. Нарекания на подавление Церкви государством, на пленение и гнет, на оковы рабства и пр. и пр. — все это отражало или невежество и незнакомство с государственными основами Православия в России, или сознательные революционные приемы со стороны тех, кто стремился к развалу, как государства, так и Церкви. Доказывать это положение, после приведенных мною в предыдущих главах иллюстраций, едва ли нужно.

Однако и до сих пор, несмотря на ужас положения православной Церкви в России в настоящее время, точнее, несмотря на окончательное уничтожение Церкви как государственного организма, не все в равной мере убеждены в благодетельности церковных реформ Петра Великого, не все в равной мере оценивают их с верных точек зрения. И до сих пор некоторые иерархи называют Великого Петра — “Первым Большевиком” и проклинают синодальную систему управления.

“Общепризнанные” истины имеют привилегию не оспариваться, их попросту повторяют, не стараясь даже рассмотреть их сущность и содержание. К числу таких истин относится и та, которая связывает все беды и несчастья, обрушившиеся на православную Церковь, с обер-прокуратурой, как средоточием того зла, которое угнетало Церковь, держало ее в оковах и лишало свободы.

Но такие утверждения в корне неверны и опровергаются не только историей, но и, что гораздо важнее, самой сущностью Православия как Божественной истины, которая вечна и незыблема и не может зависеть от человеческих влияний. Реальная сила каждой истины заключается не в ее признании, а в ее исповедании, без которого немислимо ее действие. И нет той человеческой силы, которая бы могла не только сокрушить Божественную истину или уменьшить ее значение и влияние, но и не склониться перед нею. В этом смысле Церковь, даже с точки зрения своей внешней организации, могущественнее государства, если является носителем чистоты Божественной истины и воплощает ее собою. И это доказали те подвижники Церкви, которые вели за собою верующих и были могущественнее всех царей, патриархов и земных владык.

Иерархи Церкви, не исключая и наиболее искренних противников синодальной системы, конечно, отлично знали, что ссылки на оковы и рабство, в коих Церковь находилась 200 лет, на отсутствие свободы духа и пр. и пр. — все это только ходячие фразы, выдуманные честолюбцами и повторяемые прогрессивной общественностью, что в действительности никакого гнета со стороны обер-прокуратуры не было и не могло быть — как потому, что ее представители были часто не только более образованными, но и более верующими сынами Церкви, чем сами иерархи, так и потому, что участие оберпрокуратуры в области чисто церковного управления было фикцией и ни в чем не выражалось, а вся деятельность обер-прокуроров Синода сводилась лишь к контролю синодальных

чиновников, кадетствующих семинаристов, к добыванию средств на содержание ведомства, да к скучной канцелярии. Вся же церковная работа велась иерархами, и даже о соглашении с обер-прокурором, имевшим право возражать по существу тех или иных синодальных постановлений, но никогда не осуществлявшим такого права, не могло быть и речи... Вносимые иерархами предложения принимались столь же дружно и единогласно, как дружно и единогласно пресекались попытки обер-прокурора вносить те или иные поправки и замечания. Синодальные постановления скреплялись трафаретным “читал”, даже без подписи обер-прокурора или его товарища и подносились последним уже после того, как были подписаны всеми членами Синода, и синодальная обер-прокуратура давно перестала быть тем, чем должна была быть по мысли законодателя.

Нет, дело не в обер-прокурорах, боровшихся с рутинной и бывших почти единственными вдохновителями и проводниками в толщу жизни всяком рода церковных начинаний, любивших и оберегавших Церковь и пребывавших в теснейшем духовном общении с лучшими из иерархов, а в самом принципе преобладания (?) государственной власти в Христовой Церкви.

В чем же выразалось “преобладание” этого принципа в России?

Действительно ли церковная жизнь России тяготилась таким “преобладанием” и возможно ли вообще указывать на преобладание этого принципа в России, государстве, основанном на совершенно особых началах и осуществлявшем принципы боговластия, а не народовластия?

Казалось бы, что одно указание на природу русского Самодержавия, в отличие от парламентного строя, было бы достаточным для того, чтобы усматривать в самом понятии “государственной власти” различное содержание в зависимости от существа и характера того или иного государственного строя. Содержание “государственной” власти в России было иным, чем на Западе, и по отношению к России такое “преобладание” выразалось не в подавлении церковности государственностью, а в преимущественных заботах и попечениях государства о материальном благоденствии и духовном процветании Церкви.

И лучшим свидетельством этого положения являются именно церковные реформы Петра I.

Чем были вызваны эти реформы, какая идея лежала в основании синодальной системы церковного управления?

Только ли каприз самовластного восточного деспота, или сведение личных счетов с неугодившим ему Патриархом, или замаскированное безверие, посягнувшее на свободу Церкви и отдавшее ее под опеку государства?

Нет, строились Петром Великим церковные реформы на гораздо более глубоком основании. В царствование Царя Алексея Михайловича линии

церковной и государственной жизни сливались, жизнь являла собою трогательное единение между Церковью и государством, церковность объединялась с государственностью, проникая в толщу государственной жизни и христианизировав ее. Но такое явление было случайным и обуславливалось только личностью Царя и Патриарха.

Такое основание было шатким. Благоденствие Церкви и государства не может покоиться только на личности Царя и Патриарха, и вот почему Император Петр Великий провозгласил и провел в жизнь принцип не только морального, но и юридического единения между ними. По мысли Императора, интересы Церкви и государства не только могли, но и должны были слиться друг с другом, ибо у государства феократического должны были быть общие с Церковью программы, общие задачи и цели. Здесь было не посягательство на права Церкви, а убеждение, что только христианская государственная власть в состоянии сохранить и обеспечить эти права.

И совершенно прав г. Дивеев в своей статье “Блюдите Церковь Христову” (Еженедельник, 16/29 июля 1923 г., № 99), когда, останавливаясь на церковных реформах Петра и подчеркивая Его мысль о неразделимости в христианском государстве церковных и государственных задач и необходимости иметь единый церковно-государственный план, говорит:

“В этом своем убеждении Петр был вместе со Вселенскими Соборами, вместе со всей традицией Византии. Если православный Император Византийский председательствовал на Вселенском Соборе, утверждал его постановления, даже самый Символ Веры, назначал и удалял Патриархов, имел вход в Царские врата, если Византийский Патриарх для церковного богослужения облачался в одежды Императоров и принимал действительное и неперемное участие в делах государственных, то как можно утверждать, что Богопомазанный Император Всероссийский не имеет права заниматься делами Церкви?”

Лютеранствующая и англиканствующая школа наших современных церковников затмила великий смысл Богопомзания православных царей. Недавно на одном из религиозных собраний пришлось услышать из уст православного иерарха, что Помазание на царство есть лишь пережиток библейского обряда и что Богопомзание не имеет больше значения, чем елеопомзание, совершаемое над верующими в известные праздники. Не удивительно, что следующие по стопам подобных архипастырей церковники с настойчивостью твердят о свободной от монархии Церкви и восхваляют блага церковной “аполитичности”...

Но и независимо от исторических обоснований Петр Великий руководствовался и чисто практическими соображениями, желая дать Церкви ту государственную опору, без которой она, как земное учреждение, разумеется, существовать не могла. В этом заключается идея церковных реформ Петра Великого, в этом был и залог процветания

Церкви в России. И что бы ни говорилось и ни писалось по поводу означенных реформ, как бы тяжки ни были обвинения Петра в произволе и насилии, но факты без слов опровергают их, Синодальный период церковной жизни был эпохой наибольшего расцвета Церкви в России.

Об этом безмолвно свидетельствует прежде всем причтенные к лику святых величайшие подвижники Церкви этого периода: Митрофан Воронежский и Иннокентий Иркутский, Иоасаф Белгородский и Димитрий Ростовский, Феодосий Углицкий и Питирим Тамбовский, Серафим Саровский и ожидающие прославления Филарет и Макарий Московские, Филарет Киевский и незабвенный молитвенник Земли Русской Иоанн Кронштадтский, не говоря уже о бесчисленном сонме праведников, коими так богаты были наши монастыри и вся наша родная Русь, имевшая даже в своих деревнях и селах священников, подобных Алексею Колоколову, Алексею Гневушеву, коему я отвел несколько страниц в своем первом томе “Воспоминаний”, и мн. др.

Однако ни от митрополита Макария и Иоанна Кронштадтского, ни от великих праведников, старцев Саровских, Оптинских, Валаамских и пр. и пр., я не слышал нареканий на синодальную систему, а, наоборот, слышал, что благоденствие Церкви связано с государственным правопорядком, что нужно беречь и любить Государя, охранять прерогативы Царской власти, ибо воля Царя выражает на земле волю Божию.

Не порабощение Церкви государством, не лишение свободы и гнет, не один только контроль государства над Церковью лежали в основе реформ Петра, а защита и охрана Церкви, составлявшая прямую обязанность Монарха как Божьего Помазанника и Ктитора Церкви.

При этих условиях принцип преобладания государственной власти в Христовой Церкви, абсолютно недопустимый в государствах парламентарных, где он стал бы выливаться неизбежно в формы, враждебные Церкви, приобретал в России и другой характер и другие выражения и не только оправдывался историческими причинами, но и являлся необходимым — как условие, обеспечивающее благо Церкви.

ГЛАВА 51

Отношение Русских Царей к Церкви

Остановимся теперь на личном отношении Русских Царей к Церкви.

Нужно заметить, что в России очень часто смешивают понятие “Церковь” с церковной иерархией, благодаря чему отрицательное отношение к личности иерархов часто рассматривается как неуважение к самой Церкви. Здесь недоразумение, ибо русский народ самый религиозный народ в мире, что не мешало ему подчас относиться критически к тем или иным представителям Церкви.

Как относились к Церкви Русские Цари?

Я уже указывал, что Русские Государи были преданнейшими сынами Церкви и не только связывали, но и обуславливали благо государства благом Церкви. В этом отношении Русские Монархи стояли на такой высоте, что даже злейшие враги России не могли им бросить упрека и поэтому отыгрывались лишь на “секуляризации церковных имуществ”, допущенной Императрицею Екатериною II. Но в этом акте выразилось отношение Императрицы не к “Церкви”, а к монашеской братии, личное же отношение Екатерины к Церкви нашло свое выражение в том акте, который уже был отмечен мною на странице 245 моего первого тома “Воспоминаний”.

Отношение Императора Павла I к Церкви было таково, что только революция 1917 года прервала работы по Его канонизации, однако сознанием русского народа Император Павел давно уже причислен к лику святых. Дивные знамения благоволения Божия к Праведнику, творимые Промыслом Господним у Его гробницы, в последние годы пред революцией не только привлекали толпы верующих в Петропавловский собор, но и побудили причт издать целую книгу знамений и чудес Божиих, изливаемых на верующих молитвами Благоверного Императора Павла I.

Император Александр I отошел в историю с именем “Благословенного”, и народная молва упорно отождествляет Его со старцем Феодором Кузьмичем, отшельником Сибирским, и видит в Нем святого. История не имеет достаточных оснований опровергать такую легенду, а, наоборот, склоняется к тому, чтобы признать в ней несомненный исторический факт, вытекающий из мирозозерцания и настроения Благословенном Царя.

Премудрый Император Николай I провозгласил принцип: “Церковность — основа государственности” и проводил этот принцип неуклонно, с твердостью Ему свойственной.

Император Александр II, являвшийся воплощением трогательной любви Монарха к своему народу, Сам пал жертвою христианском долга к ближнему, Своему подданному.

Император Александр III отошел в историю с именем “Миротворца”, являя своим царствованием пример и Христианского Монарха и великого христианина в частной жизни.

Царствование Императора Николай II даст Православной Церкви нового святого и в будущем будет оцениваться как “Житие Святаго Благовернаго Царя-Мученика Императора Николая Александровича”.

Но, может быть, несмотря на Свои высокие личные качества, Русские Цари вмешивались в область церковного управления и выходили за пределы прав, отведенных Ктитору Церкви, может быть, если не сами Цари, то Их слуги, в лице обер-прокуратуры, злоупотребляли этими правами?

Нет, недовольство вызывал самый принцип синодального управления, представители же обер-прокуратуры были в подавляющем большинстве выдающимися церковными и государственными деятелями, с которыми лучшие из иерархов находились в теснейшем единении.

К. П. Победоносцев, знаменитый цивилист, автор приобретшем мировую известность “Курса Гражданского права”, ближайший сподвижник Императора Александра III и воспитатель Императора Николая II, был одним из столпов русского самодержавия в эпоху его наибольшем расцвета.

В. К. Саблер, б. профессор Московском университета, был гораздо популярнее среди иерархов, чем среди мирян.

Князь А. А. Ширинский-Шихматов, также сподвижник Императора Александра III, принадлежал к числу тех немногих выдающихся церковных и государственных деятелей, которые, учитывая все чрезвычайное значение церковно-государственного единства в эпоху Царя Алексея Михайловича, старались вернуть церковно-государственную жизнь в ее прежнее русское русло. Глубокий знаток церковной истории, князь властно рукою срывал с церковной жизни все пристававшие к ней на протяжении веков чуждые ей наслоения, восстанавливая подлинный облик ее в эпоху Св. Руси и встречая с этой стороны полную поддержку у благостного Государя Императора Николая Александровича, прямо продолжателя дела Царя Алексея Михайловича.

С. М. Лукьянов находился в теснейшем единении с иерархами, и его деятельность в качестве обер-прокурора Св. Синода приветствовалась даже ярыми противниками синодальной системы. Одни только синодальные чиновники, от которых Сергей Михайлович, будучи неутомимым тружеником и просиживая в Синоде до позднего вечера, требовал усиленной работы, относились к нему враждебно и, читая “Отче наш”, заканчивали молитву Господню таким прошением: “...не введи нас во искушение, но избави нас от Лукьянова”.

П. П. Извольский, один из великолепных представителей большого света, придворный кавалер, бывший товарищ министра народного просвещения, с определенным уклоном влево, назначение которого обер-прокурором Св. Синода трактовалось как случайное недоразумение, оказался на самом деле типичным представителем той среды, какая была и глубже и чище тех, кто, за покровом внешности, не угадал ее подлинной сущности и осуждал ее. Петр Петрович был не только церковным, но и истинно религиозным человеком, и ни изумительно быстрая служебная карьера, ни придворные связи, ни исключительное положение, какое он занимал в обществе, — не заглушили в нем той религиозной настроенности, которая в результате привела к принятию им священного сана. Свой жизненный путь он, бывший член Государственного Совета и

гофмейстер Высочайшего Двора, заканчивает в скромной должности настоятеля православном храме в Брюсселе и в сане протоиерея.

Н. П. Раев был сыном бывшего Петербургского митрополита Палладия, родился и воспитывался в духовной среде и был насквозь проникнут церковностью, и, может быть, именно по этой причине вызывал к себе оппозицию, ибо духовенство вообще недолюбливает выходцев из их среды. Остается сказать еще о А. Н. Волжине и А. Ф. Самарине, которые действительно были случайными людьми в ведомстве. Однако же во всякого рода столкновениях их с государственною властью или иерархами Синод являлся их союзником и стоял на стороне этих обер-прокуроров.

Таким образом, и личность обер-прокуроров не давала иерархам повода для недовольства, и таковое вызывал самый принцип синодального управления.

Как же в действительности осуществлялся этот принцип?

Издавал обязательные церковные законы, замещал епископские кафедры, увольнял епископов и производил суд по всем отраслям церковного управления не Царь, а Синод, Царь же только санкционировал синодальные решения и постановления, проявляя чисто сыновнее послушание собору епископов даже в тех случаях, когда такие решения не совпадали с Его личной волей. Целый сонм “живоцерковных” епископов, возглавляемых Антонинами и Евдокимами, свидетельствуют о том, что не только Царь, но даже обер-прокуратура была бессильна бороться с Синодом в этой области и что Синод действовал как учреждение не только независимое, но нередко даже как враждебное государству. В глазах Синода всякий епископ как таковой являлся неприкосновенным, ни перемещение, ни тем более увольнение считалось недопустимым и рассматривалось как посягательство на самую Церковь, ревизии признавались оскорблением священного сана, и такая презумпция давала повод к величайшим злоупотреблениям и соблазну, какие разъедали церковный организм и вносили в нем именно те элементы разложения, какие оппозиция приписывала “преобладанию” государственной власти в Христовой Церкви.

В течение всего Своего царствования Государь Император только три раз проявил Свою Самодержавную волю в отношении Синода.

Первый раз в 1910 году, когда Синод под разными предложениями затягивал длившееся 5 лет дело канонизации св. Иоасафа Белгородского, и Государь был вынужден Лично назначить срок торжества прославления святителя, идя навстречу обращаемым к Его Величеству просьбам населения, да и то лишь после того, когда Синод, оставаясь глухим к этим просьбам, не внимал им. Я помню свою личную беседу с Государем Императором по этому вопросу, когда от имени кружка почитателей св. Иоасафа, являвшегося средоточием подготовительных работ по

прославлению угодника Божия и буквально забрасываемого ходатайствами со всех концов России об ускорении торжества, ездил к Его Величеству.

Внимательно выслушав меня, Государь ответил, что не только лично глубоко почитает св. Иоасафа, но, в свою очередь, с нетерпением ожидает указа Синода о прославлении Угодника, однако торопить Синод не считает для Себя возможным. И здесь, как и во всех прочих случаях, сказалась столь свойственная Государю деликатность. И только тогда, когда обер-прокурор Св. Синода С. М. Лукьянов явился с докладом по этому делу, причем основываясь на мнении Синода, высказал мысль о желательности отложить по каким-то причинам торжества прославления, Государь Император не согласился с доводами обер-прокурора и Синода и Лично назначил срок торжества, в чем был со всей верующей Россией.

В другой раз Самодержавная воля Царя сказалась в отношении Его Величества к столь шумевшему в свое время делу о прославлении святителя Иоанна Тобольского, связанному с именем епископа Варнавы и оберпрокурора Самарина. На этом деле я уже останавливался на страницах первого тома своих “Воспоминаний”. И здесь вся верующая Россия была на стороне Государя Императора, а не на стороне Синода, находившего, по условиям политического момента, канонизацию св. Иоанна “неблаговременной”.

Наконец, в третий раз Государь Император проявил свою волю в перемещении первенствующего члена Св. Синода митрополита Владимира с Петербургской кафедры на Киевскую. Хотя такое перемещение вызывалось одновременно и необходимостью заместить пустующую, за смертью Киевского митрополита Флавиана, кафедру и желанием Государя приблизить к Себе экзарха Грузии, архиепископа Карталинского Питирима, назначенного митрополитом Петербургским, и архиепископа Макария Тобольского, назначенного митрополитом Московским, из коих первый был умным церковно-государственным деятелем, чрезвычайно любимым и ценным Кавказом, а второй — великим подвижником и праведником; хотя, перемещая митрополита Владимира в Киев, Государь и сохранил за ним первенствующее место и руководящую роль в Синоде, однако этот акт Самодержавной Воли Помазанника Божия иерархи рассматривали и до сих пор рассматривают как незаконное вторжение Царя в “дела Церкви”. Митрополит, да еще первенствующий, являлся, по мнению Синода, неприкосновенным, и Царская Власть на него не распространялась...

Этим актом Монаршей Воли нарушался принцип неприкосновенности иерархов, и этого было достаточно для того, чтобы Синод очутился чуть ли не в авангарде той оппозиции к Престолу, которая использовала означенный акт для общих революционных целей, в результате чего оба иерарха, митрополиты Питирим и Макарий, были объявлены “распутинцами”.

Во всех описанных случаях сказалось не вмешательство Государя в “дела Церкви”, а та любовь Царя к русскому народу, то участие к

религиозным нуждам последнего, та великая вера, словом, все то, что окружает имя Государя ореолом святости.

О каком же “преобладании” государственной власти в Церкви Христовой можно говорить в применении к России?

Каким глубоким слоем греха, каким непостижимым затмением были окутаны те русские люди, не исключая и иерархов Церкви, которые не прозревали за внешним покровом кротости и смирения величавом облика святого Царя, Его ума облагодатствованного, прозрачной чистоты Его души, Его пламенной веры, Его горячей любви к русскому народу! ..

Наш Царь был одним из величайших подвижников Церкви последнего времени, подвиги которого заслонялись лишь Его высоким званием Монарха. Стоя на последней ступени лестницы человеческой славы, Государь видел над Собою только небо, к которому неудержимо стремилась Его святая душа, тяготившаяся этой славой, желавшая сбросить с себя и корону, и царскую порфиру и уйти от мира, чтобы всецело отдаться служению одному только Богу.

В 4-й книге “Луч Света”, периодического издания Ф.В. Винберга, на страницах 393-394 помещена коротенькая статья г. Б. Потоцкого, под заглавием: “К материалам новейшей истории”.

Статья эта до того знаменательна, что мы приводим ее целиком.

“В зиму 1904-1905 года, — пишет Б. Потоцкий, — в покоях Петербургского митрополита Антония (Вадковского) имел место следующий случай, достойный занесения его в анналы истории.

Сообщивший мне его свидетель состоял в то время студентом Петербургской Академии и, по рекомендации академического начальства, был привлечен к работам по приведению в порядок библиотеки митрополичьего дома. В конце каждого рабочего дня студент должен был являться к митрополиту с докладом о результатах своей дневной работы по разборке книг. Так было и тот памятный для него день, когда он вошел в комнату, где ежедневно докладывал о своих изысканиях в богатом книгохранилище. Увлеченный успехом своих занятий в тот день, он не обратил внимания на то, что митрополит находился не один, и с жаром приступил к докладу, хотя и заметил, что митрополит был не в скуфейке, как обыкновенно, а в белом клобуке, который он надевал лишь в официальных случаях. Студент был очень удивлен тем, что митрополит, обыкновенно с интересом слушавший его доклады, на этот раз сразу прервал его словами: “Потом расскажете, разве не видите, что у меня гости?”

Тут только студент заметил сидевших против митрополита офицера и даму. Однако, считая свой дневной труд в книгохранилище особо выдающимся по результатам изыскания, он рискнул еще раз привлечь внимание митрополита на свой доклад, но на этот раз был строго остановлен: “Вы не узнаете, кто у меня?”

На лице студента ясно выразилось недоумение; тогда митрополит добавил: “Неужели не узнаете? Это Их Величества — Государь и Государыня”.

Молодой человек крайне смутился и, раскланиваясь, растерянно произнес: “Очень приятно”. Радостное лицо юноши выдало, однако, волновавшее его чувство умиления при виде Царственной Четы в такой обстановке.

Государь и Государыня переглянулись и, улыбнувшись, ответили на приветствие. Вслед за тем митрополит встал, повернул студента за плечи кругом и, направляя его к двери, сказал: “Идите, после расскажете”.

Конечно, этот приезд Государя к митрополиту вызвал большой интерес среди постоянных обитателей митрополичьего дома, и, разумеется, все стали быстро доискиваться причин этого посещения.

Оказалось, что Государь приезжал просить благословения на отречение от Прародительского Престола, в пользу недавно перед тем родившегося Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, с тем чтобы по отречении постричься в монахи в одном из монастырей.

Митрополит отказал Государю в благословении на это решение, указав на недопустимость строить свое личное спасение на оставлении без крайней необходимости Своего Царственного долга, Богом Ему указанного, иначе Его народ подвергнется опасностям и различным случайностям, кои могут быть связаны с эпохой регенства во время малолетства Наследника. По мнению митрополита, лишь по достижении Цесаревичем совершеннолетия Государь мог бы оставить Свой многотрудный пост.

Этот случай ясно показывает, как чутко и проникновенно сознавал Государь Император Николай Александрович все непомерно трудные условия Своего Царствования, при которых Венец Мономахов становился терновым венцом.”

Вскоре после описанного случая Государь Император сделал и другой раз попытку принять иноческий сан, но тоже неудачно. Об этом последнем факте, какой передаю по рассказам иерархов и других лиц, у меня сохранились такие воспоминания.

Принимая депутацию духовенства, в лице его высших представителей, ходатайствующих о созыве Всероссийского Собора для избрания Патриарха, Государь Император спросил, имеется ли у иерархов намеченный кандидат на патриарший престол. Этот вопрос озадачил депутацию, какая не была к нему подготовлена... После некоторого замешательства последовал отрицательный ответ. Тогда Его Величество осведомился у депутации, согласились ли бы иерархи, чтобы на патриарший престол Государь Император выставил бы Свою собственную кандидатуру? Произошло еще большее замешательство, а на вопрос Государя последовало гробовое молчание.

Государь духовным оком Своим прозревал ту политическую подоплеку, какую скрывала за собою идея восстановления патриаршества в России, особенно в предреволюционное время, когда среди ее апологетов были и иерархи, неустойчивые в своих политических убеждениях, и враги Церкви, домогавшиеся разорвать и ту ниточку, на которой в последнее время держались отношения между Церковью и государством. Теперь об этом времени уже забыли, а между тем нужно только вспомнить, как ратовали за восстановление патриаршества те самые люди, какие уже тогда видели в лице Антонинов и Евдокимов своих кандидатов на патриарший престол.

Если бы иерархи, защищавшие интересы Церкви, не связывали восстановления патриаршества с созывом Собора, который, по условиям политического момента, легко мог превратиться в земское собрание, где общее согласие на добро обычно сменяется согласием большинства на зло, а предоставили бы Самодержавной Власти Помазанника Божия возвести на патриарший престол достойнейшего, то возможно, что Россия имела бы давно своего Русского Православного Патриарха и давно бы осуществила принцип “*nullum regnum sine patriarcha stare*”. Такой Патриарх, будучи советником Царя, явился бы для всех православных сынов Церкви дорогим и желанным. Когда же в идею восстановления патриаршества враги Церкви вкладывали мысль о разрыве Церкви с государством, когда мечтали создать в лице Патриарха оппозицию Самодержавной Власти и опору своим революционным вожделям, тогда против восстановления патриаршества возражали не только те, кто видел в нем путь к восточному папизму, но и прежде всего самые наицерковные люди. В предреволюционное время натиск на Царскую Россию вели не только пиджаки и мундиры, но и смиренные рясы, а этим последним Патриарх был нужен лишь для опоры их революционных замыслов и вожделий.

ГЛАВА 52

Церковно-государственное значение синодальной оберпрокуратуры

Отрицательное отношение к принципу синодального управления Церковью сказывалось в России не только со стороны иерархов, но и со стороны верующей интеллигенции. Один из моих друзей пишет мне 2/15 августа 1919 года:

“Если качественный состав духовенства низок, то следует напрячь все усилия, развить всю энергию, возвысить голос елико возможно громче, чтобы поднять умственный, нравственный, образовательный и даже родословный уровень духовенства и сделать его представителей достойными править Церковью, ибо при всех случаях светским людям, как бы велики ни были их преимущества, не годится заступать место

духовенства и осуществлять государственный контроль над Церковью. Нужно стремиться к восстановлению в европейских умах идеалов папы Иннокентия III, который правильно понимал, что без контроля Церкви ни действиями светской государственной власти не может быть ни мира на земле, ни в человеках благоволения. Мы на опыте видим, до чего довели Европу либеральные парламенты, освободившиеся от обязательства считаться с велениями Церкви. Буквально ужас объемлет, когда перебираешь в уме, что делается сейчас в России, да и во всей Европе, когда отвергшие Бога и покорившиеся сатане вожди зверской черни пляшут свой дьявольский танец на развалинах церковной и светской гражданственности.”

И однако здесь великое недоразумение, основанное или на смешении понятий “церковь” и “церковная иерархия”, или на незнакомстве с функциями Синода как церковно-государственного учреждения. Синодальная система управления Церковью нуждалась в некоторых преобразованиях, однако же конструкция ее была такова, что совершенно не затрагивала церковной области, а сводилась к контролю в отношении государственной деятельности иерархов да к контролю в отношении синодальных и епархиальных чиновников ведомства, что однако вовсе не составляло ее единственной задачи, ибо первой задачей оберпрокуратуры являлась правовая защита и охрана Церкви как церковно-государственного организма и создание условий, обеспечивавших бы выполнение Церковью ее церковных задач.

Но и государственный контроль существовал больше на бумаге, в теории, а не на практике, ибо малейшие попытки оберпрокуратуры в этой области пресекались дружной оппозицией иерархов. В том же, что такой контроль был нужен и вызывался столько же церковными, сколько и государственными интересами, — в этом я убеждался с каждым днем и часом все больше.

Печальные результаты недостаточности такого контроля были уже частично отмечены мною в пределах, диктуемых уважением к священному сану, на страницах моего первого тома “Воспоминаний”, и я не имею в виду дополнять эти страницы новыми иллюстрациями, или посягать на неприкосновенность Синодального архива. В этом и нет нужды, ибо это сделала революция, явившая всему миру портретную галерею революционеров, облеченных высоким саном пастырей и архипастырей Церкви, борьба с которыми, встречавшая противодействие со стороны Синода, оказывалась не по силам и оберпрокуратуре.

Что касается канонической деятельности Синода, то с этой стороны оберпрокуратура не только не соприкасалась, но и не могла соприкасаться хотя бы потому, что Синод такой деятельности вовсе не проявлял, а занимался рассмотрением бракоразводных дел, мелочными делами провинциальных епархий, только по недоразумению восходившими на

рассмотрение Синода, вместо того чтобы разрешаться на местах властью местных епархиальных архиереев, замещениями вакансий, перемещениями и увольнениями служащих ведомства, разного рода финансовыми вопросами и пр. и пр. Синод был в буквальном смысле генеральным штабом духовных консисторий, от которых отличался только своим названием, и являлся типичным учреждением дореформенной России, не изменив на протяжении 200 лет ни своего внешнего облика, ни содержания, не имея даже писанном церковного законодательства; ни с которой стороны не был он похож на Собор епископов, предназначенный осуществлять непосредственную задачу — блюсти Церковь Христову, стоять на страже Православия и христианизировать жизнь государства.

Вернуть Синоду то значение, какое он должен был бы иметь, как Собор епископов, разгрузить его от мирских дел, приняв этот груз на свои плечи, разграничить сферу чисто церковную от государственной и создать наилучшие условия для оживления церковной жизни России — и составляло задачу обер-прокуратуры. И, однако, иерархи или не понимали этой задачи, или сознательно противились ей, стремясь, наоборот, расширять свои государственные функции в ущерб церковным, благодаря чему Синод постепенно утрачивал свой первоначальный облик и превратился в чисто бюрократическое учреждение, влияние которого на церковную жизнь России ни в чем не сказывалось.

В результате Православная Церковь в России распалась как бы на две церкви: официальную и неофициальную.

Официальную церковь составлял Св. Синод как высшее средоточие церковной власти, в состав которого, в качестве его неперменных членов, входили три митрополита — Петербургский, Московский и Киевский, а также экзарх Грузии и в последнее время два протопресвитера от придворного и военного и морском духовенства. К ним добавлялись и поочередно вызываемые епархиальные архиереи, в числе 5-6 епископов, так что личный состав Синода обычно состоял из 12-14 членов во главе с первенствующим членом, каковым являлся митрополит Петербургский. Государственная власть была представлена в Синоде в лице обер-прокурора и его товарища.

Неофициальную церковь составляли монастыри, с их старцами и подвижниками, как высшее средоточие церковной правды. Между официальной и неофициальной церковью с одной стороны, и между Синодом и обер-прокуратурой с другой, шла глухая борьба, какая сдерживалась только опасением соблазна среди мирян, хотя нередко и выходила наружу.

Рассматривая обе церкви с точки зрения нравственного влияния их на массы, нужно признать, что деятельность официальной церкви ни в чем не выражалась, и вера народная, религиозное развитие и настроение держались или на традициях поколений наследственными влияниями

семьи, или же поддерживались влиянием единичных людей высокой религиозной настроенности, главным образом простецами-монахами, живущими вне мира, в ограде монастырской. Эти последние пользовались чрезвычайной любовью со стороны русского народа и были одинаково близки как простолюдину, так и высшему классу, являясь подлинными и притом единственными вождями, премудрыми учителями и наставниками своих духовных чад. В противоположность представителям официальной церкви, они совершенно не интересовались внешностью мирян, не делали различия между бедными и богатыми, простецом и ученым, простолюдином и знатным, а всех, притекавших к ним, дарили одинаково любовью, со всеми говорили одинаково определенно, открыто и правдиво, ибо видели пред собою не носителей званий и положений, а в каждом — его душу, тоскующую и страдающую, обремененную немощами и грехами; знали, зачем эти души пришли к ним, и щедро наделяли их своим духовным врачевством. Так как значение врача может учитываться лишь с точки зрения его знаний и приносимой им пользы, то столько же естественно, сколько и правильно верующие оценивали значение представителей официальной церкви лишь постольку, поскольку они приближались своими личными качествами к этим духовным врачам. Внутренняя религиозность, уровень духовной высоты, подвижническая жизнь, личный пример — были единственным мерилем отношения народных масс к духовенству и единственной связью между ними. Такая связь была весьма незначительной, точнее, ее вовсе не было. Однако же было бы несправедливо объяснять отсутствие означенной связи только качественным составом иерархов, между которыми было и много выдающихся подвижников Церкви. Нет, объяснялось это явление, главным образом, удаленностью архипастыря не только от мирян, но и от подчиненного ему епархиального духовенства и перегруженностью епархиальными делами, отвлекавшими архипастыря от его непосредственных задач.

Всегда и во все времена христианизация в самом широком смысле достигалась не наказом, а показом, не проповедью, а личным примером, и самыми великими общественными и государственными деятелями были не министры и архиереи, а те невидимые никому затворники и отшельники, которые укрывались в укромных келиях монастырей с мыслию о спасении собственной души. Но, спасая свои собственные души, они спасали весь мир и были теми строителями духи жизни, на которых и держался мир. С точки зрения государственной даже, значение молитв Афонском или Валаамского подвижника было неизмеримо больше, чем значение самых красноречивых проповедей архиерейских с высоты кафедры Государственного Совета или Государственной Думы. Великий архиерей православной Церкви Феофан Вышенский или знаменитый епископ Игнатий Брянчанинов — оба оставившие свои епархии и добровольно

ушедшие на покой — сделали больше для Церкви и России в своем добровольном затворе, чем на поприще своей официальной деятельности, ибо оба признали абсолютную невыполнимость пастырского долга в положении официальных представителей Церкви, правящих архиереев.

Приблизить представителей официальной церкви к типу этих людей — это и значит улучшить качественный состав духовенства, о чем говорит приведенный мною отрывок частного письма. А сделать это было бы возможно только намеченными обер-прокуратурой в 1916 году реформами, сводившимися к сокращению территориальных размеров епархий, что приблизило бы архипастыря к пастве и к разгрузке епископа и подчиненного ему духовенства от мирских епархиальных задач, превращавших их в чиновников государства в рясах...

Это не внедрение государства в область Церкви, не посягательства на ее права, а заботливое попечение о благе Церкви, вытекающее из убеждения, что Церковь не может и не должна быть орудием в руках государства ни для каких целей, как бы возвышенны они ни были, ибо Церковь имеет свою цель — указывать людям пути и способы спасения души, и государство обязано обеспечить Церкви всеми доступными ему средствами достижение этой высокой цели.

Так и понимала синодальная обер-прокуратура свою задачу в отношении Церкви. Какие бы мотивы ни лежали в основании ее учреждения, но фактически она осуществляла собою не идею контроля государства над Церковью, а, наоборот, содействовала и облегчала Церкви задачу контроля над государством, снимая с ее плеч не только тяжелый груз мирских забот, неизбежно связанных с нею как с земной организацией, но и давая правовую государственную защиту и обеспечивая в пределах, доступных государственной власти, условия ее духовного процветания. Там, словом, был не контроль государства над Церковью, а та опора со стороны государства, без которой никакая Церковь, как земное учреждение, не может существовать и без которой должна неминуемо рушиться. И лучшие из представителей Церкви это знали и понимали и потому не только не тяготились обер-прокуратурой, а, наоборот, тяготились своим вынужденным образом жизни мирян в рясах, жалуясь на то, как невыразимо трудно монаху быть архиереем, как часты коллизии между долгом совести и долгом службы, как несовместимы обеты монашеские с требованиями, предъявляемыми к епископу, как “правлящему” архиерею. И эти жалобы не были фразами, а были криком души, скрывали великую драму, каковую наиболее чуткие из епископов, не считая возможным изменять служебному долгу, разрешали добровольным уходом на покой.

Но так думали далеко не все... Общій же голос официальной Церкви усматривал в государственном попечении о благе Церкви только посягательства государства на прерогативы Церкви, государственный контроль, осуществляемый светскими людьми, гнет и оковы, и пр. и пр.,

забывая, что, только освободившись от мирского груза, Церковь могла бы получить возможность осуществлять свою миссию на земле и что этот груз неизбежно должен был быть возложен на государство.

И если миссия Церкви заключалась в спасении душ пасомых, если для достижения этой цели пастыри и архипастыри должны были быть окружены условиями, какие позволяли бы им самим возноситься к Богу и вести за собою паству, то, разумеется, в первую очередь их надлежало освободить от всего том, что вольно и невольно пригибало их к земле, что отягощало их бременем повседневных житейских забот, что отнимало у них время на занятия, превращавшие их в чиновников.

В какой мере обер-прокуратура или консистории мешали или содействовали спасению душ и, следовательно, в какой мере имелись основания видеть в означенных бюрократических учреждениях и в стремлении государства расширить их функции посягательства на прерогативы Церкви?!

Между Церковью и государством может быть только нравственная связь, и какими бы званиями ни облекались представители Церкви, какой бы ни обладали “властью”, но покорять будет только звание подвижника, побеждать будет только власть праведника. Поведет за собой народ не Патриарх, а Василий Блаженный или Серафим Саровский, а значение Патриарха выразится лишь постольку, поскольку он приблизится к ним. Это положение до того очевидно, что едва ли его нужно доказывать.

Гораздо важнее указание на то, что, ограничивая земные задачи Церкви лишь духовным врачевством душ, высказанное положение тем самым еще более якобы усиливает принцип преобладания государственной власти в Христовой Церкви, еще более якобы расширяет сферу влияния чинов оберпрокурорского надзора, передавая их ведению всю церковную жизнь государства, поскольку она выходит за пределы этих задач. Да, так может казаться, но в действительности это не так.

В результате получится не порабощение Церкви, не отделение Церкви от государства, как думают легкомысленные люди, а отделение государства от Церкви, а это не все равно. Ибо одно дело изгнать Церковь из государства, и иное дело очистить обмирщившуюся Церковь, иное дело не пустить подвижника-монаха в гостиную, и иное дело изгнать мирской сор из его келии. И только тогда Церковь получит истинную свободу, только тогда взойдет на подобающую ей высоту, когда епископ захочет и получит возможность быть только епископом, а священник — только священником, т. е. тогда, когда они перестанут быть чиновниками, безразлично государственными ли, или церковными. Так сказал Господь, повелев отдавать Божие — Богову, а кесарево — кесарю, но и в области церковной есть много кесарева, и его тоже нужно отдать кесарю, а оставить Церкви только Божие.

Эта мысль превосходно выражена автором “Аскетических опытов”, епископом Игнатием Брянчаниновым, сказавшим, что оставаться в миру и спастись так же невозможно, как гореть в огне и не сгореть. И чем большими “правами” будут облечены представители Церкви, чем шире будут их государственные функции, тем слабее будет их влияние в области церковной жизни.

Остается неизменным и непоколебимым этот принцип и в сфере даже частной жизни духовенства. Чем шире станут раскрываться пред духовенством двери мира, с его суетой и грехом, тем меньше будет пользы и для пастыря и для его паствы, тем скорее растратит духовенство свое духовное богатство, тем безуспешнее будут его попытки выполнить свою задачу христианизации мира. И, наоборот, чем замкнутее и удаленнее от мира будет пастырь, чем больше будет крепнуть духовно, тем сильнее будет мир стучаться в его двери, тем неотразимее будет его влияние. Это доказывает нам сама жизнь, являющая собой примеры пастырей и архипастырей, высоко ценимых общественностью, дипломированных ученых с громкими именами, но с ничтожным авторитетом, не знакомых с азбукою “науки из наук”, но глубоко внедрившихся в самую толщу мирской жизни — и, наоборот, примеры пастырей и архипастырей едва соприкасавшихся с миром, но за которыми толпами ходил народ, чутьем угадывая в них подлинных вождей духовных.

Не могу, в заключение, не вспомнить впечатлений далекого прошлого, наглядно иллюстрирующего высказанные мною положения.

В бытность мою земским начальником в одной из южных губерний России, я, по долгу службы, весьма близко соприкасался с местным сельским духовенством, среди представителей которого встречал достойнейших пастырей Церкви, что не мешало, однако, крестьянству приносить на них всяком рода жалобы. И вот один из таких смиреннейших пастырей чрезвычайно просто и мудро разрешил церковно-государственную проблему, когда, оправдываясь в взведенных на него обвинениях, сказал мне:

“Вот Вы сами изволили не раз говорить мне, что министры законодательствуют, губернаторы передают законы, а проводят их в толщу жизни только земские начальники да полиция, что нет ведомства, которое не заваливало бы Вас грузом дел, коих не только исполнить невозможно, но в коих нет времени даже разобраться... А тут еще судебные дела, ревизия волостей, разъезды по участку в 50-70 верст в конец и пр. и пр. И точно, Ваши слова справедливы. Но то же самое испытываем и мы, пастыри. И нас со всех сторон заваливают предписаниями и отношениями, и не только благочинный, но и губерния, и земство, и полиция... И нас рвут на все части; и бывает, что не только не хватает времени для исполнения треб, иногда срочных, но, прости Господи, иной раз и в праздничный день обедни не отслужишь из-за того, что сразу не поспеешь во все стороны... А

ведь нам приходится не только службою заниматься, но часто и хозяйством. И скотину нужно напоить, и лошадке дать корму, да, что греха таить, и землю иной раз вспахать, за плугом походить... Снимите с нас хотя бы бремя заботы о хлебе насущном да канцеляршину, избавьте нас от метрик, да отчетов, да от разных там статистик и ведомостей, дайте нам возможность быть только пастырями Церкви да хранителями вверенных нам душ наших пасомых, а тогда и взыскивайте с нас строго. А теперь что же я могу сказать в ответ на взводимые на меня обвинения в “нерадивости”? Факты справедливы, но “нерадивости” не было, а был лишь недостаток времени, неуправка...”

И вот эту страницу далекого прошлого я и вспомнил, когда вскоре после назначения своего товарищем обер-прокурора Св. Синода услышал из уст одного из высоких чинов ведомства пожелание видеть в каждой епархии представителя обер-прокуратуры, задача которого сводилась бы к урегулированию всех недочетов церковной жизни на местах и, в частности, к оказанию помощи сельскому духовенству в его безмерно трудном деле.

Вот как понимали обер-прокуратуру не только лица близко стоявшие к ней, но и православное духовенство в массе!

ГЛАВА 53

Государственные задачи Церкви

В чем заключаются “государственные” задачи Церкви?

У Церкви — только одна государственная задача и эта задача заключается в христианизации мысли и жизни. Официальная Церковь в России этих задач не выполняла, между епископом и народом не существовало ни единения, ни общения столько же по причинам территориальной удаленности его от паствы, сколько и вследствие переобремененности его епархиальными делами.

Идея намеченных обер-прокуратуру в 1916 году реформ и заключалась в децентрализации церковного аппарата, в разграничении церковной и государственной сферы управления, в сближении архипастыря с паствой, в создании условий, имевших обеспечить архипастырю возможность выполнять его непосредственные задачи, что, в совокупности, возродило бы и оживило церковную жизнь на местах.

Только при этих условиях епископы могли бы отдаваться своему прямому делу, какое заключалось прежде всего в оживлении источника христианской мысли и перестройке современного уклада их жизни в соответствии с требованиями уставов, создавших институт “старчества”. В этой области царил наибольший хаос, и между епископами и монастырями существовало не только великое средостение, но и великая вражда.

В поднятии уровня монашеской жизни и в соответственной перестройке личных отношений к монастырям заключалась, по моему мнению, первейшая государственная задача епископов вне мира.

Понимаемая в широком смысле слова государственная задача каждого епископа только и могла заключаться в укреплении фундамента государственности, а таким фундаментом является религиозная основа государства, иначе — монастырь как источник религиозной мысли и чувства.

В миру же задача епископа заключалась в христианизации жизни, в привлечении своей паствы к повседневному практическому Христову делу созданием связи между Церковью и прихожанами ее. Такая задача могла быть выполненной чрез достойных пастырей, настоятелей церквей при всяких условиях, и в том, что между пастырями и паствой не существовало никакой связи, виноваты как пастыри, так и пасомые.

Достаточно указать на существующую у католиков организацию прихода для того, чтобы в этом убедиться.

В то время когда при Синоде созывались всякого рода комиссии по выработке законоположений о приходе под председательством архиепископов Сергия Финляндского и Стефана Курского, в то время когда Государственная Дума, в свою очередь, изошрялась в тонкостях юридических норм, способных ввести в надлежащее русло приходскую жизнь, — в это время настоятель Екатерининского костела в Петербурге, прелат Буткевич, расстрелянный большевиками в 1923 году, личным примером своим свидетельствовал, что дело Христово на земле не требует никаких юридических нормировок и писанных установок, что нравственный долг немислимо превращать в юридическое обязательство, что единственной базой этого дела является добрая воля человека, пробуждение которой и составляет задачу пастыря. Прелат Буткевич осуществил в Петербурге идеальную форму приходской жизни в своем приходе, и для меня казалось непостижимым, каким образом Синод, имея готовый, практически осуществленный план такой организации, не только проходил мимо него без внимания, но, по-видимому, даже не знал о его существовании.

Исходя из мысли, что задача Церкви заключается в христианизации жизни на пространстве отведенного ей прихода, прелат Буткевич, не задаваясь общецерковными и общегосударственными задачами широкого масштаба, ограничил свою деятельность только территорией своего Екатерининского прихода и начал ее прежде всего с переписи своих прихожан, подразделил их соответственно полу, возрасту и социальному положению. Закончив эту предварительную работу, о. Буткевич созвал общее собрание своих прихожан и объявил им, что служение Христу является долгом каждого христианина и должно выражаться не только в посещениях богослужения, ибо молитва призывает лишь благословление

Божие на дело Христово, низводит благодатную помощь Божию на это дело, но непременно в самом деле, и работе, в труде, предпринимаемом специально в силу прямого повеления Христа делать это дело. Объяснив, далее, в чем должно заключаться дело Христово на земле, прелат Буткевич разъяснил, что оно обнимается общим понятием любви к ближнему и выражается в мелких, повседневных услугах, такие каждый может оказывать друг другу, безотносительно к средствам, занятиям и социальному положению.

“Дело Христово” есть основа и нашего личного благи и блага государства, в котором мы живем. Его нужно делать столько же по идейным, сколько и по практическим соображениям, ибо то, что мы сегодня сделаем нашему ближнему, то завтра наш ближний сделает нам, а если он не сделает, то Бог сторицею вернет нам награду за наше послушание Богу, приказавшему нам любить ближнего. То, чем мы не дадим своему ближнему сегодня, того не получим от него завтра, когда сами будем нуждаться в его помощи.

В чем же заключается “дело Христово”?

Накорми голодного, посети страждущего или заключенного в тюрьме, пригрей несчастного, вразуми заблудшего, войди в положение нуждающегося и обремененного и облегчи его тяготы, не задавайся широкими целями, не связывай себя никакими программами, а твори каждый день маленькие дела любви и милосердия, с кротостью и смирением, и веди борьбу со злом и неправдою там, где будешь встречаться с ними.

Вся человеческая жизнь на земле состоит из таких крошечных дел, а между тем люди проходят мимо них и, вырабатывая программы для борьбы с мировым злом, не замечают, что это мировое зло давно было бы уже изгнано из мира, если бы не питалось маленькими ничтожными проявлениями, борьба с которыми под силу каждому человеку при всяких условиях. Церковь не призвана перестраивать государственные и социальные формы жизни и ломиться в двери государства, хотя бы и была одушевлена самыми высокими побуждениями. Территория деятельности Церкви очень ограничена, и ее сферою является только душа человека. И однако нет большего государственного дела, как увеличение контингента подлинных христиан, не только слушающих Слово, Божие, но и выполняющих его, честных и добросовестных работников “дела Христова”.

Таким приближительно было содержание первой беседы прелата Буткевича с его прихожанами в первое воскресенье после произведенной им переписи их. И когда о. Буткевич спросил, кто из них желает записаться в число “работников Христовых”, то записались все единогласно, и тут же решено было обложить себя ежемесячным денежным взносом, начиная от 50 копеек для простого люда и кончая 10 рублями для интеллигенции. Территория Екатерининского прихода была разбита на участки, участки на

улицы, улицы на дома, и каждый “работник Христов” получил определенное задание, сводившееся к обходу прихожан, выяснению их духовных и материальных нужд и пр. и пр. Спустя неделю, в понедельник, было созвано по именным повесткам первое заседание простого люда мужского пола, куда явились чернорабочие, прислуга и др. Во вторник такие же повестки получили женщины, в среду состоялось соединенное заседание тех и других, в четверг был созван образованный класс прихожан мужского пола, в пятницу — женском пола, в субботу — оба вместе, а в воскресенье состоялось объединенное собрание интеллигенции и простого класса. Заседания продолжались не более одного часа и имели в виду связь простых людей с интеллигенцией на почве совместного служения “делу Христову”, непрерывность такого служения и знакомство пастыря с пасомыми и этих последних между собой. На этих заседаниях рассматривались как вновь поступающие к прелату Буткевичу ходатайства, прошения и обращения самого разнообразного содержания, так и отзывы “работников Христовых”, коим на предыдущих заседаниях было поручено произвести проверку поступивших раньше прошений и удостовериться в их справедливости. По расследовании ходатайств, последние удовлетворялись полностью или частично из собранных сумм прихода, причем достойно внимания, что ходатайства о материальной помощи были редкими и составляли исключения в той массе обращений, какие имели в виду преимущественно духовную помощь и моральную поддержку. Спустя месяц созывалось генеральное заседание под председательством епископа и давалась оценка труда каждого отдельного работника или работницы, причем наиболее отличившиеся получали награды. Эти награды заключались или в праве участия в религиозных процессиях, чем особенно дорожили “работницы Христовы”, облачавшиеся в белые платья и получавшие венки и гирлянды зелени, или же в праве прислуживать епископу при торжественных богослужениях, каковой чести особенно добивалась молодежь... Все было продумано до мелочей, преследуя не только задачу развития и усиления религиозного чувства и сознания долга к ближнему, но и удовлетворения самолюбия прихожан, гордившихся званием членов прихода и ревностно выполнявших свои обязанности.

Нужно ли говорить о том величайшем значении, какое имела подобная организация приходской жизни! Ее результаты сказывались не столько в облегчении материальных нужд прихода, сколько в единении прихожан, в знакомстве их друг с другом, в установлении теснейшей связи между собой, в духовном единстве. Когда прислуга, приносившая больному или тюремному сидельцу чай и сахар встречалась там с своими “господами”, приносившими им Евангелия и читавшими его, когда сливалась с господами на почве общего служения ближнему, тогда, быть может, впервые стала давать им иную оценку и видеть их подлинный облик, часто заслоняемый блеском салонов и гостиных. Тогда и господа приближались

ближе к своим слугам и распознавали их души, каких на далеком расстоянии раньше не видели. Но не только в этом сказывалось значение организации прелата Буткевича, но и в том, что он сам получал возможность поименно знать своих прихожан, их духовную жизнь, содержание и образ их жизни, и даже высоту духовного развития. Это был в полном смысле пастырь добрый, ведущий свою паству к Богу в сознании, что обязан дать за нее ответ пред Богом.

И так ясно и просто было, что все сложное дело урегулирования начал приходской жизни сводилось не к правам и преимуществам прихожан, а только к их обязанностям, к этому маленькому делу Христовой любви к ближнему, к тому, чтобы облегчить каждому в отдельности выполнение его христианских обязанностей, связать каждого с определенным повседневным делом, составлявшим частицу общего дела прихода.

Не было бы тогда и того томления духа у прихожан, не знавших, что делать с избытком своего времени и искавших удовлетворения запросов своего духа там, где их нельзя было найти, бродивших, как овцы без пастыря, не было бы и того средостения между бедными и богатыми, которым так преступно пользовались те, кто еще более увеличивал расстояние между ними, не было бы и того разительного отчуждения от действительной жизни, с ее ужасами, горем и страданиями, о которых знали лишь те, кто испытал их.

И, глядя на некоторых известных мне “работников Христовых”, я не знал, чему удивляться, мудрости ли ксендза Буткевича, продуманности ли действий и приемов католической Церкви, или героизму и самоотвержению, с каким эти “работники” несли так радостно и легко свою тяжелую работу служения ближнему, не встречаясь на своем пути ни с Распутиными и Митями Косноязычными, Василиями Босыми, Иванушками и прочими аномалиями, выстававшими, как бурьян, на заброшенном, невозделанном поле.

И какое-то острое ощущение боли, щемящее чувство досады охватывало меня при встрече с теми представителями нашего духовенства, особенно иерархами, которые громко и красноречиво осуждали Распутина, а вместе с ним и своих, якобы изменивших православию пасомых... В увлечении Распутиным и подобными ему “старцами” сказывалось, наоборот, органическое тяготение православной души к Богу, а не измена православию, и не вина пасомых, если такое тяготение выражалось в уродливых формах...

И когда разразилась революция, то эти “работники Христовы” не растерялись, не примкнули к толпам хулиганов, а бросались в самую толщу толпы, громко обличая безбожников и лелея, быть может, тайную мысль пострадать за “дело Христово”, в чем видели завершение своего земного подвига.

Организация церковно-приходской жизни у католиков идеальна и именно эту организацию я и имел в виду, когда, ознакомившись с деятельностью прелата Буткевича, буквально кричал о ней, указывая нашим епископам на необходимость забросить все эти комиссии о приходе, а использовать готовый пример о. Буткевича.

И однако один из архиепископов, которому я рассказал о прелате Буткевиче и его деятельности, коротко ответил мне: “У нас это не привьется”. Подобное же Отношение проявили и прочие епископы, несмотря на то, что деятельность о. Буткевича явится на все времена показателем того, в каких формах может и должна проявляться государственная деятельность Церкви и в чем вообще заключаются ее государственные задачи.

ГЛАВА 54

Трагедия детской души

Огромному большинству людей некогда быть христианами, некогда не только выполнять христианские обязанности, но даже задумываться над их значением. Многие даже не знают, в чем их обязанности заключаются, и, в лучшем случае, ограничивают их областью внешнего дела, да и то только тогда, когда находят время его делать.

Обязанности службы, общественные, семейные отвлекают от богомыслия, медленно и постепенно удаляют от Бога и, наконец, разрывают даже связь с Богом, ту невидимую связь с Небом, которая является источником поэзии и красоты жизни, ее идейного содержания, возвышенных порывов и светлых духовных радостей.

И человек настолько свыкается со своим делом и своим земным настроением, что совершенно искренне не знает того, что делает не то, что нужно делать и не делает того, что нужно.

И пастырь Церкви, совершающий богослужение в храме по долгу своей службы, и министр, погруженный с раннего утра до поздней ночи в кабинетную работу, и писатель, пишущий о том, что нужно делать, но не делающий того, что советует своим читателям, и все прочие люди, связанные с тем или иным “делом”, — все они сознают себя христианами и не спрашивают себя, почему же это “дело” не удовлетворяет их, почему они тяготеют им, почему оно радует только тех, кто несет его во имя свое, движимый личными, корыстными целями честолюбия и славолубия, и является ярмом всех прочих, проникнутых стремлениями идейными, мыслями о неосуществимом “народном благе”, почему это дело не только не приближает их к Богу, а как будто даже удаляет от Него, не согревает их сердца, не растворяет его небесными ощущениями, а нервирует и раздражает, почему так тяжело живется и дышится в этой жизни, такой серой и угрюмой, такой неинтересной и скучной?!

И хорошо, что не спрашивают, ибо ответ был бы ужасен и убил бы их.

Но есть люди, которые еще не успели обзавестись своей семьей, которые нигде не служат, никаких общественных обязанностей не несут и никакого “дела” еще не имеют, у которых есть время осмыслить свое отношение к окружающему и отношение окружающего к себе...

Эти люди — наша молодежь, одинокая и беспомощная, ищущая и порывистая...

Все мы были когда-то в ее положении и нам стоит только вспомнить наши собственные переживания и ощущения... К ним нужно отнести и тех людей, которые и в годы зрелости и старости сохранили идеалы молодости и являются поэтому еще большими мучениками и страдальцами, к ним нужно отнести и все наше монашество, порвавшее все связи с внешним миром и разрешившее свою душевную драму бегством из мира, каком не могли переделать, но с которым и не могли ужиться.

Было время, когда в годы нашей юности нетронутая грехом душа наша была связана крепкими нитями с Небом, чувствовала Бога и не только согревалась, но и светилась Его светом. И этот свет, точно сильный рефлектор, освещал всю грязь, всю нечисть, все пороки и преступления, как бы глубоко они ни прятались, в какую бы нарядную внешность ни наряжались, в каких бы невидимых целях жизни ни укрывались...

И везде господствовала ложь. Говорилось одно, а делалось другое, учили вере, а сами ни во что не верили, учили добру, а делали зло, воспитывали и растили высокие понятия об Истине, Добре и Красоте, а сами точно умышленно убегали от правды и добра и красоты, какой не понимали и стремиться к которой не чувствовали потребности.

А юная, неиспорченная душа, с обостренным духовным зрением, ее природным свойством, все это подмечала, и авторитет ее руководителей и воспитателей, какими бы искусственными мерами ни поддерживался, все более падал. Она недоумевала, почему взрослые люди не верят тому, что она видит правду, что еще можно обмануть взрослого человека, привыкшего ко лжи, но обмануть детскую душу невозможно, ибо она, если и не увидит правды, то почувствует ее... Она не понимала, зачем и почему взрослые люди насилуют живущую в ней правду, умышленно толкают ее на ложь, на все, с чем она борется и чему противится, и заставляют ее подражать не тому хорошему, чем она жила и питалась, а тому дурному, чем они сами жили и от чего предостерегали словами, какие опровергали собственными делами и поступками.

И не растерявшая своих Божественных свойств, неспособная к компромиссам, с негодованием отвергающая соглашательство с неправдою, чуткая душа все более и более отдалялась от своих руководителей, переставая им верить, углубляясь в самое себя и... ограждала свою правду, свою чистоту... ложью, скрывая от окружающих свою внутреннюю жизнь, свое настроение. О как ужасно было для нее это первое соприкосновение с

ложью, как нестерпимо было скрывать свои наблюдения и ощущения... Точно вор, она скрывала свои ощущения, от Бога полученные, боясь, чтобы их не расхитили; точно одинокий странник, без роду и племени, блуждала она в мире, не зная, куда идти и где найти того, кто бы не высмеял ее, кто бы не надругался над ее сокровищами, имевшими высокую небесную ценность, но никакой стоимости на земле, где побеждали натиск и злоба, ложь и пороки, но где никому не были нужны ни кротость и смирение, ни правда и любовь, ни все то, с чем она родилась и что так берегла.

И бедная душа, зная, что обладает жемчужиной, какая дороже всего мира, не знала, что делать со своим сокровищем, не знала и того, почему это величайшее духовное богатство не делает ее радостной и счастливой, а, наоборот, причиняет так много боли и страданий, почему вокруг нее все были радостны и довольны, веселы и беззаботны, а только она одна тосковала в мире и не находила себе места... И чем больше людей ее окружало, тем более одинокой она себя чувствовала.

Она чувствовала свою правду, но не знала того, что грех настолько далеко удалил людей от этой правды, что ее перестали уже узнавать.

К кому же идти, кого спрашивать, с кем советоваться?!

Самые близкие из людей, родители, сберегшие душу своих детей в чистоте от соблазнов и соприкосновения с грехом мира, проникнутые благочестием, но ограничивавшие его пределами внешнего добра, не понимали духовных запросов своих детей и видели в их душевных тревогах выражение естественной дани молодости, выражение того, что “с годами пройдет”, уляжется и... забудется. Они не понимали того, что детская душа искала не внешних проявлений того добра, коим была полна, которое рвалось наружу и которое распространяла вокруг себя, а искала ответа на вопрос о том, почему это добро нужно делать украдкой, почему его нужно скрывать от окружающих, почему нельзя быть искренним и простосердечным, а нужно хитрить и лукавить, приспособляться ко злу и неправде, вместо того чтобы вытеснять их из нашей жизни, бороться с ними, почему нельзя делать всего том, чему учили в детстве и родители и воспитатели, почему так много зла в жизни и почему это зло так сильно, что с ним не только никто не борется, а все точно бояться его, служат ему и задабривают его.

И не находя ответов на свои вопросы, душа нашей юности не раз задумывалась о том, что, может быть, и правы те, кто осмеивает ее порывы, считая их обычными проявлениями молодости, куда-то стремящейся и ничем не удовлетворяющейся, или же выражением нездорового мистицизма, какого нужно опасаться, может быть, и в самом деле лучше заглушать в себе эти высокие порывы и стремления и махнуть на все рукой, последовать примеру старших, окунуться в толщу земных наслаждений и не пытаться более разрешать неразрешимое, обнимать необъятное...

“Нет, — отвечала себе душа, — не может того быть, чтобы мои ощущения меня обманывали и чтобы правда была там.”

И кто из нас в годы юности своей, перебирая все земные сокровища, все то, что так дорого ценилось людьми и к чему они так настойчиво и упорно стремились, не спрашивал себя: “Ну, а дальше что?”

Дальше шла смерть, опрокидывавшая самые причудливые воздушные замки, сокрушавшая самые смелые полеты фантазии и превращавшая в ничто весь мир, всю вселенную с ее сокровищами...

“Нет, нет, — говорила нам наша юность, — правда не там, а вот здесь, в нашем сердце, которое нас не обманывает, и не нужно слушаться того, что говорят старшие, а нужно...”

Что же нужно? И душа не знала, что делать...

Она чувствовала только, что потерялась в лабиринте перекрестных вопросов, искала выхода, страдала, изнемогала, но не могла найти его.

Самая ужасная потеря — потерять себя.

Когда человек чувствует, что потерял себя, когда ищет и не находит себя и не может разобраться в своих противоречиях, падает и изнемогает, то часто ищет единения с другими людьми в надежде, что они помогут ему разобраться в себе и дадут ему то, чего он сам не мог дать себе.

Ему дороги те люди, которые сохранили чистоту своей души и донесли ее. непорочную, к Тому, от Ком получили ее. Он ищет этих людей не без тайной надежды, что они скажут ему, каким образом они сохранили свою чистоту и научат его. Ему дороги и те люди, которые умеют говорить ангельским языком, помогают ему найти себя. И он ищет этих людей постоянно, и к ним бежит навстречу, и разыскивает их, и слушает, что они говорят ему... И опять возвращается к себе домой утомленный поисками этих людей, а между тем ищет все новых и новых, бросается из одного места в другое в надежде отыскать нового человека и услышать новое слово, в сущности же ответ на все тот же старый, роковой вопрос: “Что же нужно делать?”

Если в зрелые годы такое душевное состояние характеризует тех, кто слывет под именем “неуравновешенных” натур, то для юности, с ее безоблачными мечтами и высокими порывами, жадной подвига и желанием жертвы, — такое состояние душевной тревоги и беспокойства является общим. Кто не переживал его?

Кто не знает этих мучений, непередаваемых и ужасных, этой страшной борьбы, с неумолимостью рока, с беспощадной жестокостью сокрушающей молодые жизни, выбрасывающей лучших людей, с наиболее чуткой душой, из общей колеи жизни только потому, что они не желали входить в компромиссы с неправдою, или с тем, что, считали неправдою, еще не умея разбираться в правде?!

Кто не знает, как часто душа, сталкиваясь с мучительными противоречиями жизни, раздираемая ужасным дуализмом, не знала, куда идти и что делать с собою?!

Допустим, что в такой борьбе силы были не равны, допустим, что на одной стороне была безграничная высота порывов и недостижимые цели, а с другой стороны — полное неведение детства, совершенная неприспособленность к борьбе и отсутствие надлежащих средств и орудий для борьбы...

Но разве это несоответствие сил рождало страдание, разве сознание личной слабости и собственного бессилия губило юные души?

Нет, губил их вопрос — должны ли они оставаться тем, чем они родились, или должны переделывать себя согласно требованиям окружающей их обстановки, должны ли беречь свою жемчужину, то сокровище, какое получили от Бога и какое дороже всем мира, или должны променять его на земные блага, на все то, чего от них требовал мир? И этот вопрос причинял им тем большие страдания, что у них был только один ответ на него и этот ответ требовал от них идти против течения, бороться с окружающей обстановкой, отстаивать свои идеалы, хотя бы для этого нужно было переделывать и весь мир.

Задача оказывалась непосильной, наступали потрясающие душевные драмы, какие заканчивались или самоубийством, или... изменой всем прежним идеалам, крушением кумиров и тем ожесточением, какое заставляло молодые души бросаться в самый омут греха и с каким-то азартом наслаждаться сознанием своей гибели.

Страдание духа было сильнее физических страданий и даже страха смерти.

Несчастные, погибшие молодые люди! Они не знали еще роли страдания на земле и том, что человек одинаково страдает и тогда, когда плывет по течению жизни, и тогда, когда идет против течения, что область причин, вызывающих страдания, только одной стороной соприкасается с внешним миром, что источник страдания зарыт в глубоких недрах сознания, распинаемой на земле правды Божией и что страдают только те, кто чувствует эту правду и любит ее, — земные люди с небесным настроением... Они не знали, что не должны были бояться своего одиночества, что только потерявший себя ищет единения с другими людьми и ждет от них помощи, а человек, нашедший себя, — все более уединяется, углубляется, затворяется, ибо то, что он искал от общения с другими людьми, он находит в общении с самим собой, со своей душой, в безмолвии и тишине говорящей с Богом... Они не знали, что келия, пещера и затвор являются конечными земными этапами на пути к Богу и что духовно сильные люди всегда одиноки, всегда отшельники, независимо от того, где они живут и что делают... Они многого еще не знали, они знали только то, что гибнут и нет никого, кто бы мог спасти их...

И такую потрясающую душевную драму, вдвойне мучительную потому, что ее обыкновенно скрывают, испытывает едва ли не все юношество, хотя несомненно, что русское юношество особенно остро переживает ее, ибо его духовные запросы шире и глубже. То огромное количество писем, с которыми обращались ко мне совершенно неизвестные мне молодые люди, преимущественно студенты Московского университета, неудовлетворявшиеся существовавшими в Москве в начале 1900-х годов религиозно-философскими кружками и искавшими ответов на свои духовные запросы, обнажали такую потрясающую драму их души, что, опасаясь худшем, я мысленно желал, чтобы они приобщились к соблазнам мира и перестали себя мучить. Некоторые из них и действительно кончили жизнь самоубийством, другие, после бесплодной борьбы с собой, пошли на уступки греху и только немногие выдержали борьбу до конца, перебороли себя и... укрылись в подмосковных обителях.

Увидел я отражение такой душевной борьбы и в Италии, в которой живу с 1920 года, хотя здесь такая борьба выражена более бледно и не проявляется столь ярко, как в России. Я записал рассказанный мне факт и привожу его как иллюстрацию к предыдущему изложению.

“Шестнадцатилетний Альдо, сын богатых родителей, проснулся в день своего Ангела позже обычного и, лениво потягиваясь на постели, раздумывал, вставать ли ему, или нет. Он вышел уже из того возраста, который рассказывал ему об этом дне волшебные сказки, а его самого превращал в героя, являвшегося центром общего внимания, принимавшего поздравления и подарки, его не манили уже ни игрушки, ни сладкие пирожные, ни именинный пирог, ни суета и нарядные гости. Он был уже в том возрасте, который оторвал его от детей и не связал с взрослыми, переживал то время, когда дети чувствуют себя наиболее одинокими и непонятными для окружающих. И сегодняшним днем не только не забавлял его, а, наоборот, угнетал, и он готов был уже укрыться с головою в одеяло и снова заснуть, если бы его взор не остановился на новенькой бумажке в сто лир, лежавшей у изголовья и бережно положенной туда его матерью в качестве именинного подарка.

Эти деньги заставили его очнуться, и он крепко задумался. “Но мне нужно только 50 лир, — думал Альдо, припоминая то, что ему хотелось купить, — а что же мне сделать с другими 50-ю лирами?!” И мгновенно в его сознании воскресли все советы и наставления его родителей и учителей, с детства приучавших его любить ближнего, помогать бедным, утешать скорбящих, и под напором этих мыслей он решил послать эти 50 лир своему товарищу, русскому беженцу, такому же юноше, как и он сам, случайно проживавшему с ним в одном городе. Вскочив с постели и наскоро одевшись, Альдо тут же написал записку: “Дорогой друг, посылаю тебе эти 50 лир. Прими их от неизвестного и не ищи его, ибо подпись здесь и адрес вымышленные”.

Счастливым, Альдо побегал на почту, опустил письмо и почувствовал после этого такую чистую радость, такое блаженство, такой праздник, какие говорили ему столько же о чистоте его души, сколько и о том, что он поступил правильно и что так и нужно было поступить. Одно только смущало его: он чувствовал, что почему-то должен был скрыть свой поступок не только от своих товарищей, но и от родителей. Он знал, что со стороны товарищей встретит только насмешки, а родители его осудят. И то, что он это знал, связывало и мучило его. Альдо не мог понять, почему его хвалили тогда, когда он внимательно слушал хорошие советы и наставления, одобрял их и проникался ими, и почему его порицали за то, что он старался воплощать эти советы в жизнь и осуществлять их. Почему помощь ближнему считалась не только добрым делом, но и признавалась долгом христианина, а между тем никто такой помощи никому не оказывал и все проходили мимо страшной нужды, горя и страданий, точно не замечали их... Почему люди точно стыдятся быть хорошими людьми и настоящими христианами, а только и делают, что осуждают друг друга в разном роде грехах и преступлениях, противных христианским требованиям.

И, не находя ответов на эти вопросы, Альдо признал, что лучше всем делать добро украдкой, чтобы никто не знал, что не нужно никого ни о чем расспрашивать и ни с кем советоваться, а нужно поступать так, как будет подсказывать его личная совесть. Правда, он сознавал, что в таком решении скрывалось не только малодушие, но и ложь, но он утешал себя мыслью, что эта ложь являлась вынужденной и что он не виноват, если ему не позволяли быть искренним.

И чем больше думал Альдо о русском беженце, тем яснее сознавал, что он не сделал ошибки, а поступил так, как нужно было поступить. Между тем русский беженец получил эти 50 лир, и краска стыда залила лицо юноши. Беспомощно оглядываясь по сторонам, он точно искал того, кто прислал ему эти деньги и до того часто навел справки у своих знакомых итальянцев, что над ним сжалились и выдали ему эту тайну.

“Мы догадались, — сказала ему знакомая итальянская семья, — что деньги послал Альдо, но не были в этом уверены, пока он сам себя не выдал своим отношением к нашему выговору. Он обиделся на нас и больше не заходил к нам. Но вы не судите его строго за его необдуманый поступок... Все же он это сделал от чистого сердца.” Выговор ошеломил Альдо, он не знал, за что получил его и почему взрослые люди считают дурным то, что он считал хорошим. Он сердился и на самого себя за то, что не сумел скрыть тайны и своим смущением пред старшими выдал себя, однако же этот выговор дал его мыслям другое направление, и в его воображении стали рисоваться фантастические картины, превращавшие его поступок в чудовищное преступление, он готов был уже обвинять себя в том, в чем

еще вчера черпал источник радости, и видел в чистом порыве своего сердца кровную обиду, нанесенную его бедному другу.

И эти картины, как кошмар, давили и терзали его. Не зная, куда укрыться от своих мыслей, избегая встреч со своими знакомыми, с товарищами, которые уже знали о его поступке и смеялись над ним, и более всего опасаясь встречи с русским беженцем, которого он “обидел”, Альдо, под каким-то предлогом, упросил родителей отпустить его в Рим, откуда написал родителям такое письмо: “Я не знаю, как надо жить, я поступил так, как подсказала мне совесть, как требовало мое сердце, как вы с детства учили меня поступать... Я не знал, что хорошее в теории признается дурным на практике. Мне стыдно смотреть в глаза, я знаю только, что не знаю, как надо жить”.

Кто у кого должен учиться жить: дети у взрослых или взрослые у детей? Господь наш Иисус Христос давно ответил на этот вопрос — Мф. 18, 2-3; Марк. 10, 14-15.”

Думаю, что юношество всего мира находится в таком же положении и что везде и повсюду оно чувствует себя одиноким и беспомощным именно в ту пору, когда так нуждается в опоре, в посредниках между небом и землей, в духовных наставниках и руководителях.

Их не было... В лучшем случае были только книги... Официальная церковь, творившая свое великое дело в широком масштабе, была далека и точно стояла в стороне от них, в стороне от отдельных жизней, с их неразрешимыми проблемами, драмами и трагедиями...

ГЛАВА 55

Душевная драма обывателей

Если детская душа страдала потому, что была чистой и всякое прикосновение к ней мирской грязи причиняло ей мучительную боль, то не меньшими были страдания и тех взрослых людей, которые мучились сознанием своей нечистоты и духовной темноты, желали очиститься и просветиться и не знали, как это сделать.

Прожив всю жизнь, стоя уже у порога смерти, эти наиболее чуткие и лучшие из людей увидели, что точно просмотрели самое главное, самое важное, что было нужно в жизни, просмотрели науку жизни, которой не обучались ни дома, ни в школе... Все, чему их учили и что почиталось важным и нужным, сводилось к умению извлекать из жизни земные блага и умению пользоваться ими, и пока эти блага удовлетворяли их, пока интересовали и забавляли, до тех пор они не сталкивались с теми “проклятыми” вопросами, какие были ужасны, какие не только обесценивали все блага мира и желание ими пользоваться, но убивали и самую идею их жизни, ее смысл и содержание и делали их глубоко несчастными людьми... Оглядываясь на прожитую жизнь, они убеждались в

том, что даже самые высокие идейные цели, к которым они стремились в полной уверенности, что делали нужное и доброе дело, вся их самоотверженная работа, проникнутая заботами о “народном благе”, не достигала и не могла достигнуть той единственной разумной цели, какая заключалась в уменьшении суммы зла и в увеличении суммы добра в жизни, т.е. в борьбе с грехом в себе и вокруг себя.

Их мучили не только перекрестные вопросы и то, что они не умели их разрешать, но мучили и угрызения совести, сознание своей греховности и виновности пред Богом, и последние страдания были горше первых.

Подобно детской душе, и их души также искали духовных наставников и руководителей и, или не находили их, или находили тех, которые много знали, обладали великим духовным опытом, были святы, но не умели передать им свои знания, говорили с ними на непонятном языке и не могли ни утолить их духовной жажды, ни избавить от мучительных страданий духа...

Тогда они бросались в другие двери, хватаясь за науку, обращались к откровениям Священного Писания, доискивались ответов на запросы встревоженной совести и... нигде не находили этих ответов.

В первом томе своих “Воспоминаний”, описывая религиозную атмосферу С-Петербурга (гл. 57, стр. 247), я указывал на многочисленные “салоны” знати, являвшиеся средоточием религиозной мысли высшего столичного общества. Я и сейчас не могу без боли вспомнить о тех впечатлениях, какие я выносил оттуда, глядя на ту великую духовную жажду, какая влекла в эти салоны лучших людей и какая оставалась неудовлетворенной всеми этими беседами и рефератами на религиозные темы.

Выступал с этими беседами и покойный митрополит С-Петербургский Владимир и пребывающие в столице епископы, читали свои рефераты и миряне, посещали означенные салоны все, кто хотел, начиная от членов Государственного Совета и сенаторов и кончая гимназистами и семинаристами, не говоря уже о светских дамах, для которых эти беседы являлись чуть ли не единственной духовной пищей, какой они питались.

После бесед происходил обмен мнениями... Я видел, как почтенные генералы, с громкими именами, сановники и вельможи, завершившие уже свой путь, робко подходили к лектору и задавали ему ряд таких вопросов, какие свидетельствовали как об их великой душевной драме, так и о той великой вере, какая была, казалось, способна на героические подвиги и жертвы, но с которой они не знали, что делать.

Я видел и таких, которые даже не решались делиться своими недоуменными вопросами и сомнениями из опасения, чтобы их вопросы не показались слишком элементарными и не обнажили бы их полного неведения в области религии. И эти люди страдали еще больше... Они были постоянными посетителями этих салонов, с особенным вниманием

вслушивались в слова лектора, отмечали его слова в своей записной книжке, в надежде осмыслить их и найти в них ответы на мучившие их вопросы.

И глядя на эту подлинную аристократию, какую так строго судили, обвиняя в безверии и лицемерии, в черствости и эгоизме, в гордости и надменности и какая в действительности была виновата только в том, что не знала, что делать с избытком своей веры и как утолить свою жажду добра, я поражаюсь темами духовных бесед и рефератов, подносимых вниманию этих столь ревностных и добросовестных искателей Бога.

Эти темы отражали совершеннейшее незнакомство лекторов с психологией их слушателей. Митрополит Владимир читал ряд лекций о пьянстве и его губительных последствиях для души и тела. Архиепископ Евдоким, обнаруживая недопустимое для монаха непонимание иноческой идеи и не учитывая обстановки, развивал ряд рискованных и в корне неверных соображений о роли монастырей и высказывал пожелание реорганизовать их на почве более активного служения ближнему и теснее связать с миром. Шумевший в то время архимандрит Михаил Семенов (впоследствии старообрядческий епископ) углублялся в первоисточники Божественного Откровения и распинал веру. Лекторы-миряне шли еще дальше и останавливались преимущественно на проблемах христианского социализма или на религиозно-философских темах, играя, точно мячиками, словами “Логос”, “София”, “Эрос”, говорили о Богочеловечестве и человекобожестве, о самоотверженности и кафоличности, единосущии и подобосущии, о соборном единстве и соборной множественности, о самости и всеединстве, теофании, теократии, антропократии, временности и сверхвременности, о трансцендентном отношении Бога к человеку и, само собою разумеется, о “я” и “Я”, цитировали ученых, о существовании которых никто не знал, — словом, говорили обо всем, о чем нужно было творить для того, чтобы увеличить томление духа и что заставляло нередко присутствовавших на этих лекциях простецов монахов Александро-Невской Лавры, сопровождавших Владык, глубоко вздыхать и со словами: “Прости Господи, вот искушение”, осенять себя крестным знаменем и отмахиваться от красноречия лекторов, как от нечистой силы...

Ученые лекторы не понимали том, что их слушатели — это те же простецы, с великой верой и великой жаждой добра, только пышно и нарядно одетые, что им нужна не философия, а самое простое дело любви к ближнему, что они хорошо знают о подавляющем их совести горе и страданиях ближних и мучатся сознанием неумения придти им на помощь, что им нужно дать маленькое, но конкретное, определенное дело, т.е. именно то, что давал своим прихожанам прелат Буткевич, о котором я говорил в 53-й главе, и что могло бы утолить страдания их духа и дать нравственное удовлетворение.

И сколько раз я порывался взойти на кафедру и громко крикнуть о том, что открыло бы глаза и лекторам и слушателям, но всякий раз меня удерживало сознание, что не подобает мирянам выступать с проповедями, да еще в присутствии иерархов Церкви, нескромно выступать в роли учителя христианской жизни, стыдно говорить об азбучных истинах, каким бы великим откровением они ни казались этой блестящей аудитории искателей Бога.

Я видел пред собою людей с тонко развитыми нравственными понятиями, с возвышенными стремлениями и горячими порывами, людей, ищущих выхода этим высоким движениям души и не знавшим, где найти его. Я знал, что их не нужно было учить вере, ибо они ее имели, не нужно было разогревать сердце, ибо оно уже пылало любовью к ближнему, не нужно было кричать об окружающем зле, что они знали об этом, тем меньше были нужны абстрактные рассуждения на религиозно-философские темы, а нужно было только показать им картины действительности, показать то, что они знали и слышали, но чем они не видели, еще лучше повести их туда, где царствовали порок и преступления и побеждала злоба, где несчастные жертвы этой стихии, точно отгороженные высокой стеной от всею прочем мира, тщетно зывали о помощи и куда никто не заглядывал, куда не проникали ни свет, ни жалость и сострадание, а царил вечная тьма...

Кругом было столько видимого горя и еще больше горя невысказанного, живущего в недрах чуткой души, боявшейся выносить его наружу, а наряду с этим столько душ, жаждавших подвига и способных на самопожертвование, а между тем обе стороны одинаково страдали, не находили друг друга, и действительность стояла на одном месте и не двигалась в сторону правды и добра.

И предо мною воскресали картины той ужасной действительности, какие я сам видел и какие показывала мне моя бабушка, дивная старика 92-х лет, у которой я жил одно время в Петербурге, мой друг и мудрый учитель жизни.

“Сегодня Рождественский сочельник, день Вашего Ангела и рождения, — сказала мне однажды бабушка, обращавшаяся, по старинному обычаю, на “вы” и к своим внукам, — чем же Вы намерены ознаменовать Ваш день?!”

И, не дожидаясь моего ответа, бабушка продолжала: “Теперь принято устраивать обеды, пить шампанское, подносить подарки, а в старину было не так. В мое время во дни именин или рождения старались творить сугубое добро и отваживались даже на подвиги во имя своего святого... Возьмите “Новое Время”, там на последней странице печатаются в этот день адреса тех несчастных, которым нужно помочь, выберите себе кого-либо, найдите их и помогите им, вот и дело сделаете доброе и сами радость получите...”

Стояли трескучие морозы... Было уже темно, когда я подъехал к Обводному каналу, разыскивая адрес бедной вдовы с пятью малолетними детьми. Переходя из одного двора в другой, спускаясь то с одной грязной лестницы, скользкой, облитой помоями, то с другой, я только и слышал грозные окрики: “Да разве их понаходишь-то, все подвалы битком набиты, ищите по нарам, да и на что они вам понадобились”, — кричали дворники...

И ощупью, с закрытыми глазами, чтобы не наткнуться на гвоздь, стуча впереди себя палкой, я пробирался по темным коридорам подвального этажа огромного дома в поисках бедной вдовы и не находил ее...

“Может быть, Господу и не угодно принять мою лепту,” — тревожился я...

Вдруг откуда-то послышался плач ребенка... Я подошел к дверям. Они были полуоткрыты... Было темно...

- Кто здесь? — спросил я.

- Мы, мы, — раздалось несколько голосов.

- Что же вы делаете здесь, где мама? — спросил я, зажигая спичку.

- Мама пошла за хлебом, — ответили все сразу. Я увидел перед собой крохотных детей, из коих старшему было не более 5-ти лет. Все трое копошились на высоких нарах, рискуя каждый миг свалиться на грязный каменный холодный пол и искалечить себя.

Я не знал, что делать... В расположенных вдоль длинного коридора комнатах, сверху донизу уставленных нарами, никого не было и некого было попросить присмотреть за детьми.

- Когда ушла мама, скоро придет? — спросил я детей.

- Утром, — ответили они, — дайте кусочек хлеба, кушать хочется, — лепетали дети, очевидно голодавшие целый день.

У меня же, кроме денег, ничего не было. Я не догадался взять с собою ничего, что было так нужно взять, чтобы оказать несчастным действительную помощь.

- Сидите смиренно и не двигайтесь, — сказал я им, закутав детей в грязную тряпку, служившую им одеялом, — я сейчас принесу вам покушать, но только сидите смиренно, иначе попадаете на пол.

Обрадованные дети обещали сидеть смиренно, а я бросился к извозчику и приказал ему как можно скорее ехать в ближайшую булочную или паштетную.

- Что вы, что вы, — восторженно извозчик, — сегодня же сочельник, какие там булочные и паштетные, все позакрывто, да туг и булочной не найдешь поблизости, а пришлось бы возвращаться в город.

У меня опустелись руки... Возвращаться домой, на Марсово поле, где я жил, значило потерять около двух часов, давать деньги детям было невозможно, и я решил обойти квартиры жильцов этого огромного дома и попросить их помочь бедным голодным детям.

Но не успел я подойти к первой освещенной квартире, как встретился с входившей во двор оборванной полуобнаженной женщиной с грудным младенцем на руках. За нею, держась за юбку матери, шел мальчик лет четырех, волоча по земле... маленькую елочку.

У меня дрогнуло сердце при виде этой картины и слезы показались на глазах.

От волнения я ничего не мог сказать ей, а только быстро сунул ей в руку деньги, побежал к своему извозчику, провожаемый злобными выкриками дворника: “Ишь какая, выпрашивает у господ деньги, а сама покупает елки, подумай, барыня какая!”

Но то, что вызвало досаду у дворника, то побудило в моей душе совершенно иные ощущения.

Вот она, та награда небесная, о которой предвещала меня моя бабушка, думал я, возвращаясь домой. Да разве можно забыть когда-либо этот факт, который был способен исторгнуть из самой черствой души, из самого окаменелого сердца слезы умиления, утолить самую великую духовную жажду, зарядить душу неисчерпаемым запасом духовной бодрости и энергии и ответить на все недоуменные вопросы встревоженной совести?!

Вот где настоящий подвиг, вот где подлинный отблеск небесного сияния на земле, думал я, и может ли быть что-либо выше и чище этого чувства, которым руководилась голодная мать, отказывая себе в куске хлеба для рождественской елочки детям?!

С тех пор прошло уже 20 лет, а эта картина дрожащей от холода матери, в одной руке державшей грудного младенца, а другой рукою трепетно закрывавшей обнаженную грудь своими лохмотьями, этот растерянный вид несчастной женщины, точно ошеломленной неожиданной встречей со мной, этот четырехлетний мальчик, цеплявшийся за юбку матери и крепко державший в руке семикопеечную елочку, — эта картина и до сих пор сюит перед моими глазами и учит гораздо большему, чем все эти собеседования, лекции и рефераты, казавшиеся мне таким жалким, ненужным и ничтожным, собиравшие в салонах знати скучавшую публику, томившуюся от безделья в то время, когда вокруг было столько дела и дела срочного.

Перед моими глазами стояла вереница экипажей, с замерзающими на козлах кучерами и ливрейными лакеями, ожидавшими у блестящих подъездов, залитых светом электричества, своих господ, и я глубоко жалел... господ. Я знал, как несправедливо осуждают их, как знал и то, что их грех заключается не в том, что они, сытые и довольные, не хотели думать о меньшем брате и помогать ему, а в том, что не знали, как это сделать, что любая из этих светских дам, сводившая, казалось бы, все интересы своей жизни к заботам о своем туалете, не задумалась бы отдать этой меньшей, голодной братии, вместо куска хлеба, все свои

драгоценности, если бы только увидела то, о чем слышала на лекциях и собеседованиях или читала в газетах.

И я вспоминал покойную княжну М.М. Дондукову-Корсакову и Е.Н. Воронову, приводивших в изумление своими подвигами окружавших, Ф.К. Пистолькорса, не разлучавшегося с Евангелием и читавшего его оборванцам в Галерной Гавани, и целый ряд других представителей столичной знати, самоотверженно отдававших себя бескорыстному служению ближним...

О, если бы эта аристократия вместо того, чтобы терзаться над измышлением способов помощи ближним или над разрешениями религиозно-философских проблем, увидела бы эту елочку в 7 копеек, то ринулась бы в эти трущобы нищеты и увидела бы Бога, Которого искала в салонах знати... И эта елочка переставила бы все старые точки зрения, опрокинула бы все прежнее мирозерцание, разрешила бы все донныне неразрешенные проблемы духа и сказала бы, что подлинное Царство Божие находится внутри нас, в сердце нашем, а не там, где его искали и все еще продолжают искать и нигде не находят.

Но кто же мог показать им эту елочку, кто должен был бы повести их к родникам чистой воды и напоить их, утолить их жажду духовную и дать им, вместе с делом Христовым, те небесные ощущения, какие с этим делом связаны...

Я приподнял только уголок душевной драмы обывателя. Но разве только эти житейские вопросы, хотя и высшего порядка, терзали его душу?! Разве эти люди спрашивали только о том, почему так много зла в жизни и как бороться с ним, как и где найти выход своим стремлениям к добру?! Нет, они спрашивали и о том, откуда взялось это зло, где спрятаны его причины, почему мир ведет борьбу со злом в области его последствий, а не в области его причин, почему не вырывает его корней, а в лучшем случае только отбивается от него?

Ответы на эти вопросы были, но их никто не давал.

И как у детей, так и у взрослых не было посредников между небом и землей, как те, так и другие ощупью добивались до Бога, падали и некому было поднять их... И это в России, в лоне Православной Церкви — средоточии величайшего в мире духовного богатства, крупицами которого пользовались лишь единицы.

ГЛАВА 56

Пастыри и паства

Мы видели уже из предыдущего, что иерархи были склонны объяснять всякого рода нестроения в церковной жизни то внешними причинами, разумея под ними синодальную систему, то внутренними, связывая их со свойствами самой паствы, оторванной от Церкви, безверной и

безрелигиозной. Но это неверно. Формы всегда неодоушевлены, жизненно только содержание. И никакая форма не способна убить духа, если он есть. И те, кто имел его, те не только являли его, но и одухотворяли других.

Синодальная система, как я уже неоднократно указывал, явила целый сонм подвижников, причтенных к лику святых Православной Церкви, целый ряд выдающихся церковных деятелей, из коих ни один не жаловался на тот гнет и оковы рабства, о которых стали говорить в России лишь с момента общего революционного брожения, заразившего и некоторых иерархов, вторивших общим крикам о “свободе”.

Нет, нестроения в церковной ограде нужно искать совершенно в другом месте, и я частично уже отметил их, когда говорил о взаимоотношениях между официальной и неофициальной церковью, между епископами и монахами, между образованным классом и духовенством.

Авторитет духовенства в России действительно был невысок, но вызывалось это явление не безверием и безрелигиозностью русского народа, а как раз наоборот, его повышенными религиозными требованиями, не находившими удовлетворения со стороны русского духовенства в массе.

“Богоискательство” — чисто русское явление, рожденное именно на этой почве религиозной неудовлетворенности и одиночества духовного.

Авторитет духовенства и не мог быть высоким при той кастовой организации, какая если не исключала, то во всяком случае сильно затрудняла доступ в его среду представителей других сословий. Причины этого последнего явления сложны, и я не буду их касаться, однако тот факт, что состав русского духовенства был ограничен рамками кастовой к нему принадлежности, а между “духовными” и светскими учебными заведениями стояла непроходимая стена, чрезвычайно резко отражался на его общем уровне. Можно сказать больше того. За последние 25-30 лет перед революцией служение Церкви в России сделалось как бы привилегией для детей церковных причетчиков, зажиточных крестьян и мещан, потому что даже дети бедного духовенства, в особенности городского, получали обыкновенно образование в светских учебных заведениях и не шли по стопам отцов, а устраивали свою будущность на разных поприщах государственной и общественной деятельности.

В связи с этим и епископат пополнялся преимущественно представителями мало тронутой культурой русского простонародья. Такие иерархи, не соприкасавшиеся вовсе с интеллигенцией и не знавшие ее вплоть до епископской хиротонии, открывавшей им доступ в чуждую для них среду, относились к последней не только отрицательно, но часто даже враждебно. Воспитанные на началах оппозиции “дворянству”, как к таковому, в специфической обстановке домашнего очага, а затем в условиях семинарского быта, русские иерархи в большинстве случаев не только не умели приблизить к себе паству, но и не желали этого и не

собирались входить в более тесное общение со средой, чуждой им и по рождению и по воспитанию.

Из смиренных и простых крестьянских и псаломщицких детей, зачастую с добрыми навыками и наклонностями, они чрезвычайно быстро превращались в гордых и надменных Владык, воспринимали почести и славу, пресыщались честолюбием и ограничивали свою задачу служения народу лишь совершением торжественных богослужений или подписыванием консисторских бумаг. Но духовная жизнь паствы, общие церковно-государственные задачи протекали не только вне поля их зрения, но и вне поля их разумения. Это были . духовные сановники, неудачно копирующие губернаторов и генерал-губернаторов, бравшие от своей паствы все и взамен ничего ей не дававшие.

При таких условиях верующие люди по необходимости должны были искать удовлетворения своих духовных запросов в других местах, и неудивительно, если наталкивались на тех, кто эксплуатировал их веру.

О темноте русского народа и его религиозном невежестве, о гордости и надменности русской интеллигенции и особенно ее аристократии писалось и говорилось так много, что потребовались бы томы для того, чтобы опровергнуть ту ложь, которая скрывалась за этими писаниями и разговорами. И однако в области своей религиозной жизни ни один народ в мире не проявлял столько смирения, столько пламенной веры, столько уважения к достойным представителям духовенства, как русский народ.

Значительно выше был общий духовный уровень низшего духовенства и особенно подвижников монастырских и сельских священников, между которыми встречались выдающиеся представители, фактические держатели веры русского народа и его подлинные воспитатели. Эти последние, разумеется, не только никогда не жаловались на какие-то “системы” церковного управления, но даже не замечали своего архиерея или игумена монастыря, ибо их начальниками были не Синод и епископ, не обер-прокурор или секретарь консистории, а их вера, страх Божий, сознание нравственного долга.

При отсутствии регламентации церковной жизни в России и неорганизованности приходской жизни, эти подвижники были единственными, к коим тянулись русские люди, начиная от Царя и кончая простолудином. Официальная же Церковь стояла в стороне, и духовная жизнь русского народа протекала помимо ее, чего бы никогда не случилось, если бы ее представители были похожи на этих подвижников и являлись бы в глазах народа подлинными пастырями Церкви. И чем больше тянулись иерархи к власти, чем больше погружались в сферу государственных дел, своеобразно ими понимаемых, чем более резкую грань проводили между церковными и государственными делами, тем дальше уходили от своей паствы, тем меньше были ей нужны.

Вот где источник нестроений в области церковной жизни России.

ГЛАВА 57 Епископы и монахи

Мы подошли к вопросу, на котором уже останавливались на предыдущих страницах. Душевная драма епископа, если он монах не по должности, а по призванию и убеждению настолько велика, что у епископа имеется только два выхода: или опуститься в толщу мирской жизни и заглушить грехами свою совесть, перестать думать о данных при пострижении в иночество обетах Богу, или, оставаясь верным этим обетам, сбросить с себя ярмо своих обязанностей “правлящего” архиерея и уйти на покой.

Наиболее чуткие из епископов после бесплодных попыток найти средний путь и примирить непримиримое так и поступали и слагали с себя свои обязанности, понимая, что никакая церковно-государственная деятельность несоединима с иночеством. Перед ними была дилемма: или, оставаясь в миру, перестать быть монахом, или, оставаясь монахом, не соприкасаться с миром. В большинстве случаев, однако, практика разрешала эту дилемму не только в ущерб, но даже противно иноческой идее, в результате чего в России было много архиереев, но среди них очень мало монахов, тогда как первейшая и главнейшая задача русского православного епископа заключалась именно в поддержании и укреплении иноческого духа, этой главной основы и опоры Православия.

Отсюда получилось два роковых последствия.

Первое из них выразилось в оскудении монашества и гибели монастырей, утративших свое первоначальное значение, второе — в фактическом отделении Церкви от государства, хотя и связанной с последним юридическими связями, однако фактически не выполнявшей своей задачи.

Обратимся сначала к первому.

Естественно, что контролировать деятельность монастырей, следить за иноческой жизнью и содействовать ее процветанию может только монах, опытно прошедший школу иночества, знакомый с приемами, задачами и целями внутреннего духовного делания, и потому совершенно правильно, что монастыри были отданы ведению епископа, как лица не только прошедшего все ступени иноческого подвига, но и вознесенного на самую высшую ступень последнего. Теоретически мысль была построена правильно и возражений не вызывала.

Но что же получилось в действительности и во что превратились наши современные монастыри?

Являясь по мысли и духу иноческих уставов духовными лечебницами для больных, зараженных грехами людей, той школой бесстрастия, где научаются замечать свои греховные навыки, бороться с ними, искоренять

их и возноситься душою к Богу, теми единственными оазисами в пустыне мира, которые призваны беречь правду Христову от мирской заразы и приобщать к ней ищущих ее, — монастыри стали постепенно превращаться в общежития людей, связанных между собой только общими грехами, где бушевали все свойственные человеку страсти, на общем фоне которых особенно резко выделялось безмерное, не знающее никаких пределов, ничем неутоляемое честолюбие — эта главная ось, вокруг которой вращались все прочие страсти.

И это понятно!

Начиная от иерархов и кончая послушниками, иноческая братия выходила обычно из той среды, которая воспиталась на ненависти к высшему сословию, но в то же время стремилась сравняться с ним. Здесь сказывались столько же зависть к преимуществам, сколько и совершенно неверное представление об интеллигенции, являвшейся, по мнению непринадлежащих к ней, обладательницей всех доступных человеку земных благ. Ведь одна только Россия являла собою примеры, когда родовитая знать, движимая высокими идейными побуждениями, шла в толщу народную, надевала свитки и лапти и превращалась в мужиков, а мужики, движимые непомерным честолюбием наряжались в пиджаки и рясы, уподобляясь “господам”. Побудительным мотивом к иночеству для весьма многих являлось даже не это, столь характерное желание отмахнуться от упорного физического труда, сколько это неукротимое честолюбие, стремление сравняться с настоящими “господами”. А уклад монастырского быта, с его системой “наград” и “повышений по службе”, как нельзя более культивировал эту страсть, открывая полуграмотным и невежественным монахам перспективу достижения даже епископском сана. Отсюда соревнование и зависть, отсюда самая обыденная проза жизни, столкновение самых грубых, разнородных, взаимно пересекающих друг друга интересов, постепенно вытеснявших главную идею монастыря — спасение души, смысл и основу иноческой жизни.

Что представляла собой братия любого монастыря, а особенно многолюдных Лавр? Это было сборище людей, чуждых культуре, живущих интересами желудка, зачастую эксплуатировавших веру простого народа, развращенных ленью и туеядством, сгоравших от честолюбия и страстно добывавшихся всякого рода “отличий” и “повышений по службе”.

Окруженные исключительно благоприятными внешними условиями жизни, вдали от шума и житейской суеты, свободные от необходимости добывать себе средства к жизни упорным физическим трудом, имея выработанные великими подвижниками святые уставы, а часто даже великих учителей жизни, опытно усвоивших эти уставы, насельники монастырей в своем большинстве не были способны воспользоваться ни одним из этих условий и отличались от своих собратьев крестьян только тем, что вместо шапок носили клобуки, вместо свиток — рясы;

освободившись от прежней приниженности и смирения, они стали надменными и гордыми; вместо того, чтобы приблизиться к Богу, — ушли от Него на такое расстояние, откуда уже перестали и видеть и слышать Его.

Каким же образом произошла такая “эволюция” и кто в этом повинен? Почему монастыри, гордость и краса Православия, стали хиреть и утрачивать свой первоначальный облик и значение?

На фоне исторической жизни монастырей можно было бы найти много самых разнообразных причин, разлагавших жизнь обителей, однако наблюдательный историк сведет их к одной и скажет, что погубили монастыри главным образом сами же епископы.

Пока монастыри жили своей обособленной от епархии жизнью и над ними главенствовал не епископ, а игумен, причем должность настоятеля монастыря не являлась переходной ступенью к епископству, а была высшей ступенью иноческого подвига, пока монастыри не участвовали в расходах на содержание епархиального архиерея и его штата и были независимы от него, до тех пор они и вращались в сфере, отведенной им их уставом и, работая на себя, не имея подчас и нужды возрастать материально, росли духовно, и за оградой монастыря жила только одна идея — спасение души и нравственное совершенствование.

С того же момента, когда монастыри стали рассматриваться как учреждения, подведомственные епархиальному архиерею, обязанные перед ним отчетностью и контролем, когда должность настоятеля монастыря стала переходной для соискания епископского сана и на эту должность стали назначаться не умудренные духовным опытом старцы-учителя иноческой жизни, каковыми и были прежние игумены, а юноши-карьеристы, окончившие курс Духовной академии и мечтавшие об архиерейской кафедре; когда монастыри были приобщены к расходам на содержание епископа, что погрузило их в заботы об изыскании таких средств, когда, наконец, стали резиденциями епископов, втащивших за их ограду тяжелый груз епархиальной жизни, заразивший своим мирским ядом самый воздух обители, — тогда и началось разложение монастырей.

И такое разложение сделалось бы неминуемым даже при условии, если бы сами епископы были подвижниками-монахами, ибо приобщение монастырей к материальному участию в расходах на содержание архиерея само по себе заключало в себе элементы такого разложения, так как превращало монастыри в данников архиерея, налагало на них преимущественные заботы об изыскании потребных для этой цели средств и отвлекало их от прямых задач.

Когда же большинство епископов были монахами только по должности, а не по призванию, и не только не имели никакого понятия об иноческой жизни, но даже не видели этой жизни, не бывали ни в Оптиной, ни в Глинской, ни в Саровской и др. пустынях, ни на Валааме или в Соловках и не чувствовали потребности в общении с подвижниками этих

обителей, светившими даже миру, считая монастыри вообще бесполезными учреждениями, тогда между епископом и монастырем образовалась с течением времени уже такая непроходимая бездна, такая пропасть, что они и не видя, и не слыша, и не понимая друг друга, только враждовали между собой.

Как ни низко пали монастыри нашего времени, как ни удалились от своих первоначальных целей и заданий, однако они имели писанные уставы величайших подвижников и мудрецов, и тот, кто пользовался этими уставами и добросовестно выполнял программу жизни инока, оставаясь верным обетам пострижения, тот достигал и горних высот, доходил до такого совершенства, какое делало его поистине святым даже при жизни.

Иным был путь молодого постриженника, двигавшегося по направлению к епископской кафедре. Обыкновенно начальным этапом такого пути была семинария, куда молодой постриженник назначался инспектором или ректором, а конечным этапом — великосветские гостиные и салоны знати, где он появлялся уже по достижении сана архимандрита, находясь, так сказать, уже в преддверии епископского сана.

Но этот путь даже не соприкасался с оградой монастыря, и епископы, вооруженные, в лучшем случае, лишь теоретическими познаниями, приобретенными в Духовной академии, оказывались мало подготовленными к сложному делу управления епархиями, а в сфере иноческой жизни так и совсем не разбирались, ибо не имели ни малейшего духовного опыта.

Вот где нужно искать причины тех взаимоотношений, какие существовали между епископами и подлинными монахами, между епископами и монастырями. Между ними шла страшная борьба и, хотя побеждали епископы, но правыми были монахи. Не только подвижники-монахи, но мало-мальски духовно просвещенные миряне понимали, что как иночество является (теперь нужно сказать должно являться) основой Православия, так основой иночества является старчество, а между тем старчество почти повсеместно изгнано самими же архиереями и теперь существует в некоторых монастырях лишь как редкое явление. Не имея понятия о природе этом дивного института, сохранившегося только в одной России, близорукие епископы видели в старчестве явление, подрывавшее не только нравственный, но и юридический авторитет епископа.

Кто не знает, например, той упорной и жестокой борьбы, какую вели Калужские архиереи с Оптинскими старцами и, в частности, со знаменитым старцем Амвросием?!

“Это не старцы, а анархисты, — сказал мне однажды один из Калужских Владык, — они отбирают от епископа его паству... Там, где заведется такой старец, там народ толпами ходит к нему, днем и ночью простаивает перед его келией, слепо повинуется ему, и, конечно, не только епископ, но и всякая власть становятся народу ненужными, ибо старец для

него — все. Он для народа и епископ, и врач, и судья, и ходатай по делам... Я бы разогнал всех этих старцев, чтобы они перестали морочить головы простому люду, и послал бы их копать огороды”, — говорил Владыка, все более раздражаясь.

Эти слова, кстати сказать, относились к одному из выдающихся старцев Оптиной пустыни, недавно скончавшемуся иеросхимонаху Анатолию, одна из бесед с которым была приведена мной в первом томе моих “Воспоминаний”.

Я не был удивлен таким отзывом о старцах Калужском епископа. Я увидел в этих словах лишь новое свидетельство том, что большинство епископов имеет слабое представление об иноческой жизни, до пострижения не проходило требуемого уставами искусства, а после пострижения не выдержало определенного монашеского стажа в стенах монастыря и совершенно незнакомо с иноческими уставами.

Нисколько не удивительны и отзывы Калужского епископа о старцах и отношении большинства архиереев к “старчеству”. Здесь нашло свое отражение и общее незнакомство с природой и сущностью монашества, и непонимание психологии народной веры и государственного значения деятельности старцев, которые были и навсегда останутся единственными учителями жизни, единственными светочами веры, и к которым до окончания веков будет тянуться Святая Русь.

К иноческой идее нельзя подходить с общегосударственными мерками, ибо эта идея — внегосударственная, точнее — надгосударственная.

С точки зрения архиерея, как церковно-государственного деятеля и начальника епархии, всякий подвижник, не имеющий нужды в земной власти, может казаться анархистом, не в обычном, конечно, смысле этого слова, с коим связано непризнание или отрицание власти, а потому что подвижник свободно обходился без нее; власть попросту не нужна ему в том деле возношения души к Богу и нравственного усовершенствования, какое составляет его единственную задачу на земле.

Но с другой стороны, с точки зрения подвижника, монах, давший обеты Богу при пострижении, и не может иметь никаких других задач и целей на земле, и монах-епископ, управляя епархией и живя в миру, — нарушает данные им Богу обеты.

Разногласим между монахами по призванию и монахами по должности неизбежны и неустранимы, но правда на стороне первых, ибо идея монашества неделима, и к этому выводу приходили и те из наиболее чутких сердцем епископов, которые покидали свои епархии и уходили на покой или даже в затвор, признавая невозможным при иных условиях выполнить обеты, данные при пострижении Богу.

Возможно, что иерархи, прочитав настоящую главу, осудят меня и припишут мне мысли, каких я не имею, однако же я повторяю лишь то, что

всегда искренне исповедывал, говоря, что Россия должна всемерно беречь иноческую идею, ибо эта идея является ее главной опорой.

Я искренне сочувствовал проектам церковных реформ 1916 года и в выработке некоторых из них принимал даже личное участие, однако я сознавал и сознаю, что все они в большей или в меньшей степени являлись только паллиативами, что для возрождения церковной жизни России необходимо прежде всего оберегать иноческую идею от мирской заразы, ибо глубоко верю, что обещанное Спасителем Царство Божие на земле наступит только тогда, когда весь мир превратится в монастырь, когда религиозное сознание пробьется в самую толщу жизни, когда государственные цели и задачи сольются с церковными и идея спасения станет государственной идеей.

ГЛАВА 58

Православие и Католицизм

Заканчивая обзор церковных вопросов, я не могу, в заключение, не коснуться параллели между Православием и Католицизмом в сфере их практической деятельности в России. Такая параллель может оказаться полезной при оценке той лжи, какая витала вокруг обвинений государства в насилиях и гнете, чинимых нщ Православной Церковью, и вокруг жалоб на синодальную систему как источник всех бед и несчастий, обрушивавшихся на Церковь и державших ее в оковах.

Нужно было бы исписать много страниц для того, чтобы только перечислить функции этого католического церковного аппарата, вливающим струи католицизма во все поры государственной, общественной и личной жизни и регламентирующего жизнь католическом населения с помощью приемов, недоступных даже государству.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что, с точки зрения своих земных устоев и совершенства церковного аппарата и технических орудий управления церковью, Католическая Церковь имеет все преимущества перед Православной... Однако только незнакомство с плодами католицизма может связывать с папством процветание Церкви.

Источники земного могущества Католической Церкви восходят ко времени разрыва между Квириналом и Ватиканом. Лишившись опоры со стороны государства, не понимая, что без них немислимо земное существование Церкви, Ватикан поневоле был вынужден изыскивать свои собственные опоры. А земные опоры не только везде одинаковы, но и создаются одинаковыми способами и приемами. С этим момента начался рост внешнего могущества Католической Церкви, но одновременно и упадок ее как Божественного установления. Медленно и постепенно Католическая Церковь стала превращаться в государство, сумевшее подчинить католиков своей воле, дисциплинировать их на началах

абсолютного повиновения, связать их церковно-политическими задачами, преследующими земные цели, но не сумевшее ни поддержать, ни развить у населения религиозной настроенности и убившее у него мистические начала веры, являющиеся сердцевинной веры и столь дорогие в Православии. Даже лучшие из представителей духовенства являлись только выдающимися церковными деятелями, очень ценными церковными чиновниками, но не пастырями душ в православном понимании. Они умело выполняли свою миссию христианизации жизни, но выполняли ее государственными, а не церковными способами, звали к практическому деланию, осуществляли, подобно прелату Буткевичу, о котором я упоминал в предыдущих главах, те задачи, какие у нас выполнялись разного рода благотворительными обществами и учреждениями, развивали вкус к добру, но... оценивали своих пасомых с точки зрения их служения общецерковным целям, а не с точки зрения высоты их нравственного уровня и степени религиозной настроенности.

Обладея огромными средствами и совершенным техническим аппаратом, Ватикан имел во всем мире бесчисленную армию церковных чиновников в рясах, но весьма мало подлинных пастырей церкви. Все эти чиновники, начиная от высших, облеченных высоким званием кардиналов, и кончая ксендзами, были вполне законченно образованными людьми высокой культуры, но все они сводили свою задачу к укреплению позиций Ватикана, к распространению Католицизма в мире, но не простирали ее за пределы загробной жизни, не связывали ее с идеей спасения души.

Несмотря на крайне своеобразные отношения, существовавшие между Ватиканом и Квириналом, несмотря на “юридическое” отделение Церкви от государства в Италии, ни одна страна в мире не являет более яркого примера служения интересам государства, как Италия. И это объясняется не только тем, что Ватикан считает своей паствой весь мир, но и тем, что отдает себе отчет в значении земных устоев Церкви и старается их всячески поддерживать, зная, что без них рушится и Церковь. И эти земные устои Ватикана действительно прочны. Развалить их было бы способно только большевичество. Однако свою земную устойчивость, совершенство своего технического аппарата Ватикан купил дорогой ценой, перестав быть Церковью.

Сияющая блеском своего внешнем могущества, обладающая колоссальными средствами, окружающая своих представителей сказочной помпой, распространившая свою деятельность по всему миру, Католическая Церковь стала бесплодной, перестав быть Церковью, превратилась в мировое учреждение, преследующее высокие благотворительные и просветительные цели, поддерживающее интересы государства и населения, но утратила даже понимание своих непосредственных задач духовном окормления многочисленной, разбросанной по всему миру паствы.

Все это очень нужно. Слабое участие в культурно-просветительской работе государства было недостатком Православной Церкви в России. Однако же видеть в означенной работе задачу Церкви — нельзя. Ее задача — спасение душ пасомых; но переобремененная грузом мирских дел, озабоченная своей внешней устойчивостью, Католическая Церковь не имела даже времени и возможности отдаваться своей непосредственной задаче.

Вот те перспективы, какие стоят и перед Православной Церковью в России на пути к обособлению Церкви от государства.

Бесспорно, что всякого рода земные организации, живущие в пределах государства, тем жизненнее; чем прочнее их земные опоры, но опыт Католической Церкви доказывает, что такие опоры должно давать Церкви государство, а отнюдь не сама Церковь, если хочет оставаться Церковью.

ГЛАВА 59

Дурман

Как ни разнообразны узоры истории, как ни извилисты линии жизни, но наблюдательный взор историка не только подметит определенную систему в направлении этих линий, но сумеет, основываясь на прошедшем, сделать выводы и для будущего. То же делает и психолог, наблюдая внутреннюю жизнь людей, так же подчиненную непреложным законам духа и слагающуюся в соответствии с отношением человека к этим законам.

Это не пророческий дар неба, не прозорливость праведника, а свободное произволение смотреть и видеть, и только непривычка всматриваться вглубь окружающих нас явлений рисовала нам картину внешних фактов, будто не связанных друг с другом и разъединенных между собою, тогда как они составляли собою лишь звенья общей длинной цепи...

Начало XIX века в России было ознаменовано одним страшным и поистине ужасным явлением, природа которого не только не была в свое время разгадана, но и до сих пор, спустя 100 лет, остается загадкой для каждого, кто не видит корней этого явления в глубочайших недрах истории.

Имевшее обманчивую внешность, выражавшуюся в неудержимом стремлении к “новшествам” в многообразных областях русской жизни, и даже в сфере религиозной мысли, такое явление, преследуя внешние цели, стремилось, в действительности, к искоренению самого духа христианства, находившего для себя наиболее полное и яркое выражение в древнем русском быте, верном историческим заветам Православия и Самодержавия,

Праотеческая вера, предковский уклад жизни, все “старое”, на чем держались главнейшие устои русской церковности, государственности и народного быта, чем жили, мыслили и чему поклонялись предыдущие поколения, все это под влиянием массового гипноза, навеянного

жидовством, стало ниспровергаться, опрокидываться, уничтожаться и заменяться новым знанием, новыми достижениями и откровениями, изобличающими сатанинскую ложь вдохновителей, слепоту и ничтожество тех, кто им верил и следовал.

Корни этого движения были запятаны так глубоко, что их не замечали ни идейная молодежь, им охваченная, ни литература и пресса, руководившая этим движением, ни те неумные, так называемые “передовые” люди, какие создавали “прогрессивную” общественность и какие до сих пор еще рассматривают историю человечества как смену отживающих “старых” понятий — или добровольно уступающих свое место “новым”, или насильственно вытесняемых революциями, этими якобы неизбежными историческими факторами, знаменующими собой лишь “изменение символики внутренней жизни народов” (Н. Бердяев. Журн. “Путь”, № 1, стр. 43).

Здесь величайшее заблуждение, ибо с момента возвещения человечеству идеи Вселенского Бога, т.е. с момента явления Христа Спасителя на землю, Истина уже сказала людям Свое последнее слово, выразительницей этой Истины явилась Церковь, идеалы которой вечны, неизменны и независимы ни от духа времени, ни от его требований, так что историю человечества никак нельзя рассматривать как смену “старого” чем-то “новым”, ибо ничего “нового” в сфере возвещенных Богом идеалов и способов их достижения не может быть, а нужно рассматривать лишь как смену исторических процессов, то приближавших человечество к возвещенной уже Истине, то удалявших его от Нее, то сокращавших расстояние людей от Бога, то увеличивавших его.

Рассматривая историю под этим углом зрения, мы заметим и те причины, какие вызвали означенные процессы, и нам станет до очевидности ясным, что с момента низведения Божественной Истины на землю вся история человечества свелась, в сущности, к истории борьбы двух мировых процессов — процесса христианизации мира и процесса его сатанизации, или ожидания.

Пересмотр, а возможно и составление заново истории человечества под указанным углом зрения, обнаруживание подлинной роли еврейства в истории мира, указание на процесс его ожидания, как на тот фактор, который не только являлся постоянным спутником исторической жизни народов, но и составлял ее главнейшее содержание, подчиняя ее своим директивам, господствуя над нею, направляя ее в заранее намеченное русло и порабощая ум и волю человека, — все это задачи уже недалекого будущего, над разрешением которых трудятся русские и иностранные ученые, разоблачающие еврейскую ложь везде, куда она вкралась, и справедливо относящие корни этого ужасного процесса сатанизации мира к моментам зарождения той борьбы, которая выразилась в бунте сатаны против Бога, началась на небе и продолжается до наших дней на земле с целью

разрушения дела Христова и уничтожения его плодов — христианской веры, цивилизации и культуры.

В дальнейшем я имею в виду развернуть несколько страниц истории и показать, в каком месте запятаны корни того процесса, который в своем результате дал ужасы революции, частично отмеченные мною в предыдущих главах моей книги, сейчас же достаточно сказать, что именно это стремление к “новшествам”, шедшее параллельно с разрушением “старого”, диктовалось не действительными требованиями времени, отражавшими “изменение символики внутренней жизни народов”, а было одним из способов, который практиковался жидами на протяжении веков в целях сатанизации мира и который и погубил Россию.

И это видно из того, что все, тяготевшее в сторону ожидания мира, — все те приманки, на которые столь жадно набрасывались так называемые “идейные” люди, порвавшие связь с Богом, — признавалось “новым”, знаменовало “весну”, окрашивалось радужными цветами, выражало жизнь, прогресс, культуру; и, наоборот: все, оберегавшее заветы прошлого, исходившие из родников предковской православной веры, этих священных недр подлинной культуры духа, — признавалось реакцией, застоєм, отсталостью.

Этот дурман продолжается и до сих пор и будет продолжаться, пока не установится общий взгляд на революцию, как на одно из звеньев единой цепи исторических событий, искусственно вызываемых с целью ожидания или сатанизации мира, а не как исторический фактор, отражающий изменение “символики внутренней жизни народов” в понимании Н. Бердяева. Да, мо символика, но символика колоссального невежества и духовной слепоты народа, а не его борьбы со старыми, отживающими понятиями, добровольно не уступающими своего места новым понятиям и потому насильственно вытесняемыми через революцию.

То, что названо словом “большевичество” и еще долго будет скрываться под этим именем, составляет обычный прием, коим жидовство пользовалось на протяжении веков в целях завоевания мира, и непостижимо, что это нужно объяснять даже теперь, когда жида уже стоят у порога своей цели и почти овладели миром.

В № 9 “Русской Трибуны” от 15 июля 1923 г. помещена замечательная статья + под заглавием “Уроки прошлым”, которую нужно отметить как свидетельство того, что эти уроки ничему не научили русских людей, даже доньше не распознавших природы “большевительства”.

Эти же мысли, в применении к конкретным действиям жидов, выражены в не менее яркой статье В.В., напечатанной в № 1421 газеты “Новое время” от 24 января 1926 г. и присланной редакции из Москвы. Автор справедливо отмечает, что русское беженство не только не разгадало корней революции, но даже не разбирается в ее внешних проявлениях.

В.В. пишет: “Когда читаешь статьи в эмигрантской печати (до сих пор такие доходят), касающиеся еврейского вопроса в общем и вопроса о колонизации евреями юга России в частности, — не знаешь, чему больше удивляться: неосведомленности ли, или непонятной наивности русских авторов. Более всего смешны и наивны предостережения, которые направлены по адресу евреев. “Советская власть-де не вечна и не пеняйте на нас, если волна народном гнева пробежит нщ вашими головами”.

Кто-то из еврейских публицистов уже ответил на это ясно и определено: “Не запугаете!” Но никто, по-видимому, этих слов не понимает и упорно не хочет понять. Уже кажется чет яснее: и палкой по голове бьют, так что череп трещит, и говорят ясно, а нет — не понимают! Все не укладывается в сознании, что т.н. русская революция не с неба свалилась, что советская власть не так себе что-то случайное, а продуманное проведение в жизнь открытого осуществления неограниченной государственной власти еврейства над жизнью и имуществом русского народа. Первый опыт перехода от скрытых форм власти к открытым формам. И надо отдать им должное — опыт очень удачный. Когда мы говорим о завоеваниях революции — это звучит так глупо и подло. Но когда эти слова произносит еврей, они для него полны глубокого смысла. Да — завоевание! Завоевание как результат длительной и упорной войны, как результат беспощадной борьбы за осуществление власти. Когда русские соц.-революционеры повторяли свой лозунг “в борьбе обрешь ты право свое”, — о каком таком праве они говорили? Когда еврей соц.-революционер говорит эти слова, он вкладывает в них определенный смысл: о праве на власть, о борьбе за эту власть.

Не о моральном праве бороться за житейскую несправедливость, как кажется это русским соц.-рев., а о том самом реальном праве на власть, которое есть не что иное, как физическая сила, перед которой все склоняются, признавая бесполезность и ненужность борьбы с ней (*) и ставят штемпель “de jure”. Так неужели не должно быть ясно каждому здравомыслящему человеку, что отступать назад евреям теперь, когда они заняли в России командные высоты, когда они подчинили себе всю жизнь страны, когда они достигли того, к чему стремились, когда перед ними открываются необозримые горизонты могущества и наслаждения всеми радостями жизни, когда мечты из сказки превратились в действительность, — неужели они могут бросить все это только потому, что мы пугаем их будущим гневом народным?! “Не запугаете!” — кричит нам парижский еврей. И он тысячу раз прав. Он не думает спать, он не останавливается в своей борьбе, он упорно работает над укреплением занятых позиций, он продолжает войну. И мы видим, как шаг за шагом он одерживает одну победу за другой, от “de facto” переходит к “de jure”, причем везде и повсюду еврейство всемерно поддерживает свою советскую власть.

Формы этого содействия весьма различны, колеблясь от форм пассивного неповиновения до форм активной и открытой помощи. Невозможно и глупо требовать от евреев иного отношения к своему кровному делу. Пора бы уже кажется нам понять, что все революции во все времена истории всегда приносили наибольшую выгоду еврею, ибо он всегда был первым и активным работником всех революционных лабораторий. Больше, чем когда-либо, еврей пожал от последней русской революции. Ведь не надо закрывать глаза на то, что евреи численно сильно разбогатели и продолжают богатеть на наших глазах; есть, конечно, и потерпевшие, но их число ничтожно в сравнении с громадным числом разбогатевших и сделавших большие запасы богатств, которых хватит и на детей, и на внуков. Само собой разумеется поэтому, что еврей будет всячески поддерживать советскую власть! Иначе и быть не может.

Не требуйте от еврея том, чем он дать не может. Не требуйте этого даже от еврейской эмиграции: реки назад не текут. Сходите в разные полпредства, советские и полусоветские учреждения — вы обязательно встретите там 90 процентов еврейской эмиграции. Они делают дела! Они спешат использовать момент, спешат нажиться и укрепиться. У каждого из них там, в России, плеяда зятьев, шурьев и всяких родичей, которые стали из маленьких еврейчиков такими, от которых многое зависит. Конечно, они должны соблюдать в делах известную осторожность, но к цели идут вместе, хотя и немного разными дорогами. И если есть между ними пять-шесть белых ворон из стариков, которые утратили бодрость духа и которых можно запугать, то это — единицы. А те, кто помоложе, — их не запугаешь, они исполнены энтузиазма от достигнутых завоеваний и с удовольствием говорят о власти и значении своих сородичей в России. Без боя власти этой не отдадут. Наивно думать, что советская власть осуществляет колонизацию России евреями, имея в виду заполучить на мо дело какие-то американские миллионы. Этих миллионов у советской власти еще достаточно припрятано из наших российских запасов. Не в этом дело — это раз. А затем, разве, давая миллионы долларов на заселение евреями России, не свое ли национальное еврейское дело они делают? Разве не для таких целей собиралось золото, накапливались богатства, разорялись народы и государства? Центр тяжести не в этом. А в том, что верхи еврейства прекрасно понимают, что при переходе от форм невидимого осуществления власти к формам открытого ее осуществления, связанного с государственной территорией, необходимо создать свой класс землевладельцев, то есть класс, неразрывно связанный с судьбой государства и наиболее заинтересованный в сохранении того государственного порядка, который даровал ему землю и защищает результаты его труда, вложенного в землю. Должен создаваться класс еврейского земельного дворянства. Это вполне логично, естественно и в порядке вещей.

Всегда так оно и бывало, стоит хотя бы вспомнить историю колонизации евреями древнего Египта. И остановить и запугать еврейство на этом пути невозможно, ибо это относится всецело к завоеваниям революции. После 1905 года, казалось бы, картина существа “завоевания революции” для каждого русского должна была быть ясной. Но русский мозг был безнадежно поврежден социалистической эквилибристикой и из-за деревьев не видел леса. Пора бы хоть теперь поставить его на свое место.

Но что же делать? Неужели для нас картина полной безнадежности? Евреи нам ясно говорят, что делать. Надо только не извращать смысла их слов. Надо перестать носить свой мозг наизнанку. “Не запугаете!” — кричат нам они. И это правда: их не запугаешь. И не запугиванием надо заниматься, а борьбой. Надо раз и навсегда понять, что мы с ними находимся и состоянии войны и не о братании с ними приходится сегодня думать: братание с врагом всегда было и есть предательство родной земли и родного народа!”

Итак, по совершенно справедливому убеждению В.В. нужна борьба. Но для того, чтобы начать ее, нужна прежде всего общая идейная почва. Имеем ли мы ее, готовы ли русские люди начать такую борьбу?!

На эти вопросы ответит следующая глава.

(*) Обзор этой статьи — польского публициста Антония Холоневского, напечатанная в газете “Rzecz Pospolita” (№ 159, от 13 июня с.г.), — о жидовском государстве — помещен у нас в главе 49-й, стр. 403-407. — Н. Ж.

ГЛАВА 60

Уроки революции

Прошло уже 10 лет с тех пор, как жида, вызвавшие роковой сдвиг влево в сознании русской “передовой” интеллигенции, погубили Россию и столкнули ее в бездну. Срок достаточный для полного отрезвления, для того, чтобы отказаться от самых крайних заблуждений и сделать верные выводы из фактов, каких не допускало никакое воображение и какие однако же стали ужасной действительностью.

Позволительно поэтому спросить, чему же научила революция нашу “передовую” интеллигенцию и здесь, в беженстве, и там — в России?

В среде русского беженства, там, где русские люди еще не сговорились между собой на почве общего понимания природы и психологии революции, там, где вся беженская масса, с Зарубежной Церковью во главе, раскололась на множество самых разнородных партий, взаимно пожирающих друг друга, где нет общих программ спасения России, нет единомыслия, а царит ненависть и злоба, где все беженство является собой картину Вавилонского столпотворения, — там еще нельзя говорить об

отрезвлении. Оно наступит тогда, когда русские люди поймут природу поработившей Россию злой стихии и проникнутся мистическим сознанием необходимости бороться с ней способами, указанными нам Господом нашим Иисусом Христом, стараясь увеличивать сумму добра в жизни и уменьшать сумму зла. Оно наступит тогда, когда, спускаясь с неба на землю, русские люди оценят значение монархического начала как единственном орудия в борьбе с этой злой стихией и перестанут верить тому, чему их учили и продолжают учить слепые люди, говорящие, что “самодержавия никогда не было и никогда не будет. Это утопическая, мечтательная идея, основанная на смешении царства кесаря с Царством Божиим. Восьмого таинства помазания царя на царство догматическое сознание Церкви не знает, оно целиком относится к исторической, а не мистической стороне Церкви... Теократическая утопия есть источник всех социальных утопий” (Н. Бердяев, журн. “Путь”, № 1, стр. 4). Отрезвление наступит тогда, когда русские люди распознают природу интернационала, как того апокалипсического зверя, который вырвался из бездны и которого нужно уничтожить, ибо “победа интернационала, — как справедливо говорит проф. Локоть, — смерть культуре и свободе человечества.

Поскольку есть возможность бороться с интернационалом вооруженной силой, непременно нужно бороться и так. Освобождение России от присосавшегося к ней интернационала, безусловно, требует и широком всестороннего применения вооруженной силы. Защита Китая от того же интернационала, действовавшего из того же центра — из недр советской власти в Москве, была бы точно также безуспешна без применения вооруженной силы.

Но — помимо вооруженной силы — необходима и духовная моральная реакция против интернационала. Т.е. необходима самая отчетливая кристаллизация человеческого сознания, понимания разрушительной сущности интернационала и в связи с этим — кристаллизация активной решимости бороться за все то, против чего направляет свои разрушительные усилия интернационал. Принцип национальной свободы и независимости, воплощенный национальным государством. Принцип национальной религии, воплощенный национальной Церковью. Принцип хозяйственной самостоятельности, воплощенный национальной буржуазией, в которую здравый смысл должен включать все население, обладающее хотя бы малейшей долей национального богатства страны в виде ли заработной платы — безразлично. Принцип морали, выработанный вековой работой всего человечества.

Такое зная человечества в противовес знамени интернационала. Эти принципы общи для всего человечества, хотя оно и поделено на национальные группы. И уничтожить это деление на группы, слиться в какое-то общее сверхчеловеческое оно не может и не должно, если не желает утратить своей главной жизненной, творческой силы —

национальной индивидуальности. Утеравши ее, оно скоро станет стадом, которым будет владеть и править интернационал. Национальные группы человечества должны отчетливо понять и признать, что “интернационал” — по существу — злостная фикция, так как в интернационале безусловно господствующую и руководящую роль играет одна, ярко выраженная национальность — еврейская...” (Новое Время, 10 сентября, 1927 г., № 1907).

К эти прекрасным словам профессора Т. Локотя я могу добавить лишь указание на необходимость противопоставить интернационалу жидовскому Интернационал Христианский, который, не уничтожая национальных перегородок между христианскими народами, объединил бы их в общей борьбе с врагами Христа на почве служения Единому Вселенскому Богу.

В сознании русского беженства ни одна из означенных целей не стоит даже в перспективе.

Значит и говорить не о чем, отрезвления в среде русского беженства нет.

Если оно наступило, то, наверное, только в самой России, где несчастный русский народ не только стоит перед лицом апокалипсического зверя, но и является его жертвой, где мучится, страдает и извивается от боли в когтях этого страшного вампира, злорадного, торжествующего, откровенно циничном, не имеющего и нужды скрывать свое настоящее лицо...

Увы, прозрели только руки и ноги России, прозрел только простолудин, да и то не умом, а сердцем, но ни официальная Церковь, продолжающая ссылаться на слова Апостола Павла о происхождении всякой власти от Бога и логически докатившаяся до повеления повиноваться сатанинской власти, ни мозг страны, каковым себя считали “писатели” и признавала себя “передовая” интеллигенция, еще не прозрели и находятся по-прежнему в состоянии дурмана и гипноза. М этом свидетельствует приведенное нами в 37-й главе “Обращение русских писателей к писателям мира”, ставшее известным всему миру и, вероятно, вызвавшее у всех прочитавших ею одинаковые мысли.

Красочно очерчены невыразимые страдания авторов этого “обращения”, но тем более тяжелое впечатление производит то, что даже эти ужасные муки оказались бессильными открыть им глаза на природу окружающей их действительности и заставить их понять ее причины и психологию.

По поводу этого “обращения” я получил от своего друга А.С. письмо, помеченное 5 августа 1927 г., такого содержания:

“Два или три года тому назад (точно не помню, а не хочется рыться в Ваших письмах, чтобы найти, когда именно это было) Вы настойчиво меня уговаривали написать воззвание к читателям газет в целом мире и в этом воззвании выразить весь ужас большевического владычества над Россией,

чтобы разбудить совесть мыслящих и чувствующих людей разных стран и толкнуть их на борьбу с международной организацией, одинаково опасной для всех государств и народов, Я не чувствовал в себе достаточно вдохновения, чтобы исполнить Ваше желание. Все обращения к совести иностранцев, какие я пробовал набрасывать, казались мне слабыми и бледными выражениями непостижимого ужаса русской действительности.

Одним словом, я не нашел достаточно сильной формы изложения, способной воздействовать на души людей, и отклонил Ваше настояние.

Теперь приблизительно такое воззвание, какого Вы желали, появилось, Оно называется обращением русских писателей, оставшихся в Большевизме, к писателям мира. Вероятно, оно перепечатано в белградском “Новом Времени”, которое Вы обыкновенно читаете. Много в этом обращении хорошо выражено, но есть несколько строк, которые показывают, что писатели, сидящие в большевическом застенке, все-таки не понимают сущности происходящего в России переворота и причин, почему заграничные писатели не вскрывают ужасов большевизма, а упорно молчат. Они выражаются так:

“Вспомните годы перед нашей революцией, когда наши общественные организации местного самоуправления, Государственная Дума и даже отдельные министры звали, просили, умоляли власть свернуть с дороги, ведшей в пропасть. Власть осталась глуха и слепа. Вспомните: кому вы сочувствовали тогда — кучке вокруг Распутина или народу? Кого вы тогда осуждали и кого нравственно поддерживали? Где же вы теперь?”

Разберемся в высказанных здесь мыслях. Авторы обращения считают как будто бы для себе несомненным, что Императорское правительство с Государем во главе вело Россию в пропасть, а революционеры всех мастей указывали путь спасения. Нужно быть круглыми дураками, чтобы думать так теперь, после всего того, что произошло и раскрыто в воспоминаниях участников трагических событий, принадлежавших как к правительственному, так и к революционному лагерю. Как раз наоборот. Революционеры разных оттенков, но двигавшиеся к одной цели, вели и привели Россию к гибели, столкнули ее в пропасть, на дне которой барахтаются под большевической пятой авторы обращения. Императорское правительство честно и благородно, насколько умело и могло, отбивало подкопы и атаки революционеров и стремилось предотвратить гибель России. Кто же виноват, что глупое общество, с писателями во главе, не понимало положения вещей и поддерживало не правительство, а революционеров? Теперь воочию видно и доказано, что Императорское правительство заключало в себе лучшие и благороднейшие умственные силы русского народа, а на стороне революции стояли или сомнительные ничтожества вроде членов Временного Правительства, или форменные негодяи всяких типов от Керенского и Чернова до Ленина и Бронштейна. Но самое главное, что упускают из вида авторы обращения, — это участие

в революции жидов, как капиталами (вспомним Якова Шиффа, Варбургов, Гуггенгейма и пр.), так и лично, в таком количестве, какое дает возможность сказать, что русское государство в настоящее время находится под полным владычеством жидовского народа. Между тем участие жидов в революции дает ключ к объяснению тех недоумений, над которыми мучаются близорукие наши писатели не только в большевической преисподней, но и в Европе.

Иван Бунин пишет: “Семь лет, прожитых мною в Европе, целых семь лет с несказанным изумлением и ужасом восклицаю я внутренно: да где же вы, совесть мира, прозорливцы, что же молчите вы, глядя на то, что творится рядом с вами, в цивилизованной Европе, в христианском мире?!”

Иван Шмелев пишет: “Помнятся случаи и не столь трагичные, как с Россией, — и тогда совесть мира, писатели, — протестовала, возмущалась. Почему же теперь — молчание? Или заснула совесть? Или весь мир — пустыня? И вопль оттуда, и русские голоса оттуда — лишь глас вопиющего в пустыне? Почему не слышат? Почему не чуют? Почему десять лет — молчание?! Необъяснимо. Непонятно”.

Бедные писатели! — они не понимают, в чем дело. Они забывают, что так называемое общественное мнение создается газетами, что 95% европейских газет принадлежат жидам и что, следовательно, от жидов зависит, пропустить или не пропустить на столбцы газет чей бы то ни было голос. Когда обезумевшие русские люди с писателями во главе в ложном представлении, будто бы они борются с “кучкой вокруг Распутина”, на самом деле бессмысленно разрушали свое умно и удобно построенное историческое государство, что было в интересах международного жидовства, — о! тогда не было конца приветствиям и выражениям сочувствия со стороны печати. Писатели изливались в восторгах на столбцах европейских и американских газет, захваливая безумцев до полного их одурения. Жидовские деньги всемогущи, и всякого писателя могут заставить или говорить в интересах жидов, или молчать. Теперь жида достигли своей цели. Россия не только разрушена, но и подпала под их власть. О чем же говорить? И вот настало то явление, о котором пишет Иван Шмелев: “Воистину, страшное явление! Скоро десятилетие угнетения русского народа коммунизмом (по нашему с Вами пониманию: жидами), а не помнится случая, когда бы раздался голос писателей в мире, их возмущенной совести. Молчание, как в пустыне!” Да, молчат писатели, ибо жида не могут допустить, чтобы они заговорили, и столбцы газет закрыты для всякого, кто вздумал бы посочувствовать русскому народу, Цель жидов достигнута. Россия повержена, и жида над нею властвуют якобы по последнему слову социалистического учения. Какой же может быть вопрос о пересмотре этого положения, хотя бы русский народ и страдал безмерно? Пусть себе страдает во имя торжества жидов и социализма.

Я удивляюсь Бунину и Шмелеву, что они, живя в Париже, не делают никаких выводов из того, что там можно наблюдать. Приближается время суда над часовщиком Шмулем Шварцбартом, убившим Петлюру 25 мая 1926 г., и посмотрите, как писатели не только говорят, но кричат о несчастных жидках, подвергшихся погрому со стороны петлюровских банд. Печать поднята на ноги. Bernard Lacasche — зять известной писательницы m-me Severine выпустил целую книгу под возбуждающим заглавием: “Quand Israel meurt”, чтобы перед судом окружить жидов ореолом мученичества, а из Шварцбарта создать -жидовского народного героя, чуть ли не эпическом богатыря, мстителя за народные обиды. Почти с уверенностью можно предсказать, что Шварцбарта оправдают, что жидовские миллиардеры доставят ему богатство и что долго еще будут прославлять его “писатели” наравне с какой-нибудь Юдифью, фигурирующей, к стыду нашему, в православных святцах.

Из этого вы можете заключить, что в наше время на каждом шагу применяются две меры: если задет один жид (например Дрейфус, Бейлис, Шварцбарт), то весь мир приводится в движение, чтобы его защитить, оправдать, прославить, возвеличить; но страдание даже стомиллионного народа всем безразлично, если жидам оно выгодно и они постановили его замолчать. Вот почему меня поражают слова Н.Е. Маркова “Впутывать антисемитизм в нашу веру не только кощунственно, но и практически бесполезно”. Как раз напротив. Когда иудейский народ почти целиком попал в вавилонский плен и, находясь в состоянии полного уничтожения, предавался отчаянию, тогда духовные вожди его, чтобы подтянуть дух народа и пробудить надежды на лучшее будущее, начали внедрять идею, что иудеям нечего унывать, ибо они — избранный народ Яхве, который возвратит им утерянные временно блага самостоятельности, независимости, богатства, славы и величия.

В таком духе переработаны были вывезенные с родины древние сказания, исторические повествования, сборники законов, песни, стихотворения и сведены в ряд книг, из коих пять главнейших, якобы откровения самого Яхве, приписаны полубогатырю Моисею. На идее избранничества иудейский народ помешался, и она изуродовала всю душу этого народа. Христианство до нашего времени не разбиралось в этих вопросах и молчаливо поддерживало самомнение и гордость иудеев, доверяя грандиозному подлогу, учиненному жидовскими книжниками 2500 лет тому назад. С тех пор как в вавилонском плену сформировался тип вечного жидка, все народы, входившие в соприкосновение с жидовским народом, инстинктивно чувствовали необычайную зловредность жидов, но не доискивались ее причин, а в тех случаях, когда эксплуатация со стороны жидов становилась невыносимой, прибегали к погромам. Теперь все убедились, что погромы не достигают цели, не обуздывают жидовской хищности, и погромы отходят в область преданий. Единственно

правильный путь борьбы с жидовством — это разоблачить его идейно, и вот, вопреки Н.Е. Маркову, разоблачение подлога, учиненного жидовскими книжниками 2500 лет тому назад, — практически полезно. Оно снимет с жидов тот ореол избранничества, которым они были, благодаря подлогу, окружены и поставит их на свое место — самых презренных и отвратительных представителей человеческого рода. Практически необходимо, чтобы христианские Церкви признали наличие подлога и стремились к очищению христианства от тех жидовских наслоений, какие веками на нем накопились. От этого христианство не только ничего не потеряет в своей религиозной привлекательности, но, напротив, оживет и расцветет. Жидовская религия, вне связи с христианством, будет поставлена в ряд с другими древневосточными религиями: египетской, вавилонской, ассирийской, персидской и пр., как это и следует. При ближайшем изучении она оказывается по внутреннему содержанию ниже этих религий. Если до образования жидовства в израильском и иудейском царствах выступали высокие представители религиозного чувства, как Исаия и Иеремия, то этих людей нельзя класть на весы при оценке жидовства, ибо в иудейском народе они не нашли сочувствия, и оба, по преданию, кончили мученичеством: Исаия был распилен, а Иеремия побит камнями. Христос, обращаясь к Иерусалиму, восклицал: “Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе!” (Лк. 13, 34; Мф. 23, 37). Вероятно, он имел в виду эти предания...”

Вот когда в сознание официальных христианских Церквей проникнут убеждения автора приведенного письма, когда мировое жидовство будет лишено той христианской базы, какую незаконно занимает и на которую опирается, когда христиане признают, что им нужно соединиться на почве общей борьбы с жидовством, вместо того чтобы или пользоваться им в интересах личного земного блага, или делаться его жертвою, — только тогда наступит подлинное отрезвление в умах и сердцах и человечество освободится от той злой силы, которая его обезличивала, поработала и вела к гибели.

Практическим результатом такою отрезвления явится Христианский Интернационал, без которого и вне которого немислима не только победа, но даже борьба с интернационалом жидовским, как той злой стихией, которая, прикрываясь обманными вывесками, преследует только одну цель — владычество дьявола на земле и мировое господство его “избранного народа”.

И, может быть, только тогда христиане вспомнят о том необходимом оружии в борьбе со злой силой, каким всегда была и на вечные времена останется молитва к Богу, а мы, русские, вспомним пророческий глас св. Иоасафа, еще в 1912 году предупреждавшем русских людей о надвигающейся революции и указавшем пути спасения России; покаемся в том, что отвергли его, не поверили ему, а теперь уже и забыли о нем. И

только тогда, когда весь русский народ повергнется в слезах умиления пред Песчанским образом Матери Божией и широкой волной потечет к св. мощам Угодника Божия Николая, истинного Заступника и Покровителя России, только тогда можно будет говорить об отрезвлении, только тогда придет спасение нашей Родины.

Читатели первого тома моих “Воспоминаний” знают, о чем предупреждал и что говорил, по велению Матери Божией, святитель Иоасаф. Но первый том весь разошелся, и нет возможности переиздать его, Разошлись и те брошюры, какие были мной составлены для широкого оповещения русских людей о пророчестве св. Иоасафа, какие были изданы усердием настоятеля Казанско-Богородицкого монастыря в г. Харбине, всечестного о. архимандрита Ювеналия, под заглавием: “Свыше указанный путь ко спасению России”. Этой брошюрой, дополненной примечаниями о. архимандрита, я и заканчиваю свой второй том.

ГЛАВА 61

Свыше указанный путь ко спасению России

Как тучи скрывают от взора нашего солнце, так грехи заслоняют от нас Бога. Воздвигли они между небом и землей стену непроницаемую, закрыли лик Божий и, чем грешнее человек, тем темнее и холоднее у него на душе, тем труднее непосредственное общение с Источником Света, тем меньше веры даже в возможность такого общения, тем непонятнее для него все вокруг происходящее.

Не поняли русские люди и даже ослушались Гласа Свыше, явленного двукратно устами св. Иоасафа Белгородского и задолго до войны 1914 года, с целью предупредить ее, и в 1915 году с целью прекратить ее.

Вспомним хотя бы теперь об этом Гласе, используем хотя бы теперь указанные Самим Богом пути ко спасению России! Бог — не идея, а Милосердный Отец Небесный, любящий Свои создания и пекущийся о них, то изливая Свои безмерные милости, то предупреждая и предостерегая от бед, то наказывая гордого человека за ослушание Его святой и всеблагой воле.

Будем иметь такую веру, и по этой вере дано будет нам увидеть нашу Родину, великую Россию, омытую и очищенную страданиями и слезами. Но будем страшиться не внять сему Гласу даже теперь, спустя 15 лет после того, как он впервые раздался.

В 1754 году святитель Иоасаф, обзревая свою епархию, прибыл в город Изюм. Встреченный духовенством в предместьи города и войдя в притвор Вознесенской церкви, святитель с изумлением остановился и начал всматриваться в большую икону Богоматери, стоявшую в углу притвора и служившую как бы перегородкой, за которой ссыпали уголь для кадила. Долго с умилением смотрел он на святую икону, потом, осенив себя

крестным знаменем, опустился пред нею на колени и громко произнес: “Царица Небесная, прости небрежность Твоих служителей, не ведят бо, что творят!” Затем, обратившись к сопровождавшему его благочинному, сказал: “Почему этот образ не поставлен в лучшем месте? В сем образе преизобилует особенная благодать Божия, в нем Пресвятая Владычица являет особое знамение Своего заступничества для сей веси и целой страны!”

Войдя в церковь и обратив внимание на большой киот сзади левого клироса, уставленный небольшими иконами старом иконостаса, которые было можно с удобством разместить по другим местам, святитель сказал: “Вот самое приличное место для иконы Божией Матери. Поставить ее на место этих уже обветшавших икон, чтобы она всегда стояла на этом месте”. Святитель Иоасаф пробыл в городе более трех дней, и утром и вечером приходил он в Вознесенскую церковь и усердно молился пред сим образом Богоматери, тогда же поставленным на указанном святителем месте. Весть об этом событии распространилась между жителями; многие стали притекать к образу, с верою и молитвою ко Владычице мира, и по мере веры своей получали исцеление. И теперь от иконы истекают великие чудеса и знамения благодати Божьей. По установлению иконы Богоматери на месте, святитель Иоасаф рассказывал близким, что перед выездом из Белгорода он видел следующий сон. При входе в одну из осматриваемых церквей в притворе он увидел в куче сора икону Богоматери, с светлым сиянием, исходившим от нее, причем слышен был голос, говоривший: “Смотри, что сделали с Ликом Моим служители сего храма. Образ Мой назначен для страны сей источником благодати, а они повергли его в сор”. Сильно смущенный этим сновидением, глубоко запечатлевшимся в его душе, святитель при обозрении церквей подробно осматривал их как снаружи, так и внутри с целью узнать, нет ли в самом деле чего подобного, что ему снилось. Посещая Вознесенскую изюмскую церковь, он был поражен внешностью ее, сходной с представлявшейся церковью во сне, а потому, увидев Свыше указанный ему образ Богоматери в притворе в таком небрежении, понял, что сон его был благодатный и относился к этой церкви и этому образу Богоматери. Это откровение Свыше, эта милость Божией Матери, избравшей св. Иоасафа Своим орудием для прославления образа, были наградой ему за попечение о святых храмах и св. иконах. Во все время своего служения святитель Христов Иоасаф строго наблюдал за благоговейным почитанием святых икон и за правильностью их изображения, о чем неоднократно писал увещания и делал распоряжения.

Вот этот именно Песчанский Образ Богоматери, являвшийся по свидетельству. Самой Царицы Небесной источником благодати для всей России, и пришел на помощь нашей Родине в один из самых тяжелых моментов ее жизни, в самый разгар войны 1914 года и был... отвергнут. Горделивый человек отвергнул небесную помощь, не поверил Гласу Свыше

и отсюда все те бедствия, какие не замедлили обрушиться на Россию и донныне тяготеют над ней. Случилось это таким образом.

4 сентября 1915 года, в годовщину прославления св. Иоасафа, чудотворца Белгородского, в Вознесенском храме Петрограда состоялось обычное архиерейское богослужение, а вечером того же дня — общее собрание членов братства Святителя Иоасафа. Председателем братства после генерал-адъютанта адмирала Д.С.Арсеньева был избран генерал от инфантерии Л.К.Артамонов, а товарищами председателя были протоиерей Маляревский и я. Не помню, что помешало мне быть на общем собрании, которому суждено было не только оставить глубочайший след в моей жизни, но и сделаться поворотным пунктом одним из этапов этой жизни. Вечером 5 сентября явился ко мне протоиерей А.И. Маляревский и, выражая сожаление о моем отсутствии на вчерашнем торжестве, рассказал подробно обо всем, что случилось.

“Кончилась обедня, — начал о. Александр, — отслужили мы молебен с акафистом угоднику Божию и разошлись по домам, с тем чтобы собраться вечером в церковном доме на общее собрание. Генерала не было, Вас тоже; открывать собрание пришлось мне. Прочитал я отчет за истекший год, а далее должны были следовать выборы новых членов, речи и доклады, и все, что обычно полагается в этих случаях. Вышло же нечто совсем необычное... Не успел я сойти с кафедры, как заметил, что ко мне пробирается через толпу какой-то военный, бесцеремонно расталкивающий публику и держа в высоко поднятой руке какую-то бумагу... Он очень нервничал и, вплотную подойдя ко мне, спросил меня:

- Вы председатель братства Святителя Иоасафа?

- Нет, — ответил я, — я товарищ председателя!

- Кто же председатель, кто сегодня председательствует? — нетерпеливо и крайне взволнованно спрашивал меня военный.

- Председательствую я, — ответил я.

- В таком случае разрешите мне сделать доклад братству, — сказал военный. Я пробовал отклонить это намерение, ибо имя этого военного не значилось в числе докладчиков, я видел его в первый раз, доклада его не читал, а его внешность, возбужденное состояние духа не располагали меня к доверию, и я опасался каких-либо неожиданностей...

Однако военный, видя мое замешательство, мягко успокоил меня, завив:

- Доклад мой важности чрезвычайной, и малейшее промедление будет грозить небывалыми потрясениями для всей России...

Он выговорил эти слова так уверенно, с таким убеждением и настойчивостью, что, застигнутый врасплох, я только и мог сказать в ответ:

- Читайте!

- Я до сих пор не могу очнуться от впечатления, рожденного его докладом, — говорил протоиерей А. Маляревский.

- Кто же этот военный, о чем он творил? — спросил я.

Это полковник О., отставной военный доктор на фронте. Я отметил наиболее существенные места доклада и могу воспроизвести их почти стенографически. Вот что сказал полковник.

“Милостивые государи, я не буду заранее радоваться, ибо не знаю, кого вижу в вашем лице... Но то что вы составляете братство имени величайшего угодника Божия Иоасафа, дает мне надежду возбудить в вас веру в мои слова. До сих пор меня только гнали и преследовали столько же злые, сколько и темные люди; уволили со службы, заперли в доме умалишенных, откуда я только недавно выпущен, и все только потому, что я имел дерзновение исповедывать свою веру в Бога и Его святителя Иоасафа... Верить же — значит делать и других звать на дело. Я и зову, и умоляю... Не удивляйтесь тому, что услышите, не обвините заранее в гордости или “преlestи”. Дух Божий дышит, идеже хочет, и не нужно быть праведником, чтобы снискать милость Божию. Там, где скрывают эту милость, там больше гордости, чем там, где громко славословят Бога, В положении военного, и притом доктора, принято ни во что не верить. Я это знаю и мне трудно вызвать доверие к себе, и если бы вопрос касался только меня одним; то я бы и не делал этих попыток, ибо не все ли равно мне, за кою меня считают другие люди... Но вопрос идет о всей России и, может быть, даже о судьбе всего мира, и я не могу молчать как по этой причине, так и потому, что получил от угодника Иоасафа прямое повеление объявить людям волю Бога. Разве я могу поэтому останавливаться перед препятствиями, разве меня может запугать перспектива быть снова схваченным и посаженным в сумасшедший дом, разве есть что-либо, что удержало бы самого великого грешника от выполнения воли Божией, если он знает, что действительно Бог открыл ему Свою волю?”

Вот и я прошу вас, обсудите мой доклад, рассмотрите его со всех сторон, а потом и решайте, точно ли мне было откровение Свыше или только померещилось мне; в здравом ли уме я излагаю свой доклад или точно я душевно больной человек и делюсь с вами своими галлюцинациями?

Года за два до войны, следовательно в 1912 году, явился мне в сновидении святитель Иоасаф и, взяв меня за руку, вывел на высокую гору, откуда нашему взору открывалась вся Россия, залитая кровью.

Я содрогнулся от ужаса... Не было ни одного города, ни одного села, ни одного клочка земли, не покрытого кровью... Я слышал отдаленные вопли и стоны людей, зловеющий гул орудий и свист летящих пуль, зигзагами пересекавших воздух; я видел, как переполненные кровью реки выходили из берегов и грозными потоками заливали землю...

Картина была так ужасна, что я бросился к ногам святителя, чтобы молить Его о пощаде. Но от трепетания сердечного я только судорожно

хватался за одежды святителя и, смотря на угодника глазами полными ужаса, не мог выговорить ни одного слова.

Между тем святитель стоял неподвижно и точно всматривался в кровавые дали, а затем изрек мне:

- Покайтесь... Этого еще нет, но скоро будет.

После этого дивный облик святителя, лучезарный и светлый, стал медленно удаляться от меня и растворился в синеватой дымке горизонта.

Я проснулся. Сон был до того грозен, а голос святителя так явственно звучал, точно наяву, что я везде, где только мог, кричал о грядущей беде, но меня никто не слушал. Наоборот, чем громче я кричал о моем сне, тем громче надо мной смеялись, тем откровенней называли меня сумасшедшим. Но вот подошел июль 1914 года...

Война была объявлена... Такого ожесточения, какое наблюдалось с обеих сторон, еще не видела история. Кровь лилась потоками, заливая все большие пространства... И в этот грозный час, может быть, только я один понимал весь ужас происходящего и то, почему все это происходит и должно было произойти. Грозные слова святителя “скоро будет” исполнились буквально и обличали неверовавших. И, однако, все по-прежнему были слепы и глухи. В штабе разговаривали о политике, обсуждали военные планы, измеряли, вычисляли, соображали, точно и в самом деле война и способы ее ликвидации зависели от людей, а не от Бога. Слепые люди, темные люди! Знали ли они, что эти десятки тысяч загубленных молодых жизней, это море пролитой крови и слез, приносились в жертву их гордости и неверию, что никогда не поздно раскаяться, что чудо Божие никогда не опаздывает, что спасение возможно в самый момент гибели, что разбойник на кресте был взят в рай за минуту до своей смерти, что нужно только покаяться, как сказал св. Иоасаф?! А ожесточение с обеих сторон становилось все больше: сметались с нашего кровавого пути села и деревни, цветущие нивы, горели леса, разрушались города, не щадились святыни... Я содрогался от ужаса при встрече с таким невозмутимым равнодушием; м видел, как притуплялось чувство страха перед смертью, но и одновременно с этим чувство жалости к жертве; как люди превращались в диких зверей, жаждающих только крови... Я трепетал при встрече с таким дерзновенным неверием и попранием заповедей Божиих, и мне хотелось крикнуть обоим враждующим сторонам: “Довольно, очнитесь, вы христиане, не истребляйте друг друга в угоду ненавистникам и врагам христианства; опомнитесь, творите волю Божию, начните жить по правде, возложите на Бога упование ваше: Господь силен и без вашей помощи, без войны помирит вас”.

И в изнеможении я опускался на колени, звал на помощь святителя Иоасафа и горячо ему молился.

Залпы орудий сотрясали землю; в воздухе рвались шрапнели; трещали пулеметы; огромные, никогда не виденные мною молнии разрезали

небосклон и оглушительные раскаты грома чередовались с ужасным гулом падающих снарядов... Казалось, даже язычники должны были проникнуться страхом при виде такой картины гнева Божиего и осознать бессилие немощного человека. Но гордость ослепляла очи. Чем больше было неудач, тем большими становились ожесточение и упорство с обеих сторон. Создался невообразимый ад. Как ни храбрился жалкий человек, но все дрожали и трепетали от страха. Дрожала земля, на которой мы стояли, дрожал воздух, которым мы дышали, дрожали животные, беспомощно оглядываясь по сторонам, трепетали бедные птицы, растерянно кружившие нщ своими гнездами, охраняя птенцов своих, Зачем это нужно, — думал я, — зачем зазнавшийся человек так дерзко попирает законы Бога, зачем он так слеп, что не видит своих злодеяний, не вразумляется примерами прошлого?! И история жизни всего человечества, от сотворения мира и до наших дней, точно живая стояла передо мной и укоряла меня...

Законы Бога вечны, и нет той силы, которая бы могла изменить их; и все бедствия людей, начиная от всемирного потопа и кончая Мессиной, Сан-Франциско и нынешней войной, рождены одной причиной и имеют одну природу — упорное противление законам Бога. Когда же одумается, опомнится гордый человек, когда, осознав свой грех, смирится и перестанет испытывать долготерпение Божие?! И в страхе за грядущее, в сознании страшной виновности пред Богом, у самого предверия справедливой кары Божией я дерзнул возопить к Спасителю: “Ради Матери Твоей, ради Церкви Православной, ради Святых Твоих, в земле Русской почивающих, ради Царя-Страдальца, ради невинных младенцев, не познавших греха, умилосердись Господи, пожалей и спаси Россию и помилуй нас”. Близок Господь к призывающим Его!

Я стоял на коленях с закрытыми глазами и слезы текли по щекам, и я не смел поднять глаз к иконе Спасителя. Я ждал... Я знал, что Господь видит мою веру и мои страдания, и что Бог есть Любовь, и что эта Любовь не может не откликнуться на мою скорбь.

И вера моя меня не посрамила.

Я чувствовал, что в мою комнату вошел кто-то, и она озарилась светом, и этот свет проник в мою душу... Вместо прежнем страха, вместо той тяжести душевной, которая доводит неверующих до самоубийства, когда кажется, что отрезаны все пути к выходу из положения, я почувствовал внезапно такое умиление, такое небесное состояние духа, такую радость и уверенное спокойствие, что безбоязненно открыл свои глаза, хотя и знал, что в комнату вошел некто, озаривший ее своим сиянием, Предо мной стоял святитель Иоасаф.

Лик его был скорбен.

- Поздно, — сказал святитель, — теперь только одна Матерь Божия может спасти Россию. Владимирский образ Царицы Небесной, которым благословила меня на иночество моя мать и который ныне пребывает над

моей ракой и Белгороде, также и Песчанский образ Божией Матери, что в селе Песках подле г. Изюма, обретенный мною в бытность мою епископом Белгородским, нужно немедленно доставить на фронт, и пока они там будут находиться, до тех пор милость Господня не оставит Россию. Матери Божией угодно пройти по линиям фронта и покрыть его Своим омофором от нападений вражеских... В иконах сих источник благодати, и тогда смиляется Господь по молитвам Матери Своей!

Сказав это, святитель стал невидимым, а я очнулся. Это второе видение угодника Божиего было еще явственнее первого, и я не знаю, было ли оно наяву или во сне. Я с удвоенной настойчивостью принялся выполнять это прямое повеление Божие, но в результате меня уволили со службы и заперли в сумасшедший дом. Я бросался то к дворцовому коменданту, то к А.А. Вырубовой, то к митрополитам и архиереям, где мог искал приближенных Царя, но меня отовсюду гнали и ни до кого не допускали... Меня или вовсе не слушали, или, слушая, делали вид, что мне верят, тогда как на самом деле мне никто не верил, и все одинаково считали меня душевно больным.

Наконец, только сегодня я узнал, что в Петербурге есть братство Святителя Иоасафа. Я забыл все перенесенные страдания, все передуманное и пережитое и, измученный и истерзанный, бросился к вам. Неужели же и вы, составляющие братство угодника Божиего, прогоните меня, неужели даже вы не поверите мне и, подобно многим другим, признаете психически больным?!

Помните, что прошел уже целый год со времени вторичного явления святителя Иоасафа, что я уже год скитаюсь по разным местам, толкаюсь к разным людям, дабы исполнить повеление святителя, и все напрасно. А война все больше разгорается, и не видно конца; ожесточение все увеличивается, а злоба с обеих сторон растет...

Или и вы, может быть, думаете, что победа зависит от количества штыков и снарядов?! Нет, судьбы мира и человека в руках Божиих, и будет так, как повелит Господь, а не так, как захочется людям. Спешите же исполнить повеление святителя Иоасафа, пока еще есть время его исполнить. Тот, кто дал такое повеление, тот поможет и выполнить его. Снаряжайте немедленно депутацию к Государю; добейтесь того, чтобы святые иконы Матери Божией были доставлены на фронт; и тогда вы отвратите гнев Божий на Россию и остановите кровопролитнейшую из войн, какие видел мир. Не подвигов и жертв требует от вас Господь, а дарует Свою милость России... Идите навстречу зову Господню, а иначе мне страшно даже выговорить, иначе погибнет Россия и погибните вы сами за гордость и неверие ваши” ...

Не буду описывать подробностей, связанных с принятием Песчанского образа Божией Матери в Ставке, куда он промыслительно прибыл 4

октября 1915 года, накануне Тезоименитства Наследника Цесаревича, ибо все эти подробности описаны мною на страницах первого тома моих “Воспоминаний” (гл. 1-15), скажу лишь кратко, что повеление святителя Иоасафа без ведома Государя Императора не было исполнено, и протянутая России Небесная Рука помощи была отвергнута недостойными царскими слугами.

И как ясно, что все обрушившиеся на Россию беды явились следствием того ослушания воли Божией, так ясно и то, что Господь простит это грех лишь после того, как повеление св. Иоасафа будет выполнено.

Так думают те, кто на протяжении 8 лет своей беженской жизни безуспешно разыскивали Песчанский Образ Богоматери по всей Европе и не находили его, так думают и те, кто верил Афонским старцам, связывавшим спасение России с обретением этого Образа — “источника благодати для всей России” и твердившим, что момент обретения этого чудодейственного Образа явится первым реальным моментом на пути к спасению России.

И вот момент наступил: Афонские старцы вымолили у Бога милость, и сей Образ Песчанский дивными путями Промысла Божиего явился к одному из них и последним препровожден в Европу именно к тем людям, коим преуказано идти впереди Священной Рати и чьи святые имена, донныне сокрытые, будут из поколения в поколение славиться благодарным потомством.

Первый шаг к спасению России сделан Самим Богом, даровавшим Зарубежной Руси Песчанский Образ Матери Божией, второй шаг должен быть сделан каждым, кто в Бога верует.

Для сего нужно:

1. Учредить повсеместно комитеты для сбора пожертвований на отпечатание снимков и изготовление икон с чудодейственного обретенного Песчанского Образа в количестве достаточного для того, чтобы каждый русский смог бы за минимальную плату приобрести икону и молиться пред ней.

2. В соответствии с разосланными епархиальной властью циркулярами совершить повсеместно коленопреклоненные молебные пения Песчанскому Образу Богоматери и тем выполнить повеление св. Иоасафа, остающееся и поныне невыполненным.

3. Вырученные от продажи снимков и икон суммы, за покрытием расходов по их изготовлению, направлять в качестве пожертвования Барградскому Подворью Св. Николая, Защитника и Покровителя России. Подворье в Бари, где почивает величайшая святыня русского народа — мощи Святителя Николая, не только не закончено постройкой и переобременено угрожающими ему долгами, но не имеет даже постоянного священника, вследствие чего не совершается богослужение там, где денно и

ночно должна была бы возноситься молитва о спасении России. Этот грех нужно загладить.

4. Каждому верующему русскому православному христианину нужно дать обет Богу откликнуться на призыв, когда он последует, о постройке в благодарность за спасение России величественном храма во имя Матери Божией, Песчанский Образ Которой займет в России место равное Ее Казанскому Образу. Теперь же надлежит открыть прием пожертвований на сооружение в Барградском храме Св. Николая киотов для Песчанской иконы Царицы Небесной, Св. Иоасафа Белгородского и Преп. Серафима Саровского.

Вот реальные пути спасения России!

Будем не только помнить, но откликнемся хотя бы теперь на глас, прозвучавший устами святителя Иоасафа с неба: “Теперь только одни Матерь Божия может спасти Россию!” Имеющие уши слышать, да слышат!

Во все концы Европы я разослал приведенную выписку из первого тома своих “Воспоминаний”, умоляя издать ее отдельной брошюрой и распространить среди русском беженства, но только один о. архимандрит Ювеналий откликнулся на мой зов, исполнил мою просьбу и снабдил изданную мной брошюрку своими дополнениями, какие мы и приводим.

“Поместив выше глубоко знаменательное сообщение князя Н.Д.Жевахова, приведем здесь историческую справку о заступлении Царицы Небесной от святых чудотворных Ее икон в бедственные времена нашего многострадального отечества на протяжении многих веков его существования.

Вспоминая великие благодеяния, полученные от Матери Божией нашим отечеством, по всей справедливости Ее можно назвать “Взбранною Воеводою православной Русской Земли”.

Русские православные люди в години бедствий, и особенно когда на них нападали внешние враги, всегда прибегали с покаянием и горячей молитвой ко Господу и Царице Небесной. Отправляясь на ратное поле, они всегда брали с собой тот или иной чудотворный образ Божией Матери.

Перечислим кратко те случаи дивного заступления Богоматери чрез Ее святые иконы на протяжении многих веков в жизни русских людей. В княжение Андрея Боголюбского, в 1164 г., напали на Русь волжские болгары. Перед сражением на бранном поле горячо молился князь Андрей пред чудотворным образом Владимирской Божией Матери, и враги были разбиты наголову. Когда после битвы князь с духовенством и воинами приносил свою благодарственную молитву пред сим чудотворным образом, то от Животворящего Креста и от сей иконы воссиял необыкновенный свет, который озарил весь полк. Память о сем чуде и доселе сохраняется в празднестве первого августа, которое тогда же было установлено по желанию Андрея Боголюбского. В 1395 году в княжение

Василия Дмитриевича эта же икона Владимирской Божией Матери спасла нашу родину от нашествия Тамерлана. Князь, воины и весь народ пламенно молились пред этой иконой. Тамерлан в сонном грозном видении был утрашен явлением Божией Матери, окруженной святителями и тьмами молнеобразных воинов. Грозно обратив свой взор на Тамерлана, Она повелела ему оставить пределы Русской земли, а молненосные воины устремились на Тамерлана. Устрашенный таким видением, он приказал своим войскам оставить русские пределы. Торжественно встречена икона Божией Матери с похода в г. Москве духовенством и всем народом. В благодарную память сем чудесного заступления Богоматери на месте сретения Ее иконы построен монастырь Сретенский и установлен в честь сей иконы праздник 26 августа.

В 1480 году Москва опять была спасена помощью Божией Матери от Ее чудотворной иконы Владимирской от нападения на Россию Ахмета — хана Золотой Орды, и в память этот события был установлен второй праздник в честь Владимирской иконы Богоматери — 23 июня.

Приведем еще более умиленное и весьма трогательное повествование о заступлении Царицы Небесной земли Русской от Ее иконы Владимирской. В 1521 году, в царствование Василия Ивановича, татары под предводительством Махмед-Гирея снова двинулись на Русь. Опустошая все на пути, они дошли до Москвы. Великий князь ушел из Москвы собирать войска, в столице было смятение, но молитвы не прекращались. Однажды ночью юродивый старец Василий со слезами молился у дверей Успенского собора. Вдруг он слышит во храме шум: двери собора растворяются и чудотворная икона Владимирская сходит со своего места. От иконы слышится голос: “Выйду со Святителями из града сего”, — и с сими словами вся церковь наполняется пламенем, который тут же и исчезает. В ту же самую ночь в Вознесенском монастыре одна слепая старуха монахиня, сидя в своей келии, узрела в видении, что из Кремля направляется в Спасские ворота как бы в крестном ходу сонм Святителей и других угодников Божиих; среди них чудотворная икона Владимирская. Вот они вышли уже из ворот; навстречу им идут преподобные отцы: Сергей Радонежский и Варлаам Хутынский. Припав к стопам Святителей, они вопрошают их: “Зачем они уходят из города и на ком оставляют его в такое многоскорбное время?” Святители со слезами отвечают: “Много молили мы Всемилостивого Бога и Пречистую Богородицу об избавлении от сей великой скорби, но Бог повелел нам выйти из города и вынести с собой сей чудотворный образ Пречистой Его Матери, потому что люди забыли страх Божий и нерадят о заповедях Господних... Пусть они накажутся от сего варварском народа и через покаяние обратятся к Богу”. Тогда преподобные стали умолять Святителей, чтобы они своим ходатайством умилоствовали правосудие Божие, и тут же вместе с ними стали петь молебен, произнесли молитву Богоматери, и, осенив

крестообразно город, все вошли обратно в Кремль с чудотворной иконой. (В память сем дивного видения старицы-инокини и заступления Богоматери — чрез Спасские ворота положено входить в Кремль с открытой головой.) И действительно: молитвами Матери Божией Москва опять была спасена. Летописцы говорят, что татары хотели сжечь посады московские, но увидели вокруг города бесчисленное множество войска Русского и сказали о том хану. Тот не поверил и послал посмотреть. Ему подтвердили сказанное. Он в третий раз послал удостовериться, тогда посланный прибежал, в ужасе взывая: “О! Царь! Что ты медлишь? Из Москвы выступает на нас войско без числа; побегим скорее!” И татары бежали. В благодарное воспоминание этого чуда установлен третий праздник иконы Владимирской — 21 мая. Перед сей иконой при избрании Святителей клали запечатанные царской печатью жребии, которые после молебна тут же вынимались митрополитом и распечатывались Царем, при чем объявлялось имя избранного. Пред той же иконой после молебного пения был по жребию избран на Патриарший Престол Всероссийский Патриарх Тихон, недавно в Бозе почивший. Здесь же, перед Владимирским образом Божией Матери, становились древние Цари при своем помазании на царство...

Все эти перечисленные чудесные заступления Царицы Небесной от чудотворной иконы Владимирской далеко еще не исчерпывают всех милостей Ее в России. Есть и еще довольно много событий в нашей отечественной истории, свидетельствующих о чудесной помощи Богоматери русским в их борьбе с врагами и от многих других Ее чудотворных икон. Так, например, в царствование Феодора Иоанновича заступлением Божией Матери чрез чудотворный образ Ее, именуемый “Донская”, Русская земля была спасена от нападения шведов и крымских татар. В память сей небесной помощи Владычицы совершается праздник 19 августа и установлен крестный ход в Донской монастырь.

Кто из русских православных людей не знает дивную помощь и заступление Богоматери, явленные нашему отечеству и чрез другие чудотворные иконы Ее, как-то: Казанская, Смоленская, Знамения и многих других.

Не лишнее вспомнить и более давние времена, как например, дивное заступление и Покров Божией Матери, оказанные Царь-Граду в царствование Греческого Императора Льва Мудрого во Влахернском храме от Ее чудотворной иконы. Припадении сарацин на греческую столицу во время всеобщего бдения Матерь Божия явилась на воздухе св. Андрею, Христа ради юродивому, молящемуся среди Ангелов и осеняющую Своим Покровом. Когда разнеслась весть об этом чудном явлении, то греки воодушевились и скоро прогнали врагов из предела своего отечества. В память этого события и установлен праздник “Покров Пресвятой

Богородицы” — первого октября, принятый и торжественно совершаемый в нашей Русской Церкви.

Вспоминая все эти дивные заступления Божией Матери в години бедствий народных, действительно нужно обратить нам глубокое внимание на изложенное выше сообщение кн. Н. Жевахова о “Свыше указанном пути ко спасению России”, где так трогательно описано повеление св. Иоасафа, Белгородского чудотворца. И надо сознаться и покаяться, что в последнее время, как в Японскую, так и в великую войну с Германией, эти святые заветы благочестивых наших предков были отвергнуты — и в результате на наших глазах ужасная гибель нашей родины...

Архимандрит Ювеналий. 27 мая 1926 г.”

Увы, отклика не последовало, повеление св. Иоасафа и до сих пор не исполнено, огромное большинство русских беженцев даже не слышало о Песчанском Образе Матери Божией и, может быть, даже до сих пор не знает, в чем причина его унижения и где искать спасения...

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Н. Д. ЖЕВАХОВА

1. Назначение школы. СПб. 1906.
2. Чудное действие Божия Промысла. Киев. 1908.
3. Святитель Иоасаф Горленко, Епископ Белгородский и Обоянский (1705-1754). Материалы для биографии, собранные и изданные князем Н.Д.Жеваховым. Киев. Типография Киево-Печерской Успенской Лавры. 1907-1909.
Том I. Предки Святителя Иоасафа. Святитель Иоасаф и его сочинения. Жизнь и деятельность Святителя Иоасафа.
Том II. Чудеса Святителя Иоасафа. Предания о Святителе Иоасафе.
Том III. Дополнения к предыдущим томам.
4. Николай Николаевич Неплюев. Биографический очерк. СПб. 1909.
5. Княжна Мария Михайловна Дондукова-Корсакова. Жизнь и деятельность. СПб. 1909. Второе издание. 1913.
6. Акты и документы Лубенского Мгарского Преображенского монастыря. Историческое исследование. Киев. 1910.
7. Строители духа жизни в области живописи и архитектуры И.Ижакевич и А.Щусев. СПб. 1910.
8. Речи. М. 1910.
9. Житие Святителя Иоасафа, чудотворца Белгородского. СПб. 1910.
10. Верующая интеллигенция о толковании Евангелия. СПб. 1911.
11. Бари. Путевые заметки. СПб. 1911.
12. На родине Преподобного Сергия Радонежского. М. 1912.
13. Пробуждение Святой Руси. СПб. 1914.

14. Чудеса Святителя Иоасафа. СПб. 1916.
15. Воспоминания товарища Обер-прокурора Святейшего Синода. Том I. Мюнхен. 1923.
Том II. Новый Сад. 1928. Главы 26-39 II-го тома переизданы: Еврейский террор в России. Крещение русского народа в огне и слезах. Из воспоминаний товарища обер-прокурора Св.Синода князя Н.Д.Жевахова. Б.м.и г. Воспоминания. М. 1992. “Сергиев Посад. Православно-патриотический вестник”. 1992. № 10.
16. Еврейский вопрос. Нью-Йорк. 1926.
17. Памяти графа А.Череп-Спиридовича. Нью-Йорк. 1926.
18. Изабелл-Флоренс Хапхуд. Нью-Йорк. 1926.
19. Светлой памяти шталмейстера Высочайшего Двора Ф.В.Винберга. Париж. 1928.
20. Житие Святителя Иоасафа, чудотворца Белгородского. Новый Сад. 1929.
21. Причины гибели России. Новый Сад. 1929.
22. Правда о Распутине (на итальянском языке). Бари. 1930.
23. Раб Божий Николай Николаевич Иваненко. Новый Сад. 1934.
24. Светлой памяти князя А.А.Ширинского-Шихматова. Новый Сад. 1934.
25. Корни русской революции. Кишинев. 1934.
26. Сергей Александрович Нилус. Краткий очерк жизни и деятельности. Новый Сад. 1936.
27. Il retroscena dei “Protocolli di Sion”. La vita e le opere del loro editore, Sergio Nilus a del loro autore Ascer Chinsberg. Roma. 1939.

Библиографию составил Александр СТРИЖЕВ

КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ДАВИДОВИЧ ЖЕВАХОВ (краткий биографический очерк)

Перед современным русским читателем встает вопрос: что за личность князь Н.Д.Жевахов, что им создано и где издано?

Историческое время неустойчиво в мнениях и оценках, слишком бурлив наш век, чтобы составлять окончательные характеристики. И все же попробуем немного рассказать об этом замечательном духовном писателе.

Князь Николай Давидович Жевахов известен в православной среде, главным образом, как составитель замечательных жизнеописаний святителя Иоасафа Горленко, епископа Белгородского и Обоянского. Собранные Жеваховым материалы были выпущены в трех томах в Киеве в 1907-1909 годах, послужив основанием для канонизации этого великого подвижника; причислен к лику святых 4 декабря 1911 года. Нетленные мощи угодника Божия Иоасафа прославлены чудесным образом вновь в 1991 году. Кстати,

Николай Давидович был отдаленным потомком рода Горленко, являлся дальним родственником святителя, чья патриотическая деятельность на благо Российской Державы выделяла его на фоне церковных смут первой половины XVIII века. Имея родословные связи с украинскими гетманами предшествующих времен, святитель Иоасаф всеми усилиями поддерживал Императорскую корону, заповедуя Малороссии свободно развиваться и благоденствовать под Русским скипетром. И на этих путях единение двух народов-братьев счастливо держалось, снискав у потомков чувства признательности и благодарности.

Фамилия Горленко владела поместьями в Черниговской губернии, в частности, в Прилуках, в тихом, благопристойном монастырском городке. Было имение и в сельце Линовица, принадлежало Жеваховым вплоть до революционных переворотов 1917 года. К моменту переезда сюда Сергея Нилуса в апреле того же года в сельце этом сохранялся барский особняк и флигель в глубине парка, где на втором этаже и поселился знаменитый издатель “Сионских протоколов”, впрочем, ныне куда более известный читающей России как высокого склада духовный писатель и церковный публицист.

В Линовицу Сергей Александрович приехал по настоянию Владимира Давидовича Жевахова (1874-1938), родною брата автора этих “Воспоминаний”. В пору Февральской катастрофы Нилус с женой находился в городе Валдае, где они прожили до того без малого пять лет, наслаждались молитвенным покоем вблизи Иверского монастыря. Но грянул гром, взвилась ураганом зачумленная чернь, и февральские события не оставляли надежд на жизнь. Князь Владимир Жевахов уговорил чету Нилусов покинуть Валдаю, приютив Сергея Александровича и его жену Елену Александровну в Линовице, своем родовом поместье. Нилусы перебрались на Черниговщину, где еще на время оставались кое-какие законные начала, и с того момента оказываются вне опасности кровавых злодеяний большевиков. А злодеяния эти на Валдае влекли за собой все более ужасные последствия. Сразу после прихода красных банд в юрде Валдае вспыхнул повальный террор, унесший жизни почетных людей — священнослужителей, купцов, владельцев мелких промышленных предприятий (крупных здесь не было), педагогов, хозяйственников. Изуверами расстрелян на глазах у его малолетних детей публицист-патриот М.О.Меньшиков. Останься в Валдае Нилус, от злодеев не уберется бы.

Но он уже был вне опасности, под покровом Божией благодати, в сельце Линовица, где враг покуда не властвовал, пока лишь чувствовалось его дьявольское приближение. Этот период Нилуса отмечен созданием домашней церкви, завершением второй части замечательной книги “На берегу Божьей реки”, проявлением здесь чудес и знамений. Одно из таких чудес — явленное по молитвам преподобного Серафима Саровского

спасение настоятеля Густынского монастыря схиархимандрита Иоасафа, а вместе с ним и четы Нилусов.

Скажем вкратце и о деятельности князя Николая Давидовича Жевахова, в прошлом служившем товарищем обер-прокурора Святейшего Синода, а в советские годы бесстрашно и ревностно собиравшего факты о зверствах в зачумленной большевизмом России. Свои скитания по революционным столицам и Крыму он затем живо отобразил во втором томе своих “Воспоминаний”. Ныне его книги становятся настольными для каждого патриота, вставшего на путь духовного возрождения Отечества.

Князь Жевахов успел создать еще и третий том “Воспоминаний”, но по недостатку средств напечатать его не удалось. Русские беженцы за границей, бедствуя и перебиваясь грошовыми заработками, не всегда могли пособить автору покрыть издательские расходы, а радикально настроенные толстосумы, присвоившие царские средства, патриотам не сочувствовали, подчиняя подкупленные издания распространителям ложных идей. Разомкнутость культур — православно-народной, укорененной в культе, и бездуховной, изымавшей из сердец Христа, которую вернее назвать антикультурой, существовала и в Зарубежье, где главенствовали все те же беды, что и в России.

В наброске к очерку о Нилусе (Новый Сад. 1936) князь Жевахов раскрывает приблизительный состав своего неопубликованного труда. Это, прежде всего, полемические главы, посвященные происхождению и оценке “Сионских протоколов”, затем обширная часть с разбором закулисных инсценировок Вернского процесса, весьма показательном по составу и устремленности. Книжка о Сергее Нилусе задумывалась князем как первая часть большой книги, — единственное, что было опубликовано. Возможно, очерк вошел бы в третий том “Воспоминаний”.

Николай Давидович долгие годы жил в Италии в городе Бари, где он заведывал Церковно-археологическим кабинетом Святителя Николая Мир-Ликийских Чудотворца. Естественно, живя вдали от Родины, он был в отрыве от событий, совершавшихся там. Не мог знать многого и о жизни Сергея Нилуса в Совдепии, о его мытарствах и мучениях. А те скудные сведения, что получал из вторых рук, нуждались в уточнениях. Зато эпизоды личных встреч с этим великим духовным писателем и другими лицами изображены прекрасно, и мысли, которые овладевали автором очерка представляют исключительный интерес. Эти мысли помогут современному людям по-новому оценить прошедшее и более пронизательно осознать происходящее теперь. Проще сказать, такая книжица не затеряется в безликом море литературы.

Но вернемся к “Протоколам”. Почему русские люди не только не довели их до сведения мировой общественности, но и сами вовремя не сумели в них разобраться? Князь Жевахов, хорошо знавший мирской и духовный уклад русской жизни, на это отвечает так:

“Появление “Протоколов” на русском книжном рынке явилось событием чрезвычайным, однако ни правительство, ни широкая публика не сумели оценить его.

Книга успеха не имела и той цели, какую преследовал благородный С.А.Нилус, желая “предупредить правительство о надвигающейся опасности и открыть глаза широкой публике на истинные причины нарастающего в России революционного движения”, — не достигла, встретив пренебрежение, равнодушие и непонимание не только со стороны правительства, но и в кругах общественных и даже церковных. Строго говоря, отрицательное отношение к книге части церковных кругов предопределило отношение к ней и со стороны всех прочих. И только еврейская печать, или, точнее, вся русская печать, руководимая евреями, хорошо поняла значение книги и старательно замалчивала ее, из опасения, что она обратит на себя внимание и раскроет карты евреев. Обращаю на этот факт особое внимание для того, чтобы вновь опровергнуть клевету евреев, утверждающих, будто “Протоколы” были изданы русским правительством с целью устройства и оправдания погромов. Если бы это было так, то, наверное, правительство сумело бы и распространить “Протоколы” среди населения в количестве достаточном для ознакомления русского человека с задачами еврейства, его планами и программами...

Однако действительность свидетельствовала об обратном. Русские люди отнеслись к “Протоколам” с полным безучастием и даже не поняли их. Книга вызвала недоумение и недоверие, и отталкивала избытком откровений, казавшихся фантастическими. И нигде вековая работа евреев по засорению христианских мозгов не сказалась так ярко, как именно на отношении к “Сионским протоколам”, о которых стали говорить лишь после гибели России, после победы евреев, когда русский человек на собственном примере убедился в их достоверности”.

О причинах гибели России сам Николай Давидович впоследствии написал весьма убедительную статью. В 1928 году, проживая все на том же подворье Святителя Николая Мир-Ликийских Чудотворца в итальянском городе Бари, где он когда-то строил православный храм на средства Императорского Палестинского общества, князь Жевахов высказал мысли, не утратившие своей значимости и поныне. Он сказал, что Россия погибла из-за вялости государственного аппарата и чиновничества, беспрестанно нарушавших присягу Государю, что аппарат должен быть беспощадным к беззаконникам, не перекладывая своих функций на Монарха. Богопомозанный Государь по своей сути Удерживающий, удерживает свой народ от повреждения. Он — милующий, его милость и любовь простираются на всех, а правопорядок блюдет карающая десница закона, чьи установления проводят в жизнь государственники и приставленные к делу чиновники.

Князь Жевахов, сам юрист, и ему ли не знать было, как важно не попустительствовать кромешникам вершить их злодеяния. А они вершили, можно сказать, беспрепятственно, что только могли. Открыто разжигали ненависть к Церкви и самодержавным устоям, с подачи жидо-масонских центров нагнетали истерию террора, развращали и дурачили толпу и неустойчивую часть интеллигенции. Уже будучи товарищем обер-прокурора Св. Синода, Жевахов много ездил по России, и везде печальные картины нравов были сходны: неверие и человекобесие насаждались чужеродами злонамеренно. Для этого они почти целиком завладели печатью, судами, педагогией.

Проживая с 1920 года за границей, Николай Давидович Жевахов в весьма сжатые сроки пишет свои замечательные “Воспоминания”. В них дается широкая панорама русской жизни накануне Мировой войны и в пору русского погрома — революции. Оба первых тома уже были готовы к выпуску в свет в 1923 году. И первый том тогда же и вышел в Мюнхене, а второй удалось издать лишь через пять лет в сербском городе Новый Сад, причем тиражом всего 400 экземпляров. Непонимание Православной монархии, бытовавшее в России, перенеслось и в круги русского рассеяния. Жевахов убедительно вскрывает истоки такого рода непонимания. С первых же страниц второго тома он принимается за главное: “Революция, — пишет князь, — всегда была заданием определенной группы людей, выполнявшей директивы центра, программа деятельности которой непосредственно вытекала из Талмуда”.

Николай Давидович даже считал, что чаяния жидовства отражают и книги Ветхого Завета, кроме, пожалуй, книг Иова и пророка Даниила. Остальные книги будто бы испорчены иудеями в угоду своим целям. Такая точка зрения Жевахова, конечно же, неприемлема для нас. Как небезспорны его суждения и по поводу Патриаршества в России. Автор “Воспоминаний” утверждает, что созыв Поместного Собора в 1917 году противоречил канону: нельзя выбирать Патриарха без Православного Царя. Государь и Патриарх неразрывны, они в одном лике отображают земной образ Спасителя. Был Жевахов и против представителей из мирян на Соборе.

Как несгибаемый синодал, князь Жевахов усиленно отстаивал Обер-прокуратуру, считая, что это духовное ведомство многое сделало для укрепления роли Церкви в русском обществе. Другое дело, нужны были реформы. Вместе с Обер-прокурором Св. Синода Николаем Павловичем Раевым князь Жевахов накануне революции разрабатывал такие реформы. Они заключались “в децентрализации церковного аппарата, в разграничении церковной и государственной сферы управления, в сближении архипастыря с паствой, в создании условий, имевших обеспечить архипастырю возможность выполнять его непосредственные задачи, что в совокупности возродило бы и оживило церковную жизнь на местах”.

Надо сказать, что Н.П.Раев был личностью незаурядной. Благочестивый, образованный, любящий Престол и Отечество, он был назначен в Св. Синод по настоянию Императрицы Александры Федоровны. Раевы давно известны при Дворе: отец Николая Павловича — первенствующий член Святейшего Синода, митрополит Петербургский и Ладожский Палладий (Павел Иванович Раев, 1827-1898) был духовником Августейшей Семьи; оставил по себе добрую память. Обер-прокурор Св. Синода Н.П.Раев вместе с князем Жеваховым стремился оживить приходскую жизнь, наполнить ее христианским деланием. К сожалению, эта деятельность быстро прервалась. Масону Керенскому нужны были не государственники, а шуты, и в обер-прокуроре Львове он нашел себе такого шута, который не только заменил весь Синод, но и сместил со столичных кафедр двух самых духоносных владык — Питирима и Макария. Россию прибрали к рукам преступники.

Скудны сведения о жизни Н.Д.Жевахова за рубежом. Известно только, что этот пламенный монархист зорко следил за всеми событиями, имевшими быть в его Отечестве. Незадолго до кончины князь посетил Закарпатье, еще не занятое большевиками.

Умер Николай Давидович в 1938 году, оставив после себя замечательные книги, им написанные за три десятилетия. В том же году скончался на Соловках его брат, Владимир Давидович, во иночестве Иоасаф, митрополит Могилевский, и тоже духовный писатель. Вспомним их в молитвах своих, православный читатель!

Спаси Господи.

Александр СТРИЖЕВ

1993 г.